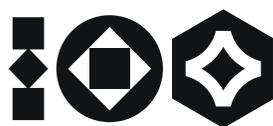


Т. Н. Русских

**КОММУНИКАТИВНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
УДМУРТОВ**





**СТОЛЕТИЕ
УДМУРТИИ**

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

Т. Н. Русских

**КОММУНИКАТИВНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
УДМУРТОВ**

Монография

Ижевск 2019

УДК 395(=511.131)
ББК 63.5(2Рос.Удм)
Р89

Научный редактор
к. и. н. Е. В. Попова

Рецензенты:
к. и. н., доцент Д. Г. Касимова,
к. и. н., доцент Л. А. Волкова

Русских Т. Н.

Р89 Коммуникативное поведение современных удмуртов: монография / науч. ред. Е. В. Попова; УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск: Изд-во «АлкиД», 2019. – 268 с.: фот. + вкл.

ISBN 978-5-6043914-4-0

Монография посвящена изучению коммуникативного поведения современных удмуртов. На основе полевых материалов, собранных автором в ходе этнографических экспедиций по районам Удмуртии, выявлены наиболее распространённые в удмуртском коммуникативном пространстве вербальные и невербальные способы общения, проанализирован социальный символизм, авто- и гетеростереотипные представления и их место в общении современных удмуртов, охарактеризованы новые формы общения, которые появились благодаря распространению новых технических устройств и глобальной сети Интернет.

Книга адресована историкам, этнологам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей и культурой народов Камско-Вятского региона.

ISBN 978-5-6043914-4-0

УДК 395(=511.131)
ББК 63.5(2Рос.Удм)

© УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019
© Т. Н. Русских, текст, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
<i>История изучения коммуникативного поведения удмуртов – Предмет, цели и задачи исследования – Обзор источников и методика их сбора – Методологические аспекты исследования и понятийный аппарат</i>	
Глава 1. Вербальные способы коммуникации удмуртов	37
1.1. Ситуативная модель вербальной коммуникации удмуртов	37
<i>Установление контакта: приветствие, обращение «ты» и «вы», знакомство – Планирование – Проявления вежливости: комплимент, благодарность, извинение – Общение в семье – Общение с соседями – Коммуникация в общественных местах – Самопрезентация в вербальной коммуникации – Стратегии поведения в конфликтных ситуациях – Тематика общения – Тематические и речевые табу – Юмор в коммуникации</i>	
1.2. Прозвища в вербальной коммуникации	83
1.3. Пожелания, заверения и «пустые» слова как вербальный способ коммуникации	87
1.4. Коммуникативное поведение удмуртов во время гостеваний	91
<i>Приглашение в гости – Общение с гостями и в гостях (воспоминания респондентов 1920–1970-х годов рождения) – Особенности современного приёма гостей и визитов в гости (по воспоминаниям респондентов 1980–1990-х годов рождения) – Коммуникативное поведение детей во время гостевания</i>	
1.5. Особенности употребления инвективы	107
Глава 2. Невербальные способы коммуникации	124
2.1. Кинемоморфемы и кинемы в коммуникативном поведении удмуртов	124
<i>Мимика – Позы – Номинативные жесты – Эмоционально-оценочные жесты – Указательные жесты – Риторические жесты – Игровые жесты – Вспомогательные жесты – Магические жесты и действия – Жаргонные и асоциальные жесты – Кинемы</i>	

2.2. Социальный символизм в удмуртской коммуникации	160
<i>Социальный символизм во внешности собеседника</i>	
2.3. Понятие пространства и времени в коммуникативной практике современных удмуртов	173
<i>Время осуществления действий – Ориентация в пространстве</i>	
2.4. Гостинцы и подарки как способ невербальной коммуникации	175
2.5. Ситуативная модель невербального коммуникативного поведения удмуртов	183
<i>Взгляд – Физический контакт в ходе общения – Манипуляция предметами – Выбор места общения – Молчание – Уважение и неуважение – Темп общения – Ориентация на собеседника – Коммуникативный эгоцентризм – Стремление к постоянству круга общения – Коммуникативный самоконтроль – Коммуникативная реакция – Объем общения</i>	
Глава 3. Письменная и цифровая коммуникация	205
<i>Общение посредством текстовых сообщений: письмо, открытка, телеграмма – Общение посредством телефонной связи – Коммуникация в пространстве Интернета: электронная почта, социальные сети, мессенджеры</i>	
Глава 4. Анализ вербальных символов методом семантического дифференциала	214
<i>Стереотипные представления удмуртской молодёжи северных районов Удмуртии – Стереотипные представления удмуртской молодёжи южных районов Удмуртии</i>	
Заключение	230
Список источников и литературы	235
Приложение 1	257
Приложение 2	260
Список информантов	262

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир невозможно представить без межэтнических взаимодействий, которые происходят в различных сферах жизни человека: личные контакты, туризм, спорт, наука, бизнес, политика и т. д. Кроме того, происшедшие социальные, экономические и политические изменения в мировом масштабе привели к повышению мобильности людей, что способствовало увеличению миграции народов, их переселению, смешению и расширению контактов. В свете сказанного проблема изучения особенностей коммуникативного поведения различных народов приобретает актуальный характер и важна для России как полиэтничной и поликонфессиональной страны.

Разные виды и практики коммуникации и коммуникативного поведения, трансформируясь, приобретают новые формы, при этом сохраняя веками сложившиеся этнические ценности, обычаи и традиции, нормы поведения. В связи с этим, как отмечают исследователи, каждый участник коммуникации, особенно межэтнической, обладает своей системой правил, вербальных и невербальных кодов, которые обеспечивают закодированность и раскодированность посланных и полученных сообщений [Бухаров 2014: 94]. Усвоение информации и правильность её восприятия во многом зависит от умения интерпретировать эти коды в контексте особенностей картины мира вступающими в коммуникацию представителями того или иного этноса. В связи с этим как никогда остро стоит проблема компетентного межэтнического взаимодействия, понимания этнической специфики, правильной интерпретации коммуникативных кодов, в том числе связанных с разной этнической культурой.

В зависимости от менталитета, культурных и мифологических воззрений формируется символическая сфера, в рамках которой представители этноса общаются и понимают друг друга. Как определяет Ю. М. Лотман: «Символы образуют ядро культуры и формируют единое пространство взаимодействий индивидов, ареал которого совпадает с национальными границами. Все участники коммуникации должны

иметь навык семиотического опыта, который предшествует любому коммуникативному акту» [Лотман 1999: 146]. Уникальность символической сферы коммуникативного пространства этноса, по мнению антрополога Э. Лича, зачастую усложняет процесс межэтнической коммуникации, любой знак и любые символы, используемые в процессе общения, «передают смысл, когда они сочетаются друг с другом, а не тогда, когда представляют собой наборы бинарных знаков в линейной последовательности» [Лич 2001: 116]. Таким образом, для расшифровки послания в ходе разговора не достаточно знания языка собеседника, необходимо знать и учитывать также культурный контекст, в рамках которого происходит взаимодействие.

Монография посвящена исследованию особенностей коммуникативного поведения удмуртов разного возраста, сельских жителей и горожан в повседневной жизни и в рамках гостевых визитов, трапез, во время некоторых семейных обрядов (крестины, свадьба, поминки, похороны). За пределами исследования остаются виды и особенности современного коммуникативного поведения во время общественных, семейных и календарных обрядов, включая регламентированное обрядовое поведение и коммуникацию. Эта тема в силу своей специфики выходит за рамки данного исследования и предполагается как актуальная для отдельного анализа. Учитывается и гендерный подход: материал собран среди мужчин и женщин разного возраста. В работе зафиксированы и проанализированы средства и приёмы коммуникации, наиболее распространённые среди удмуртов, представлены традиции и нормы, регулирующие вербальное и невербальное общение, их трансформация в коммуникативных практиках современной удмуртской молодёжи.

Для начала обратимся к степени изученности проблемы и рассмотрим существующие методологические подходы к её решению.

История изучения коммуникативного поведения удмуртов

Особенности коммуникативного поведения, общения и способы коммуникации упоминаются в работах участников академических экспедиций конца XVIII века, также нашли отражение в трудах исследователей XIX века, наряду с вопросами изучения и описания этнической психологии удмуртов, этикета и поведения в повседневной жизни и во время обрядов.

Исследователи XVIII и XIX столетий не выделяли формы коммуникаций в качестве специального объекта изучения. Но краткие и разрозненные сведения о них можно почерпнуть из описаний отдельных поведенческих практик, менталитета и национального характера, которые в свою очередь накладывают отпечаток на особенности общения. Среди ранних работ интерес, в первую очередь, представляют упоминания способов вербальных и невербальных практик коммуникации, в том числе жесты и позы, принятые формы общения и проявления коммуникативного поведения. Так, Н. П. Рычков отзывался об удмуртах как о «смирненных», приветливых, дружелюбных, благочестивых и гостеприимных [Рычков 1770: 164–165]. И. Г. Георги отмечал, что у удмуртов не принято демонстрировать эмоции: «...к любви не страстны и простосердечны» [Георги 2007: 91]. Как наиболее распространенный жест отметил рукопожатие, сопровождаемое фразой «*Дис бан!*» («Здравствуй!»). При конфликтах используют бранные слова: «скитающееся стерво (*иной удман*), бестолковый бес (*вистан шайтан*), и сие проклятье чёрт тебя возьми! (*шайтан мед бастос*)» [Георги 1776: 56]. Описывая коммуникативные стратегии во взаимодействиях с представителями других этносов, учёный подчёркивает замкнутость удмуртов, которая заставляет избегать общения с другими народами [Там же: 58].

Наблюдения за некоторыми коммуникативными практиками удмуртов нашли отражение в работе М. Буха «Вотяки» [Бух 1882]. По мнению исследователя, удмурты дружелюбны, миролюбивы, флегматичны, на вопросы отвечают медленно. В большинстве случаев от контактов с народами, живущими по соседству, отклоняются, благодаря чему сохраняют свою самобытность [Там же: 29–31].

Сюжеты о некоторых особенностях коммуникативного поведения удмуртов встречаются в статьях разных авторов (в том числе и анонимных), напечатанных в «Вятских губернских ведомостях» (далее – ВГВ) XIX – начала XX века.

В ситуации межэтнической коммуникации, большинство авторов, выделяя особенности поведения удмуртов, отмечает уживчивость, хотя при этом, по их словам, удмурты «остаются замкнутыми и обособленными». При общении придерживаются негласного правила: «Будь сам добр, так и другие будут к тебе добры», а потому иногда бывает достаточно одного ласково сказанного слова «уромушко!» (тат. дружочек), чтобы расположить его к себе [ВГВ № 10 1861: 103]. Другими авторами подчёркиваются флегматичность, медлительность и неторопливость

удмуртов [Г. И. (имя автора в первоисточнике дано в сокращении. – Т. Р.) ВГВ № 81 1900: 218], сдержанность в выражении эмоций [ВГВ № 101 1884: 3]. Некоторые авторы среди прочего выделяли склонность ко лжи, общему лжесвидетельству, особенно в отношении людей, которые неприятны. В качестве таковых, как отмечают источники, часто выступали сотники, капитаны-исправники и т. д. [ВГВ № 32 1859: 218]. Лаконичность, как особенная черта коммуникативного поведения удмуртов, отмечается в публикациях краеведа Н. Кибардина: в удмуртском обществе не принято много говорить, болтливые люди не пользуются уважением, таких называют «куштон», то есть «бросовый», негодный для жизни в обществе человек [Кибардин 1897: 5]. Не ускользнули от взгляда краеведа и особенности невербального поведения. Так, при сильном чувстве неловкости и стеснении удмурт «напрягает все свои силы, переступает с ноги на ногу, покачивается, вытягивает вперёд руки, точно нужное ему слово хочет поймать...» [Там же]. В момент просьбы начинает всегда издали: «вначале постоит молча, потом заговорит на посторонние темы, и лишь только убедившись, что собеседник хорошо расположен к нему, перейдёт к делу» [Там же]. При этом он может прибегнуть к следующей невербальной тактике: «займёт скромное место, обычно какой-либо угол, или встанет недалеко от порога и будет стоять, уходить и опять возвращаться» [Там же]. Выражая негативные эмоции, удмурты, как пишет Н. Кибардин, не прибегают к сквернословию, но активно используют разнообразные проклятия в адрес обидчика: «чтобы леший унёс тебя», «чтобы собака съела твою голову». С целью нанести оскорбление собеседнику или представителю другого народа, как отмечает в данном случае Н. Кибардин, прибегают к прозвищам. Так, русских они обзывали: «*паськыт чырты*» (горлодёр), «*бадзым кёт*» (большое брюхо), «*пуны*» (собака) и т. д. [Там же]. Привыкшие к общению с узким кругом людей, при незнакомцах замыкаются, становятся скрытными, на все вопросы отвечают одной фразой: «*Ук тоцке*» (не знаю) [Там же].

В сферу внимания авторов середины и конца XIX века попадают и различия среди этно-территориальных групп удмуртов, отражающие их коммуникативные предпочтения. Отмечается, что малмыжско-сарapulьские удмурты более робки и просты, по сравнению с другими удмуртами, русских они «не чуждаются, а татар боятся и не любят» [ВГВ № 32 1859: 217–218]. В этом они схожи с глазовско-сарapulьскими удмуртами, которые не только «внешне очень похожи на русских, но и расположены к ним в общении, предпочитая общаться на русском языке»

[Кибардин 1897: 5]. Относительно елабужских удмуртов отмечается, что они настороженно относятся к русским, пугают ими своих маленьких детей: «*Зйбыт! Дзюч пыриз*» (Смирно! Русский зашёл!) [Там же]. С татарами же, напротив, «легко находят общий язык, перенимают черты поведения, ни в чём не уступая им» [ВГВ № 32 1859: 217].

Некоторые вербальные практики коммуникации удмуртов нашли отражение в исследовании Б. Мункачи [Munkacsi 1887], посвящённом народным обычаям и поэзии удмуртов, где имеются примеры инвективной лексики (*каргаськон кыльёс*), приветствий, слов-клятв [Там же: 191–192].

Сведения об особенностях коммуникативного поведения удмуртов встречаются в работах Г. Е. Верещагина [1886; 1926; 1995; 1996; 1997; 2000; 2006]. Автором представлена ценная информация о видах коммуникации в разных сферах жизни удмуртов: от ритуальной до повседневной, даны примеры как вербальных и невербальных коммуникативных практик внутри этнического и сельского сообщества, так и при взаимодействии с представителями других народов, проживающих по соседству.

В исследованиях Н. Г. Первухина северные удмурты характеризуются как красноречивые, склонные к поэзии, смелые собеседники [Первухин 1888: 11].

Подобной точки зрения относительно некоторых особенностей коммуникативного поведения удмуртов придерживался В. М. Бехтерев, выделяя их стремление уклониться от контактов с русскими и татарами, скрытность и робость [Бехтерев 1880: 642].

Две основные модели поведения удмуртов раскрываются П. М. Богаевским, отмечающим, что в отношениях с посторонними, малознакомыми людьми удмурты скрытны, подозрительны, в кругу же своей семьи откровенны и веселы [Богаевский 1888: 14–15].

Б. Г. Гаврилов, изучая поверья, обряды и обычаи удмуртов, приходит к выводу, что скрытность и скупость народа исчезает при «ласковом и скромном обращении с ним» [Гаврилов 1891: 81]. Исследователь подчёркивает, что удмурты не будут открыто демонстрировать ненависть к тем, кто их обижает, предпочитая сдерживать негативные эмоции: «В настоящее время некоторые чиновники и священники, приезжая к вотякам <...>, смеются над их поверьями и укоряют их за языческие обряды. При таких случаях вотяки показывают равнодушные к насмешникам, но внутренне ненавидят таких лиц» [Там же: 82].

Профессор Казанского университета И. Н. Смирнов описывает доверчивость удмуртов в сочетании с чрезмерной подозрительностью [Смирнов 1890: 252]. Рассматривая силу проявления эмоций сквозь призму удмуртской лирической поэзии и музыкальной культуры, И. Н. Смирнов приходит к выводу, что удмурты равнодушны, флегматичны и бесстрастны [Там же: 254]. Лишь одна эмоция, по словам учёного, выражается у них наиболее ярко – «страх перед началом говорить» [Там же: 255].

Таким образом, в работах авторов чётко прослеживаются две модели коммуникативного поведения удмуртов. Первая – это лаконичность, доходящая до неразговорчивости и замкнутости, бесстрастность и отсутствие эмоций в коммуникации с «чужими» людьми, в том числе не говорящими на удмуртском языке. Вторая – оживлённость, открытость и эмоциональность в общении со «своими» и с людьми, говорящими на их родном языке и положительно настроенными по отношению к ним.

В исследованиях начала XX века оценка психологических черт удмуртов, влияющих на их коммуникативное поведение, практически не меняется. Однако упоминается, например, что удмурты чрезмерно медлительны и неповоротливы, боязливы [Максимов 1925: 18], доверчивы [Максимов 1925: 19; Луппов 1901]. По мнению С. Е. Ласточкина, доверчивость удмуртов давала русским возможность быстро входить в их круг общения и без труда обманывать. Удмурты реагировали на это избеганием, стремясь ограничить контакты с русскими: «вотяки не могли ужиться с русскими и от них уехали или их самих выжили...» [Ласточкин 1926: 72].

Пожалуй, лишь К. Герд, В. П. Налимов, В. В. Лебедев, рассматривая особенности коммуникативного поведения удмуртов, пытаются выявить обуславливающие их причины. Анализируя удмуртские песни, К. Герд пишет о боязливости и молчаливости удмуртов. Они не любят публичного выступления и «пустой болтовни», поскольку боятся общественного осуждения [Герд 2004: 131], «но уж если начнут говорить, то вложат всю душу» [Там же: 129]. Замкнутыми становятся лишь в русской среде, а среди своих раскрываются подобно «тысячелепестковому цветку» [Герд 1926: 18–19].

В. П. Налимов отмечал такие коммуникативные особенности, как подозрительность и недоверие удмуртов по отношению к незнакомым людям, объясняя это частыми злоупотреблениями администрации и духовенства. Поведение удмуртской интеллигенции он сравнивает с поведением молодой гимназистки: «они держатся с достоинством, но при

этом пугливо оглядываются по сторонам, опасаясь допустить ошибку». Они достаточно осторожны, пытаются избегать однозначных оценочных суждений и излишней эмоциональности [Налимов 2010: 187].

В. В. Лебедев впервые заговорил о «феномене молчания удмуртов»: «...когда подъезжаешь от русского города к удмуртской деревне, видишь страшную немоту... Народ сотни лет не мог сказать своего слова... И если он молчал, то это не от отсутствия в нём способностей. Это молчание характеризует не удмуртов, ... а прежде всего тех, кто покорил удмуртов...» [Лебедев 1957: 144–145]. Не ускользает от взгляда вятского писателя и отсутствие мимики: «удмурты смотрели серьёзно, не меняя лиц» [Там же: 158]. Рассуждая о причинах малоразговорчивости удмуртов и «жёсткости» в выражении лица, он приходит к выводу, что эти черты являются приобретёнными в результате несправедливого отношения со стороны административно-управленческого аппарата, например приставов и священников [Лебедев 1957: 145].

В современных исследованиях коммуникативное поведение удмуртов рассматривается в контексте системного анализа этноса (В. В. Пименов), религиозно-мифологической картины мира (В. Е. Владыкин, Т. Г. Владыкина, Н. И. Шутова, Н. В. Анисимов), особенностей обрядов и обрядового, ритуального поведения и общения (Л. С. Христолюбова, Г. К. Шкляев, И. П. Поздеева, Е. Я. Трофимова, В. И. Троянов, Е. В. Попова), народной педагогики и практик воспитания, регламентирующих поведение (Г. А. Никитина), особенностей менталитета (А. Н. Петров), этикета и этнических стереотипов (И. К. Назмутдинова, И. Л. Поздеев). Вербальные символы и способы коммуникации рассматривались в исследованиях филологов (Г. Н. Лесниковой, С. Ф. Васильева, В. Л. Шибанова, Т. Р. Душенковой), психологов (В. Ю. Хотинец), философов (Ф. П. Пукрокова, А. Г. Красильникова).

В монографии В. В. Пименова «Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса» рассматриваются некоторые аспекты межэтнической коммуникации удмуртов. Автор отмечает, что в удмуртах прослеживается «противоречивость проективного и реального поведения» [Пименов 1977: 207]. Так, проективное поведение удмуртов свидетельствует о том, что любые контакты, обмены и взаимодействия межэтнического характера получают положительную оценку. В реальном же поведении, несмотря на наметившуюся тенденцию к определенному межэтническому сближению, удмурты отдают предпочтение коммуникативным контактам с представителями своего этноса [Там же: 208].

Анализируя религиозно-мифологическую картину мира удмуртов, В. Е. Владыкин приходит к выводу, что древние религиозно-мифологические представления, закрепившие в мировоззрении народа основные системы образов и символов, позволяют обосновать многие особенности современного вербального и невербального коммуникативного поведения [Владыкин 1994: 65]. Вербальная коммуникация, рассматриваемая исследователем в контексте ритуальных молитв *куриськон* (молитвах-просьбах), свидетельствует о смирении, готовности подчиниться существующим порядкам, трепетном отношении и уважении к старшему поколению, стремлении избежать конфликтных ситуаций и сохранить социальный мир, «добрые отношения с добрыми людьми», положительную репутацию в глазах односельчан [Там же: 306–307]. Оставаясь приверженцами общинного уклада жизни, удмурты, по мнению В. Е. Владыкина, сохранили зависимость от оценки общества. Мнение окружающих людей имеет большую силу, чем предписания официальных властей, а потому выступает как приговор [Владыкин 2014: 330–331].

С точки зрения мифологии визуального и акустического охарактеризовала коммуникативное поведение удмуртов Т. Г. Владыкина [2008]. Автор говорит об иллюктивности языка, нюансы которого не могут определить не только представители иных культур, но и сами носители. Наиболее ярко данная черта проявляется в вербальных символах ритуального коммуникативного поведения, анализ которых показал, что слово в коммуникативных практиках удмуртов имеет значение знаковой субстанции, порождающей различные виды иносказаний и заговорно-заклинательных жанров [Там же: 82–83]. Заговорная традиция, «законсервировавшая» архаичные представления, благодаря языку, способна сохранить разновременные напластования, что в свою очередь даёт возможность рассматривать особенности речевого поведения в исторической ретроспективе. Т. Г. Владыкина акцентирует внимание на влиянии традиционных поверий и примет на регламентацию повседневного поведения удмуртов [Владыкина 1992: 126; 2009: 102].

Влияние религиозных традиций на особенности поведения удмуртов в процессе коммуникации с сакральным миром духов и миром живых анализируются в работах Н. И. Шутовой [2001] и Н. В. Анисимова [2017]. Исследователи отмечают, что коммуникативное поведение в данной сфере строго регламентировано [Шутова 2001: 102–103; Анисимов 2017: 20, 295] и подчиняется негласным архаичным правилам, призванным защитить мир живых от влияния мира мёртвых [Шутова 2001: 120, 121; Анисимов 2017: 285–286].

Виды и приёмы коммуникативного поведения рассматриваются большинством исследователей в тесном переплетении с обрядовым поведением. Так, Л. С. Христолюбова отметила, что большинство действий в обрядовой сфере приобретают двойную нагрузку: с одной стороны, они выполняют утилитарные функции в достижении повседневных целей, с другой – содержат глубокий сакральный смысл, раскрывающийся в процессе обряда [Христолюбова 1995: 165]. Само же поведение подчиняется системе ценностей, существующих в культуре этноса, усваиваемых в процессе социализации и передающихся из поколения в поколение [Христолюбова 1992: 31].

Важный вклад в изучение традиционного поведения и общения удмуртов внесли исследователи Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, впервые обратив внимание на эту тему и посвятив ей специальный сборник [Традиционное поведение и общение удмуртов 1992]. Этнографы, фольклористы и лингвисты рассматривают коммуникативное поведение удмуртов в разных аспектах. Г. К. Шкляев прослеживает изменение внутри- и межэтнического коммуникативного поведения в исторической ретроспективе на основе письменных источников [Там же: 5–30]. Л. С. Христолюбова раскрывает особенности стереотипов общения удмуртов в процессе социализации [Там же: 31–42], Е. Я. Трофимова выявляет наиболее распространённые формы общения и поведения удмуртов [Там же: 43–60]. Национально-культурная специфика коммуникативного поведения и постулаты речевого общения проанализированы И. П. Поздеевой, Е. Я. Трофимовой, В. И. Трояновым [Там же: 171–182]. Е. В. Попова акцентировала внимание на формах коммуникации и праздничном общении молодёжи [Там же: 61–74].

Способы коммуникации удмуртов с точки зрения этнопсихологии более детально проанализировал Г. К. Шкляев [1998; 2003]. Учёный выявил влияние качественных и количественных изменений социальной среды на межэтническую коммуникацию, закономерности, регулирующие и определяющие специфику национального характера, механизмы, позволяющих сохранить этнос [Там же: 207–208].

В коллективной монографии «Удмурты: историко-этнографические очерки» Л. С. Христолюбовой достаточно подробно рассматривалась вербальная и невербальная коммуникация внутри традиционной удмуртской семьи и в традиционных семейных обрядах [Удмурты 1993: 187–196; 197–208]. Ценностные ориентации и черты удмуртского национального характера, оказывающие влияние на межэтническую

коммуникацию, проанализированы Г. К. Шкляевым [Там же: 354–369; 370–383]. Особенности поведения удмуртов во время трапезы представлены в исследовании Е. Я. Трофимовой [Там же: 149–164].

Коммуникативное поведение удмуртов сквозь призму народной педагогики рассматривала Г. А. Никитина. Исследователем затронуты особенности семейного, соседского, межвозрастного коммуникативного поведения [Никитина 1997: 50–53]. В монографии «Сельское сообщество в Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков» составлен социально-психологический портрет сельских удмуртов, а также рассматриваются стратегии и практики поведения, реализуемые ими в повседневном общении [Никитина 2015: 229–243].

Определяющее влияние менталитета на поведенческие практики удмуртов отметил в своей работе А. Н. Петров. По мнению исследователя, поведение удмуртов, которое мы наблюдаем сегодня, является следствием особенностей исторического развития этноса. Характеризуя межэтническую коммуникацию, учёный отмечает, что несформированность механизмов адаптации личности вне своей социальной микрогруппы, неразвитость коммуникативных инструментов, плохое знание русского языка отрицательно сказывались на характере взаимоотношений с соседними народами [Петров 2002: 42], а значимость семейно-родственных и общинных отношений формировали идеал «маленького», «усредненного» человека, который не выделялся из общей массы [Там же: 119].

Особенности коммуникативного поведения удмуртов сквозь призму этнических норм этикета представлены в исследовании И. К. Назмутдиновой о семейном и гостевом этикете удмуртов [Назмутдинова 2017]. Анализируя формы меж- и внутрисемейного коммуникативного поведения, учёный отмечает, что «запреты, свёрнутые до формы правила поведения и возведённые в закон, являются стойким элементом устной культуры удмуртов, сохранившейся и сегодня» [Там же: 183]. Нормы этикета, с давних времён являясь своеобразной формой управления традиционным обществом, упорядочивали жизнь не только отдельного индивида, но и удмуртского сообщества в целом. Поэтому современные особенности поведенческих реакций удмуртов, по мнению исследователя, объясняются передающимися из поколения в поколение моделями стереотипного поведения [Назмутдинова, Поздеев 2016: 291].

В фокусе внимания лингвистов чаще всего оказываются отдельные лингвистические единицы вербальной коммуникации. Так, Г. Н. Лесникова, С. Ф. Васильев, В. Л. Шибанов, Т. Р. Душенкова подошли к разработке

проблемы посредством анализа семантических определений, фразеологических единиц и концептов, используемых в разговоре. Анализируя фразеологические единицы удмуртского языка, используемые в вербальной коммуникации, Г. Н. Лесникова с их помощью раскрывает особенности национального характера [Лесникова 1994: 3]. Т. Р. Душенкова, изучая вербальные концепты в удмуртском языке, приходит к выводу, что вербальная коммуникация во многом обуславливается мироощущением удмуртов, которое находит своё воплощение в языковой картине мира [Душенкова 2002; 2014; 2015]. Литературоведы С. Ф. Васильев и В. Л. Шибанов в своих исследованиях проследили трансформацию моделей поведения удмуртов соответственно изменениям, происходящим в укладе их жизни. Этнос, по мнению учёных, стал примерять на себя модели, впадая иногда в крайности: от стремления обезличиться и раствориться в общей массе до осознания собственного превосходства, приводящего к гипертрофированному самомнению [Васильев, Шибанов 1997: 136–137].

Исследования коммуникативного поведения удмуртов на стыке этнопсихологии и этносоциологии предприняты В. Ю. Хотинец. Она отметила определяющую роль стереотипов в коммуникативном поведении удмуртов [Хотинец 2008: 3], проанализировала влияние авто- и гетеростереотипных представлений на процессы межнациональной коммуникации, формирование картины мира [Хотинец, Молчанова 2013: 310] и ментальности [Хотинец 2011: 107–108].

Особенности вербальной коммуникации удмуртов выделил философ Ф. П. Пукроков в процессе изучения национального характера сквозь призму народных сказок. Исследователь обратил внимание на то, что в удмуртской вербальной коммуникации отсутствуют оскорбительные эпитеты, прозвища других этносов, «захватническая лексика», и лишь в легендах можно встретить сюжеты о самозащите, вынужденном противоборстве при столкновении с агрессией со стороны других народов. Это связано, как считает автор, «со стремлением удмуртов жить в дружбе с соседями, отсутствием установок, возвышающих себя и свой язык за счёт унижения других» [Пукроков 1992: 80].

Влияние способа передачи информации на культуру, роль коммуникативных средств как культурообразующих факторов рассматривал А. Г. Красильников [2008]. Исследователь отмечает, что способы коммуникации влияют на развитие социальной организации людей, являясь причиной качественных сдвигов в культурном развитии [Там же: 48–49]. Дописьменная культура сформировала в удмуртах способность судить

о мире в рамках своего микромира, где день за днём протекает их обыденная жизнь. Здесь главным моральным ориентиром стал императив «быть как все», что способствовало формированию таких национальных черт, как толерантность, умение прийти к компромиссу [Там же: 54]. Слово в рамках такой культуры, по мнению А. Г. Красильникова, играло огромную роль. Оно передавало информацию не только от говорящего к слушающему, но и сохраняло преемственность поколений, поэтому обладало такой же реальностью, как и предметный мир [Там же: 56–57].

А. Н. Утехина в монографии «Межкультурное образование молодёжи в полиэтничном регионе (на примере Удмуртской Республики)» в качестве главной особенности коммуникативного поведения удмуртов выделила интровертный стиль общения, выражающийся в скупости аффективных реакций. Исследователь отмечает, что вместе со скромностью внешних проявлений, усиливается внутренний накал переживаний. Сдерживаемые эмоции находят свой выход в разных видах творчества, особенно в пении. В средствах коммуникации развиты краткие, но многообразные приветствия, пожелания. В диалогах фразы носят предполагающий, поддерживающий характер. Для удмуртов эмоционально-положительный ход общения важнее решения какой-либо проблемы. Ценится проявление таких личностных качеств, как доброжелательность, уравновешенность. Чрезвычайно важными для удмуртов являются такие коммуникативные качества, как приветливость, отзывчивость, тактичность [Утехина 2006: 56–58].

Таким образом, для большинства исследователей XVIII–XIX веков данная тема не была самостоятельным объектом изучения, но так или иначе она фрагментарно представлена в контексте разных тем. В основном коммуникативное поведение и виды коммуникации рассматривались в ходе изучения менталитета удмуртов, обрядового поведения, этикета, межэтнического взаимодействия. И лишь в 1990-е годы они становятся предметом специального изучения и обсуждения исследователей. Тогда же были очерчены основные вопросы и темы, источники и междисциплинарные подходы. Изучение специфики внутри- и межэтнического вербального и невербального поведения, особенно с появлением новых форм коммуникации (мобильные, телефоны, Интернет) приобретает особую актуальность.

Анализ истории изучения особенностей коммуникативного поведения удмуртов позволяет более конкретно сформулировать цели и задачи монографии.

Предмет, цели и задачи исследования

В связи с этим основной целью исследования стало выявление особенностей коммуникативного поведения современных удмуртов. Исходя из этого, был определён основной круг задач: выявить специфику и виды вербальных символов, используемых удмуртами в повседневной коммуникации; зафиксировать и проанализировать инвективную лексику, заклятья, слова-заверения, слова-обереги, пожелания, рассмотреть сферы их функционирования, изучить избираемые современными удмуртами стратегии поведения и выявить коммуникативные предпочтения, определяемые стереотипными представлениями; охарактеризовать особенности невербальной коммуникации удмуртов, в том числе описать невербальные сигналы, которые используются в процессе повседневного общения, и формы общения, которые стали возможны благодаря появлению новых технических устройств и Интернета. В числе задач – попытка представить повседневные способы коммуникации, проследить изменения, происходящие в современных коммуникативных практиках удмуртов.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XX – первое десятилетие XXI века. Нижняя временная рамка обусловлена наличием источников, возможностью выявить репрезентативный материал в ходе экспедиционных исследований. Так, воспоминания большинства респондентов старшего возраста связаны с советскими годами их жизненных историй. Обращение к опубликованным источникам XVIII–XIX веков, а также к трудам предшественников, в той или иной степени затрагивавших предмет исследования, оправдано необходимостью выявления истоков, эволюции внутри- и межэтнических способов и приёмов вербальных и невербальных коммуникаций удмуртов.

Верхний временной рубеж обусловлен накоплением необходимого комплекса репрезентативных источников, отражающих ситуацию наших дней и позволяющих более детально проанализировать новые аспекты в способах и видах этнической коммуникации, получившие широкое распространение в результате внедрения массовой культуры и Интернета.

Территориальные рамки исследования включают несколько районов Удмуртской Республики, в том числе: северные – Глазовский, Базинский, Кезский, центральные – Якшур-Бодьинский, Дебёсский, Игринский, Вавожский, Увинский, южные – Малопургинский, Можгинский, Алнашский районы, а также города Глазов, Ижевск, Можга. Данная выборка обусловлена задачей выявить локальные особенности в коммуникативном

поведении разных этно-территориальных групп удмуртов, формирование и развитие которых шло во взаимодействии с культурами соседних народов.

Обзор источников и методика их сбора

Исследование коммуникативного поведения удмуртов носит междисциплинарный характер, потому предполагает комплексное использование разных по происхождению и содержанию источников.

Основную эмпирическую базу составили полевые материалы, собранные автором в ходе этнографических экспедиций и выездов в разные районы Удмуртии в 2009–2019 годах.

Полевая работа предполагала как кратковременные выезды, так и продолжительное исследование в одних и тех же населенных пунктах. В процессе сбора информации использовались апробированные в полевых условиях методы этнографии и этнопсихологии: интервью, опрос, анкетирование и включённое наблюдение. Проведено интервьюирование 137 человек (удмуртов) из разных районов Удмуртии в возрасте от 17 до 89 лет. Вопросы задавались с целью выявления специфики коммуникативного поведения и опыта межэтнического общения. Выбор как пожилых, так и молодёжи в качестве респондентов обусловлен необходимостью выяснить особенности коммуникативного поведения среди представителей разного возраста. При проведении опросов и наблюдений учитывались и гендерные различия.

В результате анализа полученных данных были выявлены основные стратегии и тактики коммуникативного поведения удмуртов как внутри-, так и в межэтнической коммуникации, запреты и предпочтения, представленные в обрядовой сфере и этикетных нормах, регламентации будней, гостевания и межэтнического общения. Средства вербальной коммуникации, приведённые в исследовании, отбирались по принципу соответствия описываемой коммуникативной ситуации и частоты употребления носителями языка в естественном языковом окружении.

Запись бесед и интервью с респондентами пожилого возраста велась на удмуртском языке, что позволило более точно зафиксировать лексику вербальной коммуникации. Беседа с молодёжью в основном происходила на русском, который информанты использовали, объясняя выбор возможностью «более точного выражения мыслей».

Собранные материалы содержат не только аудиозаписи, заполненные анкеты и результаты наблюдений, заключающие в себе новую информацию по вербальной коммуникации удмуртов, но и фотографии, отображающие невербальное диалогическое поведение. Часть этих материалов сдана в рукописный фонд научного архива Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского Федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (далее – НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) [НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598].

В работе также использовались материалы, выявленные в фондах НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Прежде всего это полевые записи участников этнографических экспедиций института в районы Удмуртии и Татарстана, содержащие сведения о гетеро- и автостереотипах, заметки об особенностях внутри- и межэтнической коммуникации. Так, материалы фольклорно-этнографической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы совместно с Удмуртским государственным университетом под руководством Т. Г. Перевозчиковой (Владыкиной) в Алнашский, Балезинский, Вавожский, Завьяловский, Шарканский, Можгинский, Малопургинский, Киясовский районы Удмуртии [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759] дали большой массив примеров вербальной лексики, используемой удмуртами в разных коммуникативных ситуациях. Участниками экспедиции собраны инвективные выражения (*каргаськонъёс*, *тышкаськонъёс*), присказки, слова-клятвы, комплименты, пожелания и т. д.

Актуальные для исследования материалы об авто- и гетеростереотипных представлениях, характеристика коммуникативной позиции удмуртов в процессе общения в моно- и полиэтничном окружении представлены в полевых материалах, собранных сотрудником Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН И. Л. Поздеевым в ходе этнографических экспедиций по гранту РГНФ «Ресурсный потенциал удмуртов в различных социо- и этнокультурных средах» [Поздеев. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1648; Его же. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1637].

Информация об особенностях поведения и чертах национального характера была почерпнута из статей, опубликованных в «Вятских губернских ведомостях». Авторы не задавались целью описания особенностей коммуникативного поведения, но касались данной тематики посредством описания быта, традиционных верований, обрядов и традиций

удмуртов [1859 № 32: 215–219; 1861 № 10: 7; 1861 № 11: 7; 1884 № 101: 3; 1885 № 45: 3; 1888, № 32: 3; 1888 № 33: 3; 1888 № 38: 4; 1892 № 38: 3; 1892 № 73: 4; 1892 № 74: 3–4; 1897 № 84: 5–7; 1897 № 85: 5–7; 1898 № 22: 7–8; 1900 № 81: 2].

Примеры вербальных знаков, используемых в коммуникативном поведении удмуртов, и частично отражающие их стереотипные представления, особенности гендерного коммуникативного поведения удалось почерпнуть из материалов периодической печати. Особенно полезными оказались публикации рубрики «Олле...» республиканской газеты «Удмурт дунне», посвященной обычаям и традициям удмуртского народа [Вахитов 2006, 2006; Савельева 2010; Разин 2006]. Статьи этой рубрики содержат примеры, иллюстрирующие стереотипное поведение удмуртов в обрядово-ритуальной сфере. Литературно-художественный журнал «Луч» и «Литературная газета» [Ар-Серги 2006, 2015] содержат аналитические статьи и очерки писателей-удмуртов, посвящённые размышлениям над разгадкой «загадочной удмуртской души», и представляют переосмысление или примеры разных коммуникативных практик удмуртов. Молодёжный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Инвожо» [Гуменникова 2009] послужил источником информации об особенностях коммуникативного поведения удмуртской молодёжи.

На примере описания ярких образов героев произведений художественной литературы удмуртских писателей разного времени [Кедра Митрей 1926, 1927, 1988; Валишин 1974; Красильников 1978; Кедров 1989; Пукроков 1997] были выявлены наиболее типичные особенности коммуникативного поведения удмуртов в зависимости от их эмоционального состояния и социального статуса. Выбор данных произведений обусловлен желанием выявить особенности коммуникативного поведения, ценностные ориентиры удмуртов в представлениях аутентичных авторов, их размышления по поводу характеров героев, характеризующихся как «типичные», «удмуртские», «народные».

Фольклорно-этнографический материал позволил выявить коммуникативные установки внутри удмуртского социума и в общении с представителями других этносов. Образцы фольклора содержат основные представления, запреты и предписания о моделях поведения, стереотипах, способах коммуникации. В сборниках есть произведения, раскрывающие взаимоотношения родственников, друзей, соседей и предпочтительные формы общения и коммуникативных практик, выступающие

и представленные как модельные или идеальные [Удмурт выжыкылъёс 1920; Адымылы жеч лэсьтыса... 1976; Удмуртские народные сказки, мифы и легенды 2008; Удмурт калык пословицаос, поговоркаос 1961].

Фразеологические словари [Дзюина 1967, 1996], удмуртско-русские словари [Верещагин 2006; Удмурт кыллюкам 1991; Удмуртско-русский словарь 2008] позволили выявить и описать средства вербальной коммуникации, охарактеризовать удмуртские лингвистические концепты, которые нашли своё отражение в менталитете.

Целая галерея образных примеров не только вербального, но и невербального диалогического поведения удмуртов была представлена в рамках телевизионных передач ТРК «Моя Удмуртия» («Малы ке шуоно», «Иворъёс», «Мон егит»), художественных фильмов («Узы-боры», «Пузкар»).

Систематизация, обобщение и научное осмысление имеющегося в распоряжении автора материала осуществлялось методами сравнительно-сопоставительного и типологического анализа. Сравнительно-сопоставительный метод позволил рассмотреть исследуемое явление в развитии, проследить происходящие изменения, охарактеризовать локальные особенности, а также выявить общие черты коммуникативных практик в разных этно-территориальных группах удмуртов. Благодаря типологическому анализу удалось систематизировать и обобщить собранные источники, выявить основные средства вербального и невербального общения. Использование принципа объективности и системности способствовало более глубокому пониманию исследуемого явления с учётом конкретных исторических условий.

Методом анкетирования, была получена информация о стереотипных представлениях молодежи (16–28 лет). В опросе участвовало 600 человек. В содержании анкеты, разработанной совместно с психологами, использованы наиболее распространённые символы вербальной коммуникации, чтобы из-за диалектных различий не возникло недоразумений, каждый вербальный символ сопровождался русским переводом. На основе анкетных данных были построены субъективные семантические пространства, каждое из них представляет собой размещение объектов оценивания (удмурт, русский, татарин, я, мой друг, мой враг, мой идеал) в пространстве шкал оценивания. Построение семантических пространств осуществлялось с помощью факторно-аналитической обработки данных, предложенной В. Ф. Петренко [2005]. Для обработки эмпирических данных использовался пакет прикладных программ статистической

обработки SPSS 17 for Windows. Особенность данного метода состоит в том, что благодаря ему удалось сконструировать гетеро- и автостереотипные представления, существующие среди удмуртской молодёжи, оказывающие влияние на предпочтения, установки и стратегии, избираемые коммуникантами в процессе общения.

Методы интервьюирования, беседы и включённого наблюдения позволили зафиксировать особенности вербального и невербального поведения удмуртов в процессе коммуникации одно- и разнополых групп, сверстников и представителей разных поколений, реализацию поведенческих установок удмуртов в реальной жизни и в моделировании коммуникативных ситуаций. Внимание уделялось выявлению и описанию особенностей форм коммуникативного поведения, функционированию невербальных сигналов, сбору и анализу текстов, представляющих богатый материал по вербальной коммуникации. В работе приводятся тексты на удмуртском языке с учётом их диалектных особенностей и с максимально приближенным переводом автора на русский язык. Данный приём позволяет наглядно продемонстрировать особенности вербальной коммуникации удмуртов, а также примеры употребления отдельных вербальных символов.

Методологические аспекты исследования и понятийный аппарат

Поскольку в исследовании мы неоднократно будем обращаться к понятиям «коммуникация», «общение» и «коммуникативное поведение», вербальные и невербальные способы коммуникации, то необходимо обозначить, что понимается под этими терминами, в каком контексте они употребляются исследователями. Способы коммуникации и особенности коммуникативного поведения становятся предметом исследований не только этнографии, этнологии и антропологии, но и смежных дисциплин – психологии, социологии, лингвистики, семиотики и др. В каждой науке сложилось своё понимание сути коммуникативных взаимодействий между людьми, а также разработана своя методология изучения. Всё это способствует появлению различных подходов к пониманию общения и процесса коммуникации.

В рамках этнологических и антропологических теорий процесс коммуникации рассматривается как фундаментальная часть любого

человеческого общества. В связи с этим можно выделить два подхода к пониманию этого явления. Согласно представлениям К. Левис-Стросса, Б. Малиновского и Э. Лича, это, прежде всего, экономическая сделка, основанная на взаимном обмене, а участники осознают себя как носители определённых обязательств: «Если я делаю вам подарок, вы будете чувствовать себя морально обязанным дать что-то в ответ. С точки зрения экономических понятий вы у меня в долгу, но с точки зрения понятий коммуникации смысл обоюдного обязательства – в выражении взаимного понимания, что мы оба принадлежим к одной и той же социальной системе» [Лич 2001: 13]. В этом отношении взаимность, являясь одной из форм коммуникации, становится основным принципом экономической сделки и любого социального поведения [Функционализм Б. Малиновского: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128384>]. Сам процесс коммуникации реализуется на трёх уровнях: «коммуникация женщин» (регулируется преимущественно брачными и родственными правилами), «коммуникация имущества и услуг», «коммуникация сообщений» [Левис-Стросс 1983: 266]. Он носит опосредованный характер, поскольку основан не на конкретном восприятии одного субъекта другим, а осуществляется через такие косвенные реконструкции, как письменность и экономические законы. В связи с этим, изучение коммуникации сводится к описанию фактов и извлечению из них устойчивых элементов, на основе которых будут сформулированы правила и построены модели, отражающие суть и структуру «коммуникативных игр» [Там же: 287–289].

Второй подход фокусируется на личностном аспекте, то есть коммуникация воспринимается как процесс установления и поддержания межличностных контактов, достижения взаимопонимания между людьми. Сторонниками этой точки зрения являются зарубежные антропологи Ф. Боас, Э. Холл, а также отечественные этнографы Б. Х. Бгажноков, С. А. Арутюнов, А. К. Байбурин, А. Л. Топорков и др. По мнению Ф. Боаса, для достижения взаимопонимания в общении между людьми, принадлежащими к разным этническим культурам, исследователю необходимо отказаться от мнений и эмоций, идей, свойственных привычной ему языковой среде: «исследователь должен стараться вполне отрешиться от мнений и эмоций, в основе которых лежит специфическая социальная среда, с которой он сроднился. Он должен, по мере возможности, приспособить свой ум к уму изучаемого им народа. Чем более ему удастся освободиться от односторонности, вытекающей из групп идей, свойственных той цивилизации, среди которой он живет, тем успешнее

он будет истолковывать человеческие верования и действия. Он должен становится причастным к новым эмоциям и понимать, как при непривычных для него условиях те и другие влекут за собой определённые действия» [Боас 1926: 55–56].

Единицей описания коммуникативного поведения в этнологических и антропологических теориях выступают этнознаковые средства – «сущности, отражающие или выражающие факты данной этнической культуры, тех или иных этнических, социальных, профессиональных и иных коллективов, в рамках которых действуют люди, одарённые сознанием» [Мыльников 1989: 28]. Все они опосредованы историческим контекстом и обладают такими важными чертами, как: 1) полисемантическую, представляющую собой «внешнюю схожесть этнокультурных традиций, но при этом различную знаковую объективацию» [Там же: 20]; 2) культурная дифракция, подразумевающую различие между тем, как должно быть и тем, как реализуется на самом деле, то есть «наличие определённой семантической дистанции между нормой культуры и её реальным проявлением» [Там же: 31]; 3) бинарность («если я шагаю вперёд, то я могу сделать шаг назад» [Лич 2001: 61]); 4) зависимость от контекста ситуации использования [Там же].

Всё многообразие этнознаковых средств коммуникации сводится к двум большим группам: вербальные и невербальные. Центральное место в вербальной коммуникации занимает язык, а под вербальными этнознаковыми средствами подразумеваются всевозможные формулы обращения, приветствия, прощания, благодарности, комплиментов, оскорблений (инвектив), извинений и т. д. [Привалова 2005: 33].

Для обозначения невербальных этноязыковых средств в рамках этнографического подхода используют понятие *кинесики* – способы обращения с человеческим телом в процессе общения [Чеснов 1989: 122].

Основоположниками кинесики можно считать таких исследователей, как М. Мосс и Э. Холл. М. Мосс, анализируя двигательную активность человека, вводит в научный оборот понятие «техники тела», то есть «традиционные способы поведения, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом» [Мосс 2011: 304]. Каждое общество, по мнению учёного, обладает присущими только ему привычками, которые передаются из поколения в поколение. Благодаря им тело индивида адаптируется к жизни в обществе, действия становятся предсказуемыми. Поскольку «привычки» индивидов во многом обусловлены воспитанием, обычаями, престижем и модой, по способам исполь-

зования тела можно определить, к какой этнической общности принадлежит их носитель [Там же: 310–311]. В основе принципов классификации техник тела, предложенной М. Моссом, лежит возраст, пол, эффективность, особенность «воспитания и дрессировки» [Там же: 314].

Американский антрополог Э. Холл считает, что на характер общения влияют его пространственная организация, расстояние между людьми и их ориентация в пространстве [Холл 1995: 281]. Следовательно, язык пространства и времени – это две составляющие ядра культуры, а значит, и коммуникации. Исследования американской коммуникативной культуры позволили Э. Холлу зафиксировать четыре дистанции в межличностном общении, отражающие нормы приближения человека к человеку в различных ситуациях взаимодействия: интимная (для общения с близкими), персональная (общение со знакомыми), социальная (общение с чужими людьми), публичная (для выступлений и общения с группой) [Там же: 178–179]. Часто данные дистанции не осознаются своими носителями, поскольку воспринимаются как естественные. Игнорирование же невидимых пространственных границ в диалоге между представителями разных этносов порождает непонимание и трудности.

М. Мосс и Э. Холл сходятся во мнении, что невербальные этнознаковые средства используются носителями этнокультуры бессознательно. Осознаются только в контрасте с другим обществом. Они во многом обусловлены географической средой, занятиями, материальными условиями быта, транспортом, одеждой и т. д., поэтому исследователь должен интерпретировать их в контексте материально-природной среды. Э. Лич по этому поводу отметил, что, пытаясь определить значение выражающего поведения, «мы имеем дело с соотношением между поддающимися наблюдению моделями во внешнем мире и не поддающимися наблюдению моделями в сознании» [Лич 2001: 25]. Например, открытое выражение эмоций обычно подчиняется строжайшим запретам, потому демонстрируемое может совершенно отличаться от реально испытываемого.

К знакам невербальной коммуникации также относят предметы и вещи материального мира, пищу и особенности её употребления, которые позволяют не просто считывать информацию о собеседнике, об отношении к нему со стороны социального окружения, но и идентифицировать «своего» и «чужого» в процессе коммуникативного взаимодействия [Байбурин 1989; Топорков 1989; Серебрякова 1989; Шаханова 1989].

Ряда исследователей [Бромлей 1983; Байбурин 1985; Бгажноков 1985; Топорков 1985; Иванова 1989] при изучении коммуникативного

поведения акцентирует внимание на стереотипных представлениях, определяющих в конечном итоге исход любого коммуникативного взаимодействия.

По мнению А. К. Байбурина, стереотипы поведения представляют собой «регулярно повторяющиеся формы поведения, штампы, шаблоны, образцы поведения, принятые в той или иной культуре и реализуемые в процессе коммуникативного взаимодействия» [Байбурин 1985: 3]. В зависимости от исторического пути развития конкретного этноса, системы воспитания, которая фиксирует «типичные нормы поведения, влияет на усвоение присущих данной общности традиционных форм психической деятельности» [Бромлей 1983: 172], формируются уникальные стереотипные представления и стереотипные формы поведения, обуславливающие внешнее различие в реакциях людей разной этнической принадлежности по одному и тому же поводу.

Стереотипы также формируют представления о других этносах, ставясь основой этнических антипатий и симпатий, установок, определяющих поведение людей в ситуациях межэтнических контактов, оказывают влияние на готовность к таким контактам в быту, на производстве, в семейном и дружеском окружении. В стандартных ситуациях повседневного общения человек неосознанно будет вести себя в соответствии с выработанным годами и закреплённым в нём стереотипом поведения.

Семиотический подход рассматривает коммуникативное поведение как один из способов передачи информации с помощью знаковых систем и отдельных знаков, которые в зависимости от связи обозначающего и обозначаемого принято подразделять на иконы, индексы и символы [Лотман 1973, 1994; Мечковская 1996; Соссюр 1998; Пирс 2000; Кассирер 2002; Успенский 2002]. Сама коммуникация осуществляется по двум каналам – словесном и изобразительном [Лотман 1973: 227]. Словесный канал подразумевает передачу идей, которые являются языковыми по своей природе [Пирс 2000: 307]. По мнению Ф. Соссюра, благодаря языку в процессе общения соединяются смысл и определённый образ, причём «оба этих элемента зависят от психики человека, а также от договора, заключённого между членами коллектива» [Соссюр 1998: 20]. Изобразительный канал включает в себя не только жесты и мимику, но и предметы материального мира, наделяемые в процессе общения определённым смыслом [Лотман 1973: 227]. По мнению Н. Б. Мечковской, зачастую посредством данного канала передаётся информация, которую собеседник выразил без конкретной цели, то есть ненамеренно, а чаще

даже неосознанно. Например, «человек не хотел обнаружить свою догадку, но собеседник понял это по закушенной губе и помрачневшему взгляду» [Мечковская 1996: 8].

Сам процесс коммуникации представляется как дешифровка рецепиентом направленного потока знаковых систем и отдельных знаков [Лотман 1994: 324]. Для того, чтобы верно дешифровывать знаковые системы, нужно учитывать двойственную природу знака. Как отмечает М. Ю. Лотман, она проявляется в том, что с одной стороны, знаки коммуникации зависят от общества, в котором они функционируют, также устоев и взглядов самих участников коммуникативного акта, а с другой – они являются продуктом, унаследованным от предшествующих поколений, не меняющимся столетиями [Он же 1973: 228–229].

Лингвисты и филологи рассматривают коммуникативное поведение в нескольких аспектах. Это использование языка как инструмента, соединяющего смысл и образ [Пирс 2000; Соссюр 1998], соотношение языка и мышления [Сепир 1934; Уорф 2003, 2011; Дорошевский 1973; Звегинцев 2011], языка и национально-культурных норм поведения [Амичба 1982; Балаян, Шабанов 1982; Чкадуа 1982; Султанов 1982; Ермушкин 1982; Эредженов 1982; Прохоров, Стернин 2006], речевого поведения и невербального языка [Николаева, Успенский 1966; Горелов 2009; Акишина, Кано 1991; Стернин 2004; Крейдлин 2002, 2005; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001].

Наиболее популярной идеей среди лингвистов и филологов является концепция, в основе которой лежит гипотеза Сепира–Уорфа. Согласно которой, язык образует мысль, раскрывает дух народа, придаёт национальный характер коммуникативному поведению, предопределяет человеческое мышление и понимание окружающей действительности. Э. Сепир по этому поводу отмечает, что «люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, <...> они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Мы видим, слышим и воспринимаем те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Сепир 1934: 18]. Из этого следует, что языковая система, хранящаяся в сознании индивида, задаёт категории его мышления, соорганизуя мир и представления о нём. Люди слышат, видят и воспринимают те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы общества предполагают данную форму выражения.

Это накладывает отпечаток на мыслительный процесс и повседневную оценку тех или иных событий, поэтому живущим в разных языковых системах, бывает сложно понять друг друга. По мнению Т. Г. Тер-Минасовой, определённую сложность создают и лакуны – «белые пятна на семантической карте языка» [Тер-Минасова 2008: 40]. По мнению В. Дорошевского, «это то, что в одних языках и культурах обособляется и выделяется, а в других не сигнализируется, то есть не находит общественно закреплённого выражения» [Дорошевский 1973: 73]. Именно их детальное изучение может быть полезным при рассмотрении национальных и общечеловеческих компонентов и формировании коммуникативных понятий [Жельвис 1977: 37].

Несмотря на то, что вербальная речь признаётся лингвистами перво-степенной в процессе коммуникации, тем не менее, отдельного внимания заслуживает и невербальная сторона, центральным понятием которой является «паралингвистический компонент, представляющий собой авербальные действия (поскрипывание стулом, громохание дверью, кивок, взгляд, жест и т. д.)» [Горелов 2009: 103]. Он сопровождает устную речь, замещает вербальные символы, снимая избыточность, различается в поведении мужчин и женщин [Крейдлин 2002: 208, 479]. Итогом систематизации лингвистами всех невербальных средств коммуникации стали словари, содержащие анализ наиболее распространённых жестов [Акишина, Кано 1991; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001].

Более детальная методика изучения была предложена российскими лингвистами И. А. Стерниным и Ю. Е. Прохоровым. Так, И. А. Стернина заинтересовала прикладная сторона научных изысканий, позволяющая получить готовое знание по отношению к конкретной реальности, и обладающее прогностической силой. В связи с этим им предложено несколько моделей: ситуативная (описание коммуникативного поведения народа в рамках стандартных коммуникативных ситуаций, например, приветствия, прощания и т. д.), аспектная (описание коммуникативного поведения посредством выделения значимых аспектов конкретной лингвокультуры), параметрическая (формализованное описание на основе некоторой заданной совокупности факторов). Ситуативная модель наиболее содержательна, информативна и удобна для начального этапа исследования, параметрическая позволяет обобщить и подытожить собранные материалы [Прохоров, Стернин 2006: 87, 89]. Результатом апробации разработанной теории стали статьи и монографии, посвящённые изучению как отдельных аспектов коммуникации, так и коммуникативного

поведения разных народов [Прохоров, Стернин 2006], которые были использованы и другими исследователями [Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. 2000; Вып. 2. 2001; Коммуникативное поведение калмыков 2015].

При изучении способов коммуникации психологов интересует, в первую очередь, влияние культурных различий на процессы интерпретации и категоризации поведения в процессе общения, а также онтология поведенческих стереотипов. Основной задачей их исследований становится «выявление путей обучения “чтению” экспрессивного поведения» [Лабунская 1989: 7]. Внимание в большей мере акцентируется на изучении невербальных средств коммуникации, поскольку они являются генетически обусловленными, предваряют речь и передают информацию об эмоциональном настрое собеседника, позволяя прогнозировать исход коммуникативного контакта. Все невербальные средства принято объединять понятием «экспрессивный репертуар человека», включающий в себя «набор поз, жестов, интонаций, мимических масок, используемых в определённом сочетании в различных ситуациях общения. Основное свойство выразительного репертуара человека – движение. Богатство выразительного репертуара всецело определено уровнем психического и социально-психологического развития человека» [Лабунская 1989: 21].

Различия в использовании экспрессивного репертуара интерпретируются неоднозначно. Часть исследователей [Дарвин 1872: 18; Гиш, Форверг 1972: 131–132] считают, что жесты и мимика являются, прежде всего, отображением регулятивных процессов центральной нервной системы, желез внутренней секреции, а потому не носят какой-либо ярко выраженный национальный характер, протекают одинаково у всех представителей человеческого рода. По мнению других исследователей [Леонтьев 1966; Рубинштейн 1989; Фрейд 2005; Юнг 2016], экспрессивный репертуар представляет собой не просто набор движений, сопровождающих эмоции, но выполняет функцию общения, являясь средством сообщения и взаимодействия. При этом в его основе лежат архетипы социального окружения, представляющие собой хранилище общечеловеческих знаний, приобретённых на разных стадиях многовекового процесса умственного развития человечества [Юнг 2016: 93]. Не менее распространённой является точка зрения, согласно которой экспрессивный репертуар и правила его использования несут в себе глубокие этнические различия, а потому любой жест, мимика, слово являются абсолютно бессмысленными сигналами, если нам ничего не известно о том,

представителем какого общества они были использованы, при каких обстоятельствах и в каком контексте [Солдатова 1988: 111; Лабунская 1989: 31; Акишина, Кано 1991: 141–142; Петренко 2005: 93].

При изучении экспрессивного репертуара применяется лингвоцентристский подход, который предполагает рассмотрение каждого жеста, позы, мимики и т. д. так же, как слова в вербальной коммуникации [Лабунская 1989; Пиз 2006]. Для исследований, связанных с восприятием и поведением человека, выявлением социальных и стереотипных установок, личностных смыслов, по мнению В. Ф. Петренко, наиболее удачным является метод семантического дифференциала, который представляет собой «измерительную технику, основанную на применении факторного анализа к исследованию значений» [Петренко 2005: 93]. Здесь процесс описания исследуемого объекта может рассматриваться как помещение его в экспериментальный континуум, определяемый парой антонимичных терминов: «Многие экспериментальные континуумы фактически эквивалентны и могут быть сведены в одно измерение. Ограниченное число континуумов используется для построения семантического пространства, в котором можно оценивать значения любого объекта» [Там же: 113–114].

Коммуникация как деятельность человека, обусловленная целым рядом социально значимых оценок, конкретных ситуаций и норм, принятых в обществе, рассматривается в рамках такого направления социологии, как символический интеракционизм. В основе символического интеракционизма лежит идея Д. Г. Мида о том, что, общаясь, люди не просто передают друг другу информацию, но пытаются предугадать умонастроения и поступки собеседника, ставя себя на его место. Социологи акцентируют внимание на функциональных особенностях общения представителей различных социальных групп для передачи и получения смысловой и оценочной информации. Рассматривают коммуникативное поведение сквозь призму социально значимых параметров стратификации общества: пол, возраст, род занятий, образ жизни.

Анализ форм, средств и механизмов общения позволил социологам выделить модель универсального коммуникативного сценария. Так, по мнению Э. Р. Парка, Д. Г. Мида, любое взаимодействие изолированных друг от друга социальных групп неизбежно приводит к конкуренции, которая в процессе дальнейшего общения зачастую перерастает во вражду и зависть. В долгосрочной же перспективе близость неизбежно несёт с собой более глубокое понимание, в результате чего утверждается моральный порядок, а отношения становятся более гуманными [Парк 2010: 209].

Таким образом, очевидными условиями, способствующими или препятствующими коммуникативным процессам, является разница в языке, интересах и традициях [Там же: 209]. Д. Г. Мид дополняет этот список трудностями интерпретации конвенциональных символов, «значимость» которых может отличаться в зависимости от принадлежности к той или иной культуре [Мид 2009: 46–47].

В качестве основных средств коммуникации социологами выделяют «конвенциональные символы», под которыми подразумеваются членораздельная речь, жестикуляция, изменение лицевых мышц, перемена дыхания, признаки изменения кровообращения [Парк 2010: 209]. По мнению У. Липпмана, в данный список необходимо включить и такое явление, как стереотип, отражающий существующие типы и стандартные варианты интерпретации, принятые в конкретном обществе. В процессе общения мы воспринимаем предметы и явления окружающей действительности сквозь призму системы образов и ассоциаций: «Мы не столько видим данного человека, сколько замечаем, что данный предмет – это человек, а затем переключаем внимание на то, что в нашем сознании ассоциируется с этим предметом» [Липпман 2004: 103]. Таким образом, стереотипные представления детерминируют коммуникативное поведение человека, «экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права» [Там же: 101].

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что в данном исследовании под коммуникацией будет пониматься «обмен информацией, социальными и материальными ценностями» [Леви-Стросс 1983: 325], на который оказывают влияние не только социально значимые параметры стратификации общества, но и этническая принадлежность.

Общение рассматривается как сложный и многоплановый процесс взаимодействия двух или нескольких субъектов (собеседников, соучастников общего дела), являющийся следствием удовлетворения потребности в совместной деятельности [Каган 1988: 150].

Под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций, реализуемых представителями этноса в процессе общения [Стернин 2000: 3]. Оно состоит из актов – действий, направленных на достижение какой-либо цели. Их содержание определяет способ выражения передаваемой информации, а, следовательно, используемые собеседниками этнознаковые средства, которые принято подразделять на две большие группы – вербальные и невербальные [Прохоров, Стернин 2006: 43]. Совокупность норм и традиций общения, связанных с тема-

тикой общения и выражающаяся в вербальных средствах, определяется как вербальное поведение [Стернин 2000: 4; Прохоров, Стернин 2006: 43; Коммуникативное поведение калмыков 2015: 10].

В качестве невербальных этнознаковых средств рассматриваются:

1) техники тела, то есть «традиционные способы поведения, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом» [Мосс 2011: 304]. Они обусловлены обычаями и традициями этноса, не осознаются носителями, воспринимаются как должное, а потому делают действия индивидов внутри сообщества предсказуемыми [Там же: 312–314];

2) поза – «статичное положение человеческого тела» [Чеснов 1989: 122];

3) жест – динамичный момент коммуникативного поведения, в рамках которого поза – это начальная и конечная фаза жеста [Там же];

4) мимика – это «специфические выразительные движения, являющиеся результатом мышечной активности лица» [Бутовская 2003: 23]. С помощью неё передается информация, которую собеседник выразил без конкретной цели, то есть ненамеренно, а чаще даже неосознанно [Мечковская 2004: 17];

5) пространственная организация общения, то есть расстояние между людьми и их ориентация в пространстве [Холл 1995: 178–179], позволяющие идентифицировать «своего» и «чужого» в процессе коммуникативного взаимодействия;

6) предметы и вещи материального мира, выполняющие утилитарные функции, но приобретающие в процессе общения определенное символическое значение [Байбурин 1989: 80–81; Топорков 1989: 94–95; Серебрякова 1989: 154–175; Шаханова 1989: 176–188; Лотман 1994: 13].

В целом же необходимо отметить, что деление коммуникативного поведения на вербальное и невербальное весьма условно, поскольку в процессе коммуникации чаще всего вербальное выражение информации сопровождается невербальными знаками, а реципиент воспринимает передаваемую информацию, считывая и анализируя в целом совокупность вербальных и невербальных знаковых средств. Кроме того, когда фиксируются поведенческие акты, возрастает и значение контекста.

При изучении коммуникативного поведения необходимо также учитывать стереотипные представления и стереотипное поведение. Под стереотипами мы будем иметь в виду «упорядоченные схематичные, детерминированные культурой “картинки” мира в голове человека, которые

экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права» [Липпман 2004: 101].

Стереотипное поведение – это «регулярно повторяющиеся формы, штампы, шаблоны, образцы поведения, принятые в той или иной культуре и реализуемые в процессе коммуникативного взаимодействия» [Байбурин 1985: 3].

Основой описания вербальной и невербальной коммуникации удмуртов послужила методика, разработанная российскими лингвистами Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниным [Стернин 2000, 2004; Прохоров, Стернин 2006], позволяющая описать общение в рамках ситуаций повседневной коммуникации, например, установление коммуникативного акта, проявление вежливости, общение в гостях, в общественных местах и т.д. Для выявления этнической специфики данная модель была дополнена ситуациями, связанными с общением во время удмуртских праздников и обрядов календарного цикла. Предпочтение данной модели отдано в связи с тем, что она позволяет привести примеры вербальных формулировок, демонстрирующих нормы и традиции общения удмуртов, выявить особенности невербальной коммуникации, основные поведенческие стратегии и тактики в конкретных ситуациях с учётом социальных и этнокультурных норм.

Структура работы обусловлена поставленными задачами и выстроена с учётом описания особенностей и видов коммуникации в поведенческих практиках современных удмуртов. В первой главе рассматриваются вербальные способы общения в стандартных коммуникативных ситуациях. Во второй – выявлены невербальные сигналы, используемые современными удмуртами в процессе общения, которые для лучшего понимания частично отражены в иллюстративном материале; проанализирован социальный символизм, категории пространства и времени в рамках коммуникативного акта; рассмотрены предметы материального мира, приобретающие символическое значение в ритуальном и повседневном общении. Третья – посвящена текстовым и визуальным формам общения, которые стали возможны благодаря появлению новых технических средств и распространению глобальной сети Интернет. В четвёртой главе на основе анализа вербальной коммуникации методом семантического дифференциала выявлены стереотипные представления современной удмуртской молодёжи и их влияние на коммуникативные предпочтения. В заключении представлены основные выводы и обозначены перспективы дальнейшей работы в рамках рассматриваемой темы. В приложениях представлены

анкета и вопросник, в соответствии с которым выстраивались интервью и беседы с респондентами. В издании отдельно представлены список информантов и дополнительный иллюстративный материал.

Некоторые вопросы и проблемы, представленные в книге, нуждаются в дальнейшем изучении, их решение станет возможным по мере накопления фактического материала и расширения источниковой базы, уточнения методики.

* * *

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто оказал помощь в подготовке данной работы, содействовал в сборе материала, нашёл время и желание поделиться своими знаниями, сохранил бережное отношение к народным традициям.

Слова признательности моему учителю и наставнику – Галине Аркадьевне Никитиной, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, под чьим руководством делались первые шаги в мир науки.

Особая благодарность моему научному редактору – Елене Васильевне Поповой, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, за ценные советы, терпение и поддержку в процессе написания монографии.

Выражаю признательность своим рецензентам – Диане Габдулловне Касимовой, кандидату исторических наук, доценту кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко», Люции Аполловне Волковой, кандидату исторических наук, доценту, заведующей отделом истории МБУК «Глазовский краеведческий музей».

Отдельное спасибо заведующей отделом библиотечных и архивных фондов Вере Викторовне Исаковой и ведущему архивисту Научного архива УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН Пантюхиной Татьяне Владимировне за помощь и ценные советы, Ирине Викторовне Ширококовой за профессиональную подготовку оригинал-макета.

Я благодарна коллективу УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН за ценные советы, консультации и поддержку.

Сердечные слова благодарности приношу своим родителям Николаю Ананьевичу и Нине Петровне Русских за постоянную поддержку моих научных изысканий, помощь в работе и исключительную преданность.

Глава 1.

ВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ КОММУНИКАЦИИ УДМУРТОВ

1.1. Ситуативная модель вербальной коммуникации удмуртов

Установление контакта: приветствие, обращение «ты» и «вы», знакомство

Приветствие

Люди в процессе общения, по мнению А. В. Кузнецова, строят предложения, исходя из своих целей и намерений, призывая собеседника к совершению определённых действий (приказание, обещание, выражение благодарности): «Благодаря намеренному использованию языковых знаков человек способен действовать с учётом последствий для себя и других, в определённой степени контролировать своё поведение. С их помощью он добивается от собеседника желаемых результатов. Говорящий специально избирает ту форму предложения, которая позволяет достичь намеченного коммуникативного эффекта и воздействия на слушателя» [Кузнецов 2008: 50, 53].

Коммуникативный акт в удмуртском обществе начинается с приветствия, которое несёт в себе важную эмоциональную нагрузку. Об особенностях приветствия, принятого среди удмуртов, авторы XVIII – начала XIX века упоминают редко. Так, И. Г. Георги отмечает: «...приветствуются они между собою через подавание рук и говорят при том “дисбан!” (здравствуй!). Женщины вместо целования треплют себя обеими руками по плечам» [Георги 1776: 56]. По мнению Д. Н. Островского, удмурты предпочитают не приветствовать незнакомцев и не разговаривать с ними [Островский 1880: 83]. Г. К. Шкляев приходит к выводу, что дореволюционными исследователями практически не упоминаются особенности форм удмуртского приветствия, поскольку уже в XIX в. они

потеряли свою этническую специфику [Шкляев 1992: 19]. Исследование удмуртских постулатов речевого общения, проведённое в 1990-е годы И. П. Поздеевой, Е. Я. Трофимовой, В. И. Трояновым, показало, что традиционные приветствия «*Чырткемесь!*», «*Умоесь!*», «*Зёчбуресь!*» не всегда уместны, а порой даже вызывают удивление, особенно в ситуации общения односельчан, неоднократно встречающихся на протяжении дня. В подобных коммуникативных ситуациях приветствие заменяется вопросами: «*Васькиськод-а?*» (Спускаешься?), «*Мынйськод-а?*» (Идёшь?) и т. д. [Поздеева, Трофимова, Троянов 1992: 178–179].

Локальные особенности удмуртского приветствия отмечаются в романе Р. Г. Валишина «Инважо уйшоре на пиштэ»: «*Тани Лолошур пальёслэн асьсэлэн сямьёссы, вераськонзы. Пересьёс, ог-огзэс урамын пумитакузы, “зеч-а?” уз шуэ. Одно ик юалозы: “Кытчы мынйськод-ай тазы?” <...> ...гуртысь адямиос ог-огзылы туж матын, одйг семьяын кадь уло, соин ик асьсэлэн матысь роднязылы кадь ик вазисько. Ог-огзылэн корказы пырыкузы, лолошурёс тазы юалозы: “Шып-а пукиськод-а?” Пумитазы вазёзы: “Шып гинэ-ай”... “Кыштыр гинэ выриськом-ай”*» (У тех, кто живёт в Лолошуре (Граховский район), свои привычки, своя манера говорить. Пожилые, встречая друг друга на улице, никогда не скажут «Хорошо ли живёте?» Они обязательно спросят: «Куда это ты так идёшь?» <...> ...деревенские люди очень близки друг к другу, живут как семья, потому и обращаются как к близкому родственнику. Когда лолошурцы заходят друг к другу в дом, спрашивают: «Тихонько сидите?» Им отвечают: «Да, тихонечко»... «Тихонько делаем») (здесь и далее перевод наш. – Т. Р.) [Валишин 1974: 52].

Как отмечает Л. В. Семёнова, в Германии незнакомых людей приветствуют, не имея намерения дальнейшего общения, у русских же, напротив, приветствие обязательно предполагает дальнейшее общение [Семёнова 2006: 272]. По мнению удмуртов, приветствовать знакомого человека надо всегда, при любых обстоятельствах, даже если дальнейшее общение не предполагается: «*Ну, как это человеку здоровья не пожелать? А если ты забыл, поздоровался с ним или нет, так поздоровайся ещё – лишним не будет. Хорошему человеку нужно всегда здоровья желать*» [ПМА, 2009. Докучаева М. И., д. Чепык].

«*Зёчбурьяськон сярись мойыос пыр верало вал: синдэ уллань лэзьыса адями дортй эн орты, зёчбурьяськы соин*» (Про приветствие старики всегда говорили: нельзя проходить мимо человека, не глядя на него, нужно всегда здороваться) [ПМА, 2010. Павлова В. П., д. Шайтаново].

Опрошенные нами респонденты утверждают, что при приветствии обычно пользуются следующими вербальными этнознаковыми символами:

žечбур(-есь) – здравствуй(-те), в смысле – будьте здоровы;

чырткем(-есь) – здравствуй(-те), букв. будьте бодры, шустры;

умоесь – здравствуй(-те), в смысле: пусть [у Вас] всё будет хорошо;

здравствуй(-те);

тузй – здравствуй(-те), от удм. *таза* – бодрый, букв. будьте бодры;

салют;

привет(-ик);

хай – от англ. *Hi*, в знач. *привет*;

хеллоу – от англ. *Hello*, в знач. *привет* [ПМА, 2010–2012. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598].

Первые четыре формы выражения приветствия (*žечбуресь*, *чырткемесь*, *умоесь*, *здравствуйте*) относятся к официальному стилю, так чаще всего обращаются младшие к старшим, подчинённые – к начальнику, ученики – к учителю. Необходимо отметить, что, по мнению респондентов, подобные формы речевых приветствий являются приемлемыми как в официальной, так и в неофициальной обстановке. Остальные можно отнести к неофициальному стилю, к ты-форме. Они больше характерны для молодёжи, нежели людям старшего поколения. Приветствие *тузй* – локальный вариант, зафиксированный в Алнашском районе УР [ПМА, 2010. Павлов Р. Л., д. Азаматово]. По мнению Г. Д. Гачева, уже в простом и повседневном акте взаимного приветствия представители разных этносов выражают свои духовные ценности, подчёркивают то, что является важным для их существования [Гачев 2008: 9]. Часто употребляемые удмуртами приветствия, буквальный перевод которых обозначает пожелание здоровья и благополучия, указывают на то, что гармония и покой в общении с окружающим миром считаются особой ценностью в культуре.

Выбор формы приветствия служит сигналом, по которому можно определить нацелен ли собеседник на дальнейшую беседу. Так, если приветствие строится в вопросительной форме «*Žеч-а бур-а улйськоды?*» (букв. хорошо ли, правильно ли живёте?), то оно предполагает дальнейшее общение, а потому ответ, полученный в виде кивка головы или подмигивания, будет воспринят как нежелание общаться.

Большинство пожилых респондентов отмечает, что молодёжь для приветствия использует русские выражения даже в тех случаях, когда к ним обращаются по-удмуртски. Старшее поколение, как показывают

опросы и беседы, данный факт очень огорчает, в какой-то степени оскорбляет, но, по-видимому, время диктует свои правила: *«Егйтъёс али удмурт кылын уг ик верасько ни. Зечбуръясько зуч сямен гинэ. Тйни мынам нылы пиналъёссэ удмурт кыллы өз ни дышеты. Малы, пе, со кулэ, бакча берад потйд ке, отын но али зуч кылын верасько ни. Зок адямие потэмед потэ ке, пе, зуч но английской кылэз тодыны кулэ»* (Нынче молодёжь на удмуртском языке уже не особенно-то и разговаривает. Даже здороваются только на русском. Вон моя дочь своих детей уже удмуртскому не учила. Для чего он нужен, говорит, даже за твоим огородом и то уже на русском говорят. Хочешь стать большим человеком – знать нужно русский и английский) [ПМА, 2013. Волкова К. И., с. Пыбья].

«Ойы, ведь “здрасьте” вераса кушто но йырзэс урдыса кошко!» (Ой, ведь в ответ бросают слово «здрасьте» и уходят с высоко поднятой головой!) [ПМА, 2013. Волкова Ф. Л., с. Пыбья].

При приветствии и установлении контакта в коммуникативном поведении удмуртов имеет место и «фатическая коммуникация» (англ. *phatic communion*). Данный термин был введён английским этнологом Б. Малиновским. Он подразумевал под ним «неинформативные сообщения, которыми обмениваются собеседники в целях поддержания контакта из вежливости, из уважения, чтобы заполнить паузу, прервать молчание. Отсюда определение фатической коммуникации как типа речи, в котором узы согласия, единения образуются посредством простого обмена словами» [Функционализм Б. Малиновского: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128384>]. «Поведение коммуникантов и выбор темы для разговора в процессе фатической коммуникации зависит от социального положения собеседников, длительности знакомства, степени родства, пола и возраста» [Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР 1982: 55].

В современной коммуникативной среде удмуртов давние знакомые одного возраста приветствуют друг друга неинформативными вопросами, на которые допустимо отвечать шуткой:

Кытчы зынзид? / Кытчы зындэ поттйд? (Куда свой запах несёшь?) [ПМА, 2009. Балезинский район, д. Нурызово];

Тон од на-а мар-а кулы? (Ты до сих пор ещё не умер?) [ПМА, 2011. Кезский район, д. Ю-Тольён];

Кытчы ышылйид? Адзылыны но уг луы! Оло гулбечад ватскыса улйськод? (Куда пропал? Тебя уж и не увидишь! Уж не в подполье ли прятаться?) [ПМА, 2011. Алнашский район, с. Алнаши];

Ого! Кы́че адямиосты но уд адзылы? (Ого! Каких только людей не увидишь?) *Учкы ай, кинъёс лыктӱллям?* (Посмотри-ка, кто приехал / пришёл?) [ПМА, 2011. Зафиксировано в Балезинском, Увинском, Вавожском, Кезском районах].

Женщины могут приветствовать друг друга вопросами, касающимися хозяйства, здоровья, повседневных дел: *кытчы ветлӱд?* (куда ходила?); *кы́че мар улӱськоды?* (как поживаете?); *бакчяд мертӱськид-а ни?* (всё ли посадили в огороде?); *магазин потад-а? Мар ческытсэ вузало / басьтӱд?* (в магазин ходила? Чего вкусного продают / купил?) [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском, Кезском, Игринском, Увинском, Вавожском, Алнашском, Кизнерском, Малопургинском, Можгинском районах].

Человека, идущего вниз по деревне относительно возвышенности, высокой части селения и низкой (гора-возвышенность) или относительно верховьев и низовьев реки по отношению к селению, как и раньше, могут спросить: *Васькиськод-а?* (Спускаешься?), вверх по деревне – *Тубиськод-а?* (Поднимаешься?). Встретив уезжающего из деревни, спросят – *Кошкиськод-а?* (Уезжаешь?), *Кытчы потӱд?* (Куда вышел?), приезжающего – *Бертӱд-а? / Бертӱськод-а?* (Вернулся? / Возвращаешься?), *Мӱзмид-а?* (Соскучился?), *Кемалы-а вуид?* (Надолго ли приехал?). Человека, занятого какой-либо работой, обычно приветствуют следующими словами: *кужмо кариськы* (будь сильным, аналог. рус. Бог в помощь); *ужед мед удалтоз* (пусть работа удастся), *Инмар мед юрттоз* (Инмар пусть поможет) [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском, Кезском, Игринском, Увинском, Вавожском, Алнашском, Кизнерском, Малопургинском, Можгинском районах]. Беседующих на улице людей обычно приветствуют риторическим вопросом: *Вераськиськоды-а?* (Разговариваете?) / *Кылды тупаз-а?* (нашли общий язык?) [ПМА, 2013. Зафиксировано в Алнашском, Можгинском, Малопургинском, Балезинском, Кезском районах]. Такое удмуртское приветствие не всегда предполагает дальнейшее общение, иногда достаточно простого кивка головой в ответ.

Утреннее приветствие гостя начинается с вопроса о том, как спалось: *Кы́че мар изиды / кӱлӱды?* (Как спали / переночевали?). Обычно оно сопровождается извинением за то, что условия для сна были не очень хорошими. Подчёркивается, что гость, несомненно, достоин лучших удобств. Вежливые слова со стороны хозяев, имеющие оттенок извинения, являются частью гостевого этикета и приёмов коммуникации (ответа),

даже несмотря на обстоятельства, что гость был принят со всеми максимальными возможностями гостеприимства и условиями дома.

Пожилые люди и люди среднего возраста для неинформативных сообщений склонны выбирать темы погоды и её влияния на здоровье, бытовые темы, касающиеся ведения хозяйства, а также говорят о приближающихся светских и религиозно-обрядовых праздниках. При этом женщины предпочитают говорить о домашних заботах, детях и внуках, просмотренных сериалах и телепередачах. Мужчины, помимо прочего, предпочитают говорить о политике. Молодёжь обсуждает последние новости из социальных сетей (фотографии общих знакомых, просмотренные видеоролики и т. д.), делится знаниями о «лайфхаках» и мнениями о новых гаджетах.

Есть ряд тем, которые не допустимы во время приветствия. Так, северные удмурты считают неприемлемым во время приветствия говорить о домашнем скоте собеседника, особенно хвалить его: это воспринимается негативно, можно нарваться даже на грубость. Таких людей сами удмурты называют *тушмонъяськись* (недоброжелатель / вредитель / враг, в знач. *завидующий*). Считается, что такой собеседник может сглазить скот, а потому отношение к нему резко меняется. Существует несколько моделей выхода из подобной неблагоприятной коммуникативной ситуации. Первая – оставить речь собеседника, выразив свое негодование посредством обращения «*тушмонъяськись*» (вредитель). Вторая – сплунуть три раза через левое плечо, сопроводив невербальное действие словами «*син медаз усьы / пельыз медаз кылы*» (чтобы не сглазил / чтобы уши не услышали), а затем поменять тему или завершить разговор.

И у северных, и у южных удмуртов негативную оценку при приветствии может получить чрезмерное проявление эмоций любви к чужому ребёнку. «Считается, что подобное поведение собеседника может привести к негативным последствиям (например, сглаз ребёнка), а родителями и родственниками оно воспринимается как акт магического воздействия» [Анисимов 2017: 19].

Несмотря на условность формул фатической коммуникации, они, по мнению исследователей, осуществляют «социальный контроль за соблюдением, поддержанием основных принципов коммуникативной культуры, выражают готовность услужить другому, доставить ему удовольствие» [Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР 1982: 58], кроме прочего, позволяют идентифицировать «своих» и «чужих» собеседников.

В сельской местности приветствовать принято всех односельчан, независимо от частоты общения с ними. Причём младшие всегда должны здороваться первыми, не забывая об определённых ограничениях: юноша никогда не должен подавать первым руку мужчине старше его по возрасту, в свою очередь, мужчине нельзя протягивать руку для приветствия женщине, если она не сделала это первой [ПМА, 2009. Балезинский район, с. Пыбья].

Нарушение норм вербального и невербального приветствия чётко отслеживается удмуртским социумом, наказывается осуждением и вербальным порицанием. Старшим поколением оно воспринимается как невоспитанность, а потому замечание делается не только юношу «нарушителю» норм и правил этикета, но и его родителям. Нарушение норм подачи руки при приветствии мужчинами воспринимается как дерзость младшего и неуважение к старшим. В подобной коммуникативной ситуации взрослый мужчина не будет проявлять внешне своё возмущение и негодование по этому поводу, но сделает замечание «за глаза». Например, о дерзком поведении юноши он расскажет его отцу, который непременно примет меры.

И в северных, и в южных районах Удмуртии считается недопустимым переходить поперёк дорогу идущему человеку. Подобное поведение обычно сопровождают словами: «*азьпалдэ уг басьты / азьпалад уг пыры*» (то, что у тебя впереди забирать не буду / вперёд тебя проходить не буду), «*сьорестэ уг басьты / чогы*» (твою дорогу забирать не буду / разрубать не буду), «*шуддэ уг басьты*» (счастье / удачу забирать не буду) [ПМА, 2009. Балезинский район, с. Пыбья]. Точно так же не будут выходить навстречу с пустыми вёдрами, особенно в тех ситуациях, когда точно знают, что человек отправляется в дальнюю дорогу. Отправляющийся в дорогу всегда внимательно смотрит на того, кто первым попадёт навстречу: «*Адём ай, капчи-а талэн пыдыз*» (Посмотрим, насколько легка у него нога) [ПМА, 2010. Тронина О. А., с. Пыбья]. Считается, что если навстречу попала женщина, то поездка будет неудачной, и, наоборот, если попался мужчина – всё сложится, как нужно. Данное коммуникативное поведение преимущественно характерно для людей старшего поколения.

Есть моменты, когда удмурты намеренно избегают приветствия. Г. Е. Верещагин отмечал, что некоторые удмуртские ритуалы требовали подобного поведения, например, по пути на место жертвоприношения *Бытцым-нюня* необходимо избегать людей, пересекающих дорогу, не вступать в коммуникативные контакты со встречными, делать вид, что ты их не замечаешь [Верещагин 1997: 46]. Г. К. Шкляев считает, что

данный обычай не относится к числу древних, а возник после того, как началось преследование исполнения языческих ритуалов [Шкляев 1992: 19–20]. Современные удмурты избегают приветствия в ситуации, когда произошла ссора или по какой-либо причине ухудшились отношения. В данных условиях они проходят мимо, не глядя друг на друга. В таких случаях обычно говорят *чуссы ортчиз* (прошёл безмолвно). Иногда сухо приветствуют друг друга, но не глядя в глаза и не поворачивая головы.

Пожилые респонденты отмечают, что предостережение о запрете приветствия соблюдаются при *куяськонах* – магических избавлениях от болезней: «*Кõt висьыку, пелляськись монэ пелляз, но киям кусок нянь сётійз. Пайдаез мед луоз шуыса, со няннез куштоно вал куинь сюрес вожэ. Отысь бертыку, берлань өвёл учконо, пумитэ шедем адямиосын өвёл вераськоно*» (Когда у меня болел живот, знахарь произнёс заговор, дал мне в руки кусок хлеба. Чтобы была польза, нужно было бросить этот кусок на перекрёсток. Возвращаясь, нельзя было оборачиваться и разговаривать со встречными) [ПМА, 2011. Якшур-Бодьинский район, д. Зеглуд].

Форма приветствия изменяется и во время праздников календарно-обрядового цикла. Так, в Новый год принято заходить в дом, произнося поздравления и пожелания: «*Выль арен! Выль шудбурен!*» (букв. С новым годом! С новым счастьем!) [Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Ряженые во время святок (*вождьыр*) заходят со словами «*Вуж аръёслэсь лек черъёсты уляськом. Выль арлы выль шуд вайиськом*» (букв. Прогоняем тяготы прошлых лет. Новому году несем новое счастье) [Кто мы? Пóртмаськон (ряжение): <https://www.youtube.com/watch?v=n2fVh9a4bc8>]. Во время Пасхи приветствуют словами: «Христос Воскресе!», отвечают на приветствие: «Воистину воскресе!» [Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Обращение «ты» и «вы»

В коммуникативном пространстве удмуртов обращение друг к другу строится в ты- и вы-формах. При обращении к незнакомцам, людям старшего возраста или более высокого социального статуса сегодня как в сельской, так и городской среде принято использовать форму *Вы (Тй)*, при этом к собеседнику обращаются по имени и отчеству, соблюдаются все формулы вежливости. Намеренное или ненамеренное отклонение от принятой нормы в разговоре зачастую унижает собеседника, приводит к ухудшению взаимоотношений, а порой к конфликту. Хотя необходимо отметить, что у удмуртов пожилого возраста обращение на «Вы» вызывает

некоторое недоумение. Они воспринимают его как обращение во множественном числе (вернее – к нескольким лицам) и невольно оглядываются, к кому ещё оно адресовано [ПМА, 2010. Результаты наблюдений в Алнашском районе].

Ты-форма (*тон*) – это исторически сложившийся, распространённый и традиционный вид обращения в культуре. В удмуртской деревне в рамках локальных крестьянских сообществ, где друг друга все знали и многие приходились друг другу родственниками, именно эта форма обращения была распространена вне зависимости от пола, возраста и т. д. Вы-форма воспринималась как проявление недоверия. Сегодня обращение на «ты» в основном используется в коммуникативных контактах хорошо и давно знакомых людей, либо же людей одного возраста, занимающих одинаковое социальное положение. В таких случаях учтивые формулы иногда опускаются, допускается обращение по имени, а иногда даже по прозвищу.

При обращении друг к другу в процессе знакомства старшие респонденты используют учтивую вежливую вы-форму, современная молодёжь, напротив, предпочитает обращаться на «ты», объясняя тем, что это способствует быстрому стиранию границ, преодолению отчуждённости и располагает к дальнейшей беседе [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (п. Балезино). Л. 55].

Что касается обращения к незнакомцу, не преследующему цель близкого знакомства, то оно выстраивается в ином ключе. По мнению В. И. Жельвиса, русские до сегодняшнего дня испытывают определённые неудобства: «До большевистского переворота 1917 года люди, не знающие имени собеседника, обращались друг к другу с помощью слов “сударь” или “сударыня”. Большевики обращались друг к другу с помощью старинного “товарищ” <...>. После краха коммунистической власти быстро вернули “господина” с именем адресата. А для обращения к незнакомым до сих пор маемся. “Гражданин” так и осталось сухо формальным, милицейским <...>. И появились жуткие, почти вульгарные “мужчина” и “женщина”» [Жельвис 2011: 307]. В удмуртском коммуникативном пространстве с незнакомыми людьми чаще всего не здороваются. Обычно проходят мимо, при этом либо с любопытством разглядывают незнакомца, либо просто делают вид, что не замечают его. Но если к нему необходимо обратиться с какой-либо просьбой, то удмурты предпочитают, не называя адресата, сказать: «*Вождэс эн вае...*» (Не сердитесь...) , а дальше излагать свою просьбу [ПМА, 2016. Андреев А. М., д. Кузубаево].

Знакомство

Следующим по значению шагом в процессе установления коммуникативного акта является знакомство. Как отмечает Л. С. Христолюбова, родственники и знакомые воспринимали молодых людей как сына / дочь известных им людей, то есть, судя по их родителям. «Добрая репутация родителей распространялась и на их детей, облегчая последним вхождение в общество» [Христолюбова 1992: 33]. Данная тенденция сохраняется до сегодняшнего дня. Представители старшего поколения, вступая в контакт с молодыми людьми, задают вопросы уточняющего характера: «*Кытысь-о тон?*» (Откуда ты? / Из какой деревни?), спрашивают о родителях: «*Кинлэн-о тон нылыз / пиез?*» (Чья ты дочь? / Чей ты сын?). Если в населённом пункте имеются родственники / знакомые, то пожилые люди могут поинтересоваться, не знаком ли собеседник с ними [ПМА, 2013. Уракова Ю. П., д. Качкашур].

Респонденты и взрослого, и младшего возраста отмечают, что поводом к знакомству могут быть общие интересы, хобби, случайность (например, знакомство с попутчиком во время поездки), жизненные обстоятельства, которые по какой-то причине свели людей. По воспоминаниям одной из респонденток, раньше были друзья по переписке. Знакомство с ними происходило посредством объявлений в газетах и журналах. Чаще всего поводом к такому знакомству служили общие интересы или просто желание найти новых друзей. В большинстве случаев друзья по переписке никогда не встречались лично, но посылали друг другу письма, которые всегда было интересно читать [ПМА, 2010. Ермачёва Е. В., д. Удмуртский Тоймобаш]. Пожилые респонденты, вспоминая свою молодость, отвечали, что чаще всего знакомства происходили на работе, в школе, клубе или в процессе совместных игрищ. На совместных молодёжных игрищах определялись симпатии, формировалась дружба, зарождалась любовь в отношениях девушек и юношей [ПМА, 2016. Дмитриева А. А., д. Дондыкар].

В повседневном знакомстве не имеет принципиального значения, от кого исходит инициатива – от мужчины или женщины, старшего или младшего по возрасту. Но всё меняется, когда речь заходит о добрачном поведении. Здесь, по мнению респондентов старшего возраста, инициатива, несомненно, принадлежала юношам. Так, одна из респонденток вспоминает: «...*Он через дом от меня жил... Раньше кино по деревням возили. Мы сидим, кино смотрим, и он рядом со мной сел. Ну, сел и сел, с кем ведь только рядом не сидишь. Он сидит и спички зажигает. Кино кончилось, мы вышли, а он уже у ворот стоит и опять спички зажига-*

гает. Я иду, а он за мной идёт. Никакого разговора, я иду и ни о чём не думаю. И когда через их дом проходила, он меня раз так взял: “Всё, – говорит, – ты сегодня – моя!” А у них уже с братом договорённость была, потому он и спички зажигал» [ПМА, 2016. Максимова Э. С., д. Адам].

Были случаи знакомств через третьих лиц, то есть посредников (дэм-ласа) [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. (Алнашский район, д. Азаматово). Л. 40]. Большинство из них имело одну цель – свести молодых для дальнейшего создания семьи. Данный способ знакомства был наиболее распространён в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Так, по воспоминаниям одной из респонденток, выбор женихов у неё был небольшой, так как практически все парни-ровесники были убиты на войне. Вышла она замуж по совету старших, со своим женихом до замужества знакома не была, более того даже не видела его. Знала только, что он сирота [ПМА, 2016. Афонина Н. Д., д. Вильгурт]. Другая респондентка, вспоминая о том, как познакомились её родители, отметила: «Моя мама 1940 года рождения. Она рассказывала, что, когда ей исполнилось 18 лет, её приехали сватать. Там она в первый раз и увидела моего папу. Видимо, они просто спрашивали друг о друге, узнавали о девушках из соседних деревень. Так и познакомились, и замуж выходили» [ПМА, 2016. Семёнова Л. Л., д. Адам].

На сегодняшний день среди молодёжи самой распространённой формой знакомства, помимо работы, учебной деятельности и совместного проведения свободного времени, являются социальные сети, куда девушки и юноши выкладывают свои фотографии, рассказывают о себе и своих увлечениях. Один из наших респондентов рассказал об опыте знакомства с девушкой посредством социальной сети «ВКонтакте»: «Примерно около месяца мы общались с девушкой, она очень интересная была. И на фотографии, если смотреть, красotka! Потом решили встретиться. Пришёл, смотрю, а там вместо моей красотки стоит маленький толстый хоббит. Я даже подходить не стал, да ну её» [ПМА, 2017. Эрекеев Ф. А., д. Баграш-Бигра]. По мнению юношей, благодаря распространению компьютерных программ, позволяющих ретушировать фотографии, а также «умениям находить нужный ракурс, чтобы подать себя с лучшей стороны» внешний вид девушки в реальной жизни может сильно отличаться от изображения, представленного на странице в социальных сетях. Это обстоятельство часто затрудняет процесс знакомства, но оно не является непреодолимым для юношей. Так, один из наших респондентов по этому поводу поделился своим наблюдением: «Я заметил, что полные девушки никогда

*не выкладывают на страничку фотографии, где они во весь рост. Они большие фотографируют лицо, ну или лицо и грудь. Я на страничку смо-
трю и, если не вижу фоток во весь рост, сразу понимаю, что она полная,
а мне такие не нравятся»* [ПМА, 2017. Сычугов К. А., п. Балезино].

По признаниям сельских юношей, переехавших в город, знакомство в общественных местах сегодня – редкое явление. Знакомства в клубах, на дискотеках расцениваются ими как мимолётные и несерьёзные. Чем больше молодёжь погружается в виртуальное пространство Интернета и социальных сетей, тем сложнее познакомиться с противоположным полом: *«Сегодня у всех сотовые телефоны есть, все постоянно сидят “ВКонтакте”, “Инстаграме”, но найти девушку очень сложно. Вот я даже не знаю, где мне знакомиться с девушками. В клубы хорошие девушки ходят редко. Это так, знакомство на ночь, на утро ты уже не помнишь, как её зовут, а уж тем более как она выглядит. Хорошие девушки постоянно дома сидят, а дома я их как найду?»* [ПМА, 2013. Коровин Д. М., д. Бураново].

По мнению городских девушек, сельские юноши удмуртской национальности при знакомстве нерешительны, но настойчивы. Про упорство и настойчивость удмуртских мужчин со ссылкой на профессора И. Н. Смирнова пишет и коми этнограф В. П. Налимов в отчёте об этнографической экспедиции 1926 года: *«Вот как, задумавший похитить понравившуюся девушку, похитит её, хотя бы ему пришлось потерпеть несколько раз неудачу, хотя бы каждая неудача стоила бы ему жестоких побоев»* [Налимов 2010: 234]. Упорство мужчин-удмуртов в знакомстве с понравившейся девушкой наиболее ярко продемонстрировано в молодёжной романтической комедии на удмуртском языке «Узы-боры», в которой главный герой Максим из деревни Гондыргурт влюбляется в молодую певицу Викторину Ядыгарову. В городе на удмуртской вечеринке ему удаётся встретиться с ней. Но планы на знакомство тут же разрушаются, поскольку девушку увозит возлюбленный на «крутой» иномарке. Максим в депрессии, но не теряет надежд. На помощь ему приходят друзья и родственники. Подобная модель поведения также описывается нашими респондентками: *«ничего не говоря, молча, изо дня в день будут ходить рядом или на небольшом расстоянии, словно выжидая удобного момента. Будут ждать, когда девушка либо улыбкой, либо словом сама привлечёт внимание, и только после этого подойдут, заговорят и будут предпринимать ещё какие-либо действия»* [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (г. Ижевск). Л. 20].

На вопрос «Кому принадлежит инициатива знакомства в настоящее время?», респонденты старшего возраста и молодёжь (преимущественно юноши), отвечали, что, по-видимому, это уже не имеет значения: и юноши, и девушки смело подходят и знакомятся. В данном случае регулятором является только индивидуальный порог смелости и решительности. Часть девушек же придерживается иного мнения. Они отмечают, что даже с появлением социальных сетей порой стесняются написать понравившемуся парню первыми: *«Ну, вот я иногда думаю, что проще уже быть не может – написала и ждёшь ответа, не ответил – ну и ладно, это же не лицом к лицу и глаза в глаза. Послал, но как бы заочно. Так ведь и написать стесняюсь, всё боюсь, если не ответит, значит, я – неудачница»* [ПМА, 2016. Эркина Т. В., с. Кечёво].

«Мне если парень понравился, я даже фотки его лайкать не буду, ещё подумает, что я – маньячка и преследую его» [ПМА, 2016. Боталова Е. А., п. Игра].

Бывает, что и среди юношей встречаются очень стеснительные индивиды, и в таких случаях инициативу вынуждена проявить сама девушка. Но все респонденты единодушно сошлись во мнении, что главное в процедуре знакомства, независимо от того, с кем знакомишься, – вежливость и ненавязчивость.

Как показывают наблюдения, до сегодняшнего дня среди пожилых респондентов сохраняется модель поведения, когда «при выборе снохи / зятя сельские удмурты стремятся породниться с людьми добропорядочными, уважаемыми, трудолюбивыми, живущими в мире и согласии в своей семье» [Семёнова 1996: 52]. По этой причине, когда молодого человека или девушку знакомят с будущими родственниками, старшие подробно расспрашивают, откуда девушка / юноша родом, пытаются найти общих знакомых. А потом уже через этих знакомых узнают о семье молодых людей, об отношении односельчан к семье [ПМА, 2017. Корепанова А. П., с. Вавож].

Необходимо отметить, что в коммуникативном пространстве современных удмуртов установление контакта с незнакомым человеком строится в порядке «ступенчатого сужения образов»: «логический ход мыслей движется от макрокосма (разговоры о неживой природе, погоде, последних новостях, полученных с помощью масс-медиа) через мезокосм (односельчане, родственники, общие друзья) к микрокосму (индивид, его домочадцы)» [Кузнецов 2008: 62]. Согласно нашим наблюдениям, если в коммуникацию вступают хорошо знакомые люди, то установление

контакта происходит с точностью до наоборот: от микрокосма к мезокосму, в таком случае сигналом к завершению беседы является переход к макрокосму. Данная схема выражает доброжелательность и положительный настрой по отношению к собеседнику.

Планирование

Согласно психологическому словарю, планирование – это «совокупность действий, распределённых во временном пространстве, с целью нахождения комплекса решений, направленных на достижение целей какой-либо личности» [Большой психологический словарь 2007: <https://psychological.slovaronline.com>]. Таким образом, планирование тесно связано с восприятием времени. «Есть народы, в повседневной жизни которых время строго регламентировано, деятельность человека распланирована по чёткому графику, и, лишь завершив первоначально начатое, он может преступить к следующему, а есть и те, которые за один промежуток времени могут выполнять сразу несколько дел» [Горелова 2014: 307]. По мнению Т. Г. Владыкиной, издревле представления удмуртов о временных параметрах сочетали в себе линейную и циклическую последовательность [Владыкина 2012: 17]. Дифференциация линейного времени носила крайне узкий характер: будущее и прошлое мыслились чем-то общим и нерасчленённым, исторически обозримое время вмещало жизнь одного человека [Удмурты 1993: 253]. Анализируя восприятие времени удмуртами в рамках годового цикла, исследователи отмечали, что «Циклические отрезки времени в силу обозримости, повторяемости и конкретности получили более чёткую и определённую номинацию, они включали в себя знания о кругообороте природных явлений и связанных с ними сроками работ сельскохозяйственного цикла, охотничьими и рыболовными промыслами. Более мелкие единицы времени – час, минута, секунда – распространились среди удмуртов довольно поздно, потому и термины, их обозначающие, заимствованы из русского и татарского языка» [Там же: 254].

Подобные представления о времени, отсылающее к традиционной картине мира, способам определения времени и его восприятию, до сегодняшнего дня отражаются на планировании вообще. Так, планирование трудовой деятельности в сельской местности несёт на себе отпечаток циклического кругооборота природных явлений и связанного с ним

цикла сельскохозяйственных работ, ухода за домашним скотом, домом и хозяйством. Что касается будущего, то здесь и сегодня отчасти можно проследить некую размытость: «*Кытысь тодыны, кыче улон азыланьын возьма? Тани зучьёс но шуо ук: “Мы предполагаем, а Бог располагает”*». *Озыы ук со вань, дыр»* (Откуда знать, как сложится жизнь в будущем? Вот даже русские по этому поводу говорят: «Мы предполагаем, а Бог располагает». Так, наверное, это и есть) [ПМА, 2011. Степанова Г. А., с. Дебёсы].

Относительно планирования дел в культуре удмуртов есть предписания, которые рекомендуют избегать этого. Поэтому респонденты из сельской местности отмечают, заранее чётко запланированное дело обречено на крах. А если поделиться своими планами с кем-то, то такое дело могут ещё и сглазить (*син уськытыны*). Потому на вопросы о планах на будущее в ответ можно услышать: «*улом – аджом*», (поживём – увидим), «*улон возьматоз*» (жизнь покажет). Если что и планируется, то только в узком семейном кругу, но даже при этом будут ссылки на то, что, возможно, жизнь внесёт свои коррективы. В селе даже молодёжь предпочитает умалчивать о своих планах на будущее. На соответствующий вопрос можно получить лишь общие расплывчатые ответы, без какой-либо конкретики. Диктуется такое поведение опасением, что разглашение планов на будущее при постороннем человеке чревато сглазом, что результат в таком случае может быть кардинально противоположным ожидаемому.

Респонденты из числа работающих удмуртов, проживающих в городской среде, привыкли планировать не только день, но и всю неделю, при этом вполне допускают, что в силу каких-либо причин, эти планы могут не реализоваться, и будут переноситься с одного дня на другой [устное сообщение Никитиной Г. А.]. Любопытно, что даже среди городских удмуртов, считающих себя идущими в ногу со временем, сохраняется традиционная черта характера: они охотно и много будут говорить о работе, её перспективах, но при этом всячески избегать информации о крупных планах и делах, связанных лично с ними или с членами семьи. Об этом можно говорить только после их успешного завершения.

В целом же необходимо отметить, что на планирование в удмуртском коммуникативном пространстве влияет фактор официальности. Так, и сельские, и городские удмурты всегда планируют большие официальные мероприятия (например, это может быть большое семейное торжество или какая-либо официальная встреча). В этом случае принято

заранее приглашать, обговаривать дату, время, ход самого мероприятия. Приглашаемый в свою очередь должен заранее предупредить организаторов о своем решении. В неофициальной же среде удмурты порой становятся фаталистами и молчунами.

Проявления вежливости: комплимент, благодарность, извинение

Императивность этикетных норм в удмуртской коммуникации можно определить, как повышенную. Этикетные нормы достаточно чёткие, а их несоблюдение «может иметь следствием дискомфортность общения, создать впечатление о невежливости собеседника или же признание в нём «чужого» [Поздеева, Трофимова, Троянов 1992: 178]». Отклонение от этикетных норм часто пресекается тем же способом: вежливые формулы отпускаются, собеседники переходят с вежливого «вы» на «ты». Например, *«Тон мыным татын указывать эн кары!»* (Ты мне тут не указывай!), *«Тон монэным пичи пиналэн кадь эн вераськы!»* (Ты со мной как с ребёнком не разговаривай!), *«Шедьтэм пичи муртэз, бюрократ!»* (Нашёл маленького человека, бюрократ!) [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Кезском, Глазовском районах].

Удмуртским этикетом допускается предупреждение о возможных неприятностях (например, предупредить о незакрытой сумке, из которой могут вытащить кошелёк), неполадках в одежде (например, одежда запачкалась, шнурки развязались и т. д.), иногда даже можно давать советы, но только в общении с хорошо знакомыми людьми. Незнакомых людей обычно не предупреждают и советы стараются не давать, опасаясь того, что это будет расценено как бестактность, навязчивость. Иногда не предупреждают в силу скромности: *«Ну, как это к незнакомому подойдёшь и скажешь, что тушь растеклась, юбку поправь. Нет, я стесняюсь, и потом может у него так задумано было»* [ПМА, 2017. Боталова Е. А., п. Игра].

Вопросы о том, как пройти или проехать, как найти дом или учреждение, могут быть адресованы любому встречному, но задаются они только в крайнем случае. Женщина никогда не подойдёт с вопросом к незнакомому мужчине, здесь она отдаст предпочтение женщине: *«Мыным маме пичи дыръям вералляз вал: тодмотэм муртэн ёвёл вераськоно, а если мае ке юаны срочно кулэ ке, лучше кышномуртлэсь юа»* (Меня мама с детства учила: разговаривать с незнакомыми нельзя, а если нужно

срочно спросить, то лучше спросить у женщины) [ПМА, 2012. Иванова Т. В., с. Пыбья]. Мужчины-удмурты в этом плане ведут себя более раскованно: могут обратиться не только к представителю своего пола, но и противоположному.

В отличие от русских, которые испытывают дискомфорт при произношении фразы «не знаю» [Прохоров, Стернин 2006: 122], удмурты, напротив, отвечая на вопросы прохожих о месте нахождения дома или учреждения, часто используют эту фразу: *«Куддыръя монэ тодмотэм адямиос юало, кытын-о со корка, мон тодйсько ке, верасько, но ббрьсь сюлмаськыса улйсько, вуиз-а со адями, шонер-а мон солы валэктй. Соин ик куддыръя уг тодйськы шуисько но, вот»* (Иногда меня незнакомые люди спрашивают, где находится тот или иной дом, если я знаю, отвечаю, но потом переживаю, дошёл ли этот человек, правильно ли я ему объяснила. Поэтому иногда говорю «не знаю» и всё) [ПМА, 2016. Эркина Т. В., с. Кечёво]. *«Мынэсьтым юало ке, мон “уг тодйськы” шуисько и ладно, ато ведь валэктыны кулэ на, трос дыр солы быре»* (Когда меня спрашивают, я говорю, что «не знаю» и ладно, а так ещё и объяснять придётся, много времени на это уйдёт) [ПМА, 2012. Григорьева Л. Г., д. Старые Юбери]. Таким образом, ответив незнакомцу «не знаю», удмурты снимают с себя не только лишнее внимание, но и груз ответственности за свои слова.

Грубость в удмуртской коммуникативной традиции допустима лишь в крайних случаях, когда человек доведён «до предела», в остальных – принято молча терпеть. Данная черта коммуникативного поведения ярко представлена в художественной литературе. Например, в повести Ф. Г. Кедрова «Катя» показан образ молодой снохи, которая молча терпит унижения со стороны мужа и свекрови [Кедров 1989]. Отношение к такой черте характера, как терпение можно проследить и в удмуртских народных сказках: *«Я бен, чок-а, мар-а, ини. Чиданы кылдэм бере, чидало»* (Ладно, пусть уж что ли. Раз мне суждено терпеть, значит, буду терпеть) [Уродэсь эшгёс 2010: 7], а также в удмуртских пословицах: *«Чидам – чигымтэ, чидамтэ чигем»* (Терпение не сломлено, нестерпимое сломалось) [Удмурт калык пословицаос 1961: 110], *«Зечсэ ке яратйд, ишанэдлы но чида»* (Любишь хорошее, терпи и беду) [Там же: 134].

Согласно общепринятым правилам этикета, степень вежливости повышается в общении с незнакомыми людьми. Это соблюдается и в коммуникативном пространстве удмуртов. По мнению респондентов всех возрастных групп, обращаться к незнакомым принято только на вы (*тй*),

а в общении использовать только вежливые формы. Недопустимо толкать незнакомца, близко подходить к нему в ходе разговора, дотрагиваться до него, позволять ему прикасаться. С друзьями, хорошо знакомыми людьми, близкими родственниками удмурты менее вежливы, поскольку считают, что это та сфера, в которой можно выплеснуть свои эмоции, не стесняясь высказать всё, что накопилось на душе. Вот как характеризует общение со своими подругами, близкими людьми одна из респонденток: *«Асладьёсыдылы вазылыку “тон” да, “эй” да шуиськом, куддыр йыркуррен, чик но малпатэк, оз-огмылы вӧсь но кариськом. Мурт адямиен озыы всё равно астэ уд возыы, уд вераськы»* (Когда к своим обращаешься, «ты» и «эй» говоришь, иногда со злости, не подумав, друг другу боль причиняем. С незнакомым всё равно так себя не ведёшь, не разговариваешь) [ПМА, 2014. Волкова Ф. Л., с. Пыбья].

В знакомой и привычной для себя среде удмурты наиболее уважительно относятся к представителям старшего поколения. Подобное поведение прививается с детства: старикам нельзя грубить, их нужно слушаться и во всём помогать. В большинстве случаев молодёжь следует этому правилу.

Проявляется вежливость и в общении детей с родителями, хотя дети старшего возраста могут позволить себе разговаривать с ними на равных, спорить, отказываться выполнять их просьбы. Вежливость родителей в отношении детей не считается обязательной. В процессе воспитания родители могут кричать на детей, ругать их, а порой даже физически наказывать. По отношению к чужим детям степень вежливости обычно выше, чем к собственным, но в спорных ситуациях родители всегда принимают и защищают позицию своих детей, что находит отражение и в удмуртских пословицах, например, *«котькуд мемилэн ас нылыз-пиез аслыз дуно»* (каждой матери дороги свои дети) [Адямилы зеч лэсьтыса... 1976: 6].

В удмуртской коммуникативной традиции мужчины более внимательны и отзывчивы по отношению к незнакомым женщинам. В семье же по отношению к женщине иные могут позволить себе грубость вплоть до рукоприкладства. Отмечая подобную тенденцию, один из респондентов вспомнил шутку: *«Если мужчина открывает дверь своей машины и помогает женщине выйти, значит, у него либо машина новая, либо эта женщина – его любовница»* [ПМА, 2015. г. Ижевск].

Примерами проявления вежливости в удмуртском коммуникативном пространстве являются комплименты, благодарность, извинение.

Комплимент

Один из самых приятных вербальных приёмов – комплимент. Чаще всего с его помощью пытаются расположить собеседника к себе, подчеркнуть в нём какие-либо выдающиеся качества. У удмуртов принято делать комплименты мужчинам и женщинам, людям старшего поколения и молодым, хотя при этом проявляются некоторые особенности. Так, лица старшего и среднего возраста делают комплименты в ходе разговора только близким людям, друзьям, родственникам. В остальных случаях, по их мнению, лучше делать «за глаза», поскольку комплимент может расцениваться окружающими как лесть, а иногда как один из способов «сглазить» человека и привести к нежелательным последствиям. Были зафиксированы случаи, когда чрезмерное восхищение и комплименты, сказанные собеседнику, вызывали у последнего растерянность и тревогу, выражающиеся словами «*Ойы, син уськытозы ни*» (Ой, уже сглазят). Молодёжь же считает, что комплименты во время общения лучше всего делать, глядя в глаза собеседнику: каждому приятно слышать добрые слова о себе. Для того чтобы подчеркнуть положительные качества собеседника, чаще всего прибегают к следующим словам:

кузьыли кадь (как муравей) – говорят о трудолюбивом человеке;

муш кадь (как пчела) – термин, подчёркивающий трудолюбие человека;

гондыр (медведь) – адресуется здоровому, сильному, рослому человеку. Вышеперечисленные термины восходят к мифологическим представлениям, наделяющим животных и насекомых особыми качествами. Так, В. Е. Владыкин писал по этому поводу, что детей не случайно сравнивают с пчёлами и муравьями. В данном вербальном приёме отражён «осознанный отбор символики для достижения желаемого результата: пчёлы и муравьи традиционно ассоциируются с трудолюбием, дружной жизнью и большим числом» [Владыкин 1994: 307]. Что же касается медведя, то он, по представлениям удмуртов, обладает недюжинной силой, которая позволяет ему выворачивать деревья с корнями. Его почитали и уважали: «живого медведя никогда не называли по имени, а иносказательно. Встречаясь с ним в лесу, снимали перед ним шапку, кланялись, иногда вставали на колени» [Владыкин 1994: 139];

каньыл адыми (лёгкий человек) – собеседник с лёгким, добрым характером, с ним всегда приятно общаться;

чупырес адыми (шустрый, активный, ловкий человек) – характеризует человека активного, быстрого, всегда везде успевающего;

визьмо пог / визьпог (комочек ума; аналог. рус. гений) – умный человек. Для подчёркивания умственных способностей собеседника молодые также используют термин *киндер-вундер* (в знач. *ребёнок-вундеркинд*);

зёг нянь кадь (как ржаной хлеб) – обычно так говорят о человеке верном, надёжном, добром, готовом всегда прийти на помощь. По мнению В. Е. Владыкина, данное представление имеет древние религиозно-мифологические корни, где каравай хлеба ассоциировался с верхним миром – миром добра, солнца и изобилия [Владыкин 1994: 305]. Удмурты почитали хлеб наравне с солнцем. Без него не обходился ни один обряд, им клялись, доказывая правдивость своего высказывания [Христолюбова 1995: 168]. Е. Я. Трофимова отмечает, что ржаной хлеб занимал почётное место в питании людей, являясь главным, а подчас единственным продуктом питания [Трофимова 1991: 17]. Данное мнение о ржаном хлебе подтверждается и поговорками: «*Зёг няньлэсь кин вуёмем?*» (Кому может надоест ржаной хлеб?) [Удмурт калык пословицаос, поговоркаос 1961: 115].

сосьтыл (свеча) – подчёркивается стройность девушки;

кортчог (гвоздь) – в значении крепкий, здоровый человек;

шудо пуйы / шудпуйы (кошель счастья), *шудо кочыш / парсь* (счастливая кошка / свинья, аналог. рус. любимчик фортуны) – термины, обозначающие везучесть человека;

зуч мунё (русская кукла) – образное выражение, используемое в качестве комплимента, адресованного красивой девушке. По предположению Г. А. Никитиной, данное выражение не говорит о влиянии русских эстетических идеалов на удмуртов, «скорее всего под “русской куклой” удмурты подразумевали детскую расписную игрушку, выгодно отличающуюся в сравнении с самодельными тряпичными куклами» [Никитина 1997: 118]. Подобное подтверждается не менее распространённым удмуртским комплиментом – «*раймаг кукла*» (кукла, купленная в районном магазине, то есть сделанная не своими руками; аналог. рус. красивая, ухоженная девушка). В лексиконе родственного удмуртам народа коми можно обнаружить подобную же речевую формулу. Под словом «*роч*» (русская) подразумевается не конкретный народ, а что-то не своё, чужое или купленное, не изготовленное своими руками [Устное сообщение канд. фил. наук, сотрудника Института языка, литературы, истории Коми НЦ УрО РАН Н. И. Гуляевой]. Тем не менее нельзя полностью отрицать влияние эстетических традиций соседних

народов на предпочтения удмуртов. Так, проведённый Р. А. Кузнецовой анализ фольклорных и художественных произведений, показал, что «у удмуртов сложились два прямо противоположных идеала красоты девушки: чернобровая, кареглазая с льяными волосами и синеглазая, но тоже с льяными волосами» [Кузнецова 2013: 595]. Интересно, что, по мнению пожилых респондентов южных районов Удмуртии, красивой считается девушка – обладательница тёмных глаз и тёмных волос, и напротив, пожилые респонденты северных районов отдали предпочтение светлоглазой и светловолосой девушке. Скорее всего данную тенденцию можно объяснить благожелательным отношением удмуртов к эстетическим идеалам соседей, что подтверждается не менее распространённой фразой *жуч ныл кадь чебер* [ПМА, 2011–2012. Зафиксировано в Дебёском, Балезинском, Кезском, Глазовском районах], то есть красива, как русская девушка.

жуч кышно кадь коштан (модная, как русская женщина) – данное выражение используется для того, чтобы подчеркнуть современный, красивый внешний вид женщины / девушки, которая следит за тенденциями моды. В сельской удмуртской коммуникативной традиции есть представление, что русские женщины, проживающие в городе, всегда обладают хорошим вкусом, а потому могут подобрать себе стильную одежду, в отличие от сельских удмурток, которые признаются в отсутствии вкуса, иногда характеризуют себя как *«тяп-тяп»* (в значении несуразно, некрасиво).

В процессе коммуникации не принято делать комплименты самому себе, подчёркивая наличие тех или иных выдающихся качеств, хвалить себя. По мнению большинства респондентов, это часто воспринимается с недоумением, как эгоистичность и себялюбие, и таких обычно называют *зюкъяськись* [употребляется преимущественно в северных районах УР] / *быдзьяськись* [употребляется преимущественно в южных районах УР] (ставящий себя выше других). Если кому-то из удмуртов и хочется подчеркнуть свои достоинства, он старается это сделать вскользь, между прочим, ненавязчиво. Тактика самовосхваления имеет свои особенности у удмуртов южных и северных районов. В южных районах, делая себе комплимент, чаще ссылаются на чьи-либо слова, сказанные когда-то. Так, респондентка, приглашая нас за стол, упомянула о словах матери, которая жаловалась на то, что мало времени уделяла дочери, но, несмотря на это, её выпечка получается такой вкусной, что тает во рту [ПМА 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598

(Алнашский район). Л. 40]. В северных районах удмурты могут нарочито принизить себя, свои достоинства, подталкивая тем самым собеседника к тому, чтобы тот сам сделал им комплимент. Например, посадив гостей за стол, хозяйка извинилась за то, что выпечка не совсем удалась, хотя перед гостями лежал отлично выпеченный хлеб. Ответной реакцией на её заявление стал шквал комплиментов от гостей [ПМА 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (Кезский район). Л. 40].

Интересна и тактика приёма комплиментов. Так, по признанию большинства респонденток, комплименты вызывают у них чувство смущения: *«Кин ке ушья ке, со, конечно, туж умой, но ми ведь ум быгатйське солы шумпотыны. Сразу возьдаськыны кутскиськом. Тани допустим, шуо, тынад, пе, дэремед чебер. Ми сразу кутскиськом: да какой, ай, та вуж дэреме. Или тани шуо, ой, тон выль кофта аслыд басьтэм, кыче чебер! А ми шуиськом, ой, мар та, яралоз, дунтэм»* (Если нас кто-то хвалит, это, конечно, очень хорошо, но мы ведь не можем этому порадоваться. Сразу начинаем стесняться. Вот, допустим говорят, у тебя красивое платье. Мы сразу начинаем в ответ: да какой там, это уже старое платье. Или вот говорят, ой, ты новую кофту себе купила, какая красивая! А мы отвечаем, ой, да сойдёт, дешёвка) [ПМА, 2013. Николаева О. Н., д. Большие Сибь].

«Мне кажется, что мы, удмуртки, не можем принимать комплименты. Вот нам сделают комплимент, и мы такие, ой, да что вы, нет, тут у нас не так, это у нас старое, мы комплиментов не достойны. А я вот иногда, когда пошутить захочу, мне скажут, что у меня одежда красивая, я в ответ говорю, что я и сама ничего» [ПМА, 2010. Иванова Т. В., с. Пыбья].

Среди удмуртов бытует мнение, что комплименты должны быть своевременны и делать их нужно в меру. Иначе слишком большое количество вызывает опасение сглаза или же подхалимства.

Благодарность

Следующее проявление вежливости – это выражение благодарности. По мнению удмуртов, благодарность – один из самых важных коммуникативных актов: *«Нужно всегда благодарить человека, который сделал тебе добро, стараться сделать ему хорошее в ответ. Если ты отблагодаришь, значит, в следующий раз, когда тебе помощь нужна будет, этот человек тебе поможет. А если не отблагодаришь, то неблагоприятному и самому помогать-то не хочется»* [ПМА, 2010. Буркова Е. М.,

г. Ижевск]. Таким образом, слова благодарности в удмуртском коммуникативном пространстве звучат за помощь, услугу, угощение, совет, доброе слово и т. д. В общении между собой как в официальной, так и в неофициальной обстановке наиболее часто употребляются универсальные речевые формулы, выражающие благодарность, – «*тау*» (спасибо), «*спасибо*». По мнению респондентов, русское «спасибо» сегодня произносится чаще, чем удмуртское *тау*. В молодёжной среде для выражения благодарности также используются *спасибки*, *спасибочки*, *thank you very much* (англ. большое спасибо). Между тем одна из респонденток заметила: «*Мне вот батюшка в церкви как-то сказал, что слово “спасибо” означает “спаси, Бог”. Это, значит, мне что-то хорошее сделают, а я вместо того, чтобы радоваться, прошу у Бога спасти меня от этого. Правильно говорить не “спасибо”, а “благодарю”, как будто бы я благодарю хорошему человеку*» [ПМА, 2009. Дебёсский район, с. Дебёсы].

Необходимо отметить, что, выражая благодарность за еду, угощение, пожилые люди в сельской местности обращаются вначале к Богу, а уже потом к угощающему. Выйдя из-за стола, они встают лицом к красному углу или иконам и просят у Бога даровать достаток тому человеку, которого хотя и поблагодарить: «*Тау, Инмаре, тау. Мынам сиемелэсь тросгес сёт та семьялы, тазалыксы мед луоз мукет дырря но тазыы пöраны. Няньзы жöк вылысьтызы медам бырылы*» (Спасибо тебе, Боже, спасибо. Пусть хозяевам вернётся больше того, что я съела, пусть у них хватит здоровья, чтобы в следующий раз так же приготовить пищу. Пусть хлеб никогда у них не переводится на столе) [ПМА, 2009. Русских А. Г., д. Ю-Тольён].

Если трапеза поминальная, то говорить «*тау*» (спасибо) не принято, обычно произносят «*иназ мед мыноз*» (пусть пойдёт на пользу) [ПМА, 2019. Зафиксировано в Завьяловском районе].

Люди среднего возраста и молодёжь могут выразить слова благодарности рифмованной строчкой: «*Тау. Сюдйй-вордйй, куллонлэсь утид*» (Спасибо. Накормил-взрастил, от смерти спас), а также прибауткой: «*Кöт тыриз – малпан быриз*» (Живот насытился – думы ушли).

Когда гость начнёт благодарить хозяйку или хозяина за воду, поданную для утоления жажды, он может услышать в ответ: «*Ву понна тау уг шуо*» (За воду не благодарят), более того, некоторые информанты из Балезинского района отмечают, что подобное выражение благодарности сулит бедность, утрату материального достатка [ПМА, 2014. Князева Н. Н., д. Нурызово]. Благодарить за воду нужно родник. Для этого, после того, как попили из родника, нужно мысленно произнести слова благодарности

и бросить в него травинку. В противном случае *ошмез кутоз* (родник поймает), что непременно негативно скажется на здоровье: «высочит» простуда на губах, опухнут губы и т. д. [ПМА, 2014. Поздеева Г. Г., с. Пыбья].

Пожилые люди, выражая благодарность молодёжи, прибегают к пожеланиям. Так молодой девушке могут пожелать хорошего мужа: «*Умой карт мед сюрроз*» [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УРО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759. Конверт 6. Карточка 4 (Киясовский, Малопургинский районы)], а парню – хорошую жену: «*Умой кышно мед сюрроз*» [Там же]. За помощь могут также поблагодарить словами: «*Отйяз но юрттыны кужмо мед луод*» (Чтобы и в дальнейшем помогать силы хватило) [Там же. Конверт 1. Карточка 31 (Киясовский район), Конверт 3. Карточка 18 (Шарканский район)].

На благодарность обычно отвечают следующими вербальными формулами: *пожалуйста, на здоровье, не за что, тауна* (пожалуйста). Отметим, что удмуртским словом *тауна* респонденты пользуются редко, отдавая предпочтение русскоязычным аналогам. При этом, по представлениям некоторых респондентов среднего возраста, отвечая на благодарность словом «*не за что*», человек подсознательно настраивает себя на бедность, а произнося «*на здоровье*» – отдает своё здоровье. Поэтому оптимальным словом благодарения является слово «*пожалуйста*».

Если человека застали за трапезой, согласно правилам удмуртского этикета, ему принято желать приятного аппетита: «*Ческыт мед кошкоз!*». Отвечают на такое пожелание словами благодарности и приглашением разделить трапезу. Молодёжь в своей среде может ответить язвительной шуткой: «*Аслад мед луоз!*» (Своё имей!) [ПМА, 2010. Зафиксировано в Малопургинском, Можгинском, Вавожском районах].

Извинение

К извинению прибегают, когда хотят покаяться в совершении неправильных действий, неблагоприятных поступков, когда хотят вмешаться в разговор, обратиться к кому-либо, например, к незнакомому, лицу старшему по возрасту или выше по статусу. Обычно в таких случаях произносится фраза «*вождэс эн вае*» (букв. зло не приносите, аналог. рус. извините).

Проанализированный материал свидетельствует о том, что приверженность к коммуникативному постулату «Старайся мягче выражать свои мысли <...>, избегай резких формулировок» [Поздеева, Трофимова, Троянов 1992: 179] по-прежнему актуальна. Это заставляет тщательно

взвешивать и подбирать слова, максимально использовать вежливые и учтивые формулировки, игнорирование которых ведёт к чувству обиды, неприязни и оскорблению. Необходимо также отметить, что удмуртской коммуникативной традиции присуща конкретика, то есть, если удмурты делают комплимент, благодарят или извиняются, значит, у них на то есть веские причины.

Общение в семье

Говоря о коммуникативном поведении в рамках семьи, необходимо затронуть вопросы, связанные с отношениями в традиционной и современной удмуртской семье, поскольку в этой сфере произошли заметные изменения.

«Семья была сосредоточием всей нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности но и правопорядка <...>. Не иметь жены или мужа будучи здоровым и в зрелых годах считалось безбожным, то есть противостественным и нелепым» [Семёнова 1996: 51]. Большинство исследователей склоняются к тому, что отношения в семье были доброжелательные и доверительные, муж во всем советовался с женой. Но несмотря на это, главой в семье (*кузё*) был мужчина. Он представлял семью на сельском сходе, был распорядителем хозяйственных работ, имущества и семейной кассы. Домашними работами и приготовлением пищи распоряжалась его жена (*кузё кышно*) [Верещагин 1886: 6; Владыкин, Христолюбова 1997: 90].

«Взаимоотношения членов семьи регламентировались обычаями (*сям*). Младшие слушались старших, а те должны были заботиться о младших. В семейном общении мало пользовались именами. Супруги называли друг друга местоимениями второго и третьего лица – *тон* (ты), *со* (он / она). К детям обращались *тие* / *эте* (сын), *нылы* (дочка), *дыды* (малыш / малышка). Младшие дети, обращаясь к старшим сестрам и братьям и говоря о них, называли их *агай* или *нюню* (старший брат, дядя), *апай* (старшая сестра, тётя). Родителей мужа сноха называла в третьем лице: *анайзы*, *атайзы* (их мать, их отец)» [Удмурты 1993: 189].

В 90-е годы XX века исследователями отмечается сочетание традиционных и новых черт в удмуртских семьях. Традиционно главой семьи считается муж, но в обсуждении общесемейных дел участвуют

все взрослые члены семьи. При родителях и посторонних супруги обращаются друг к другу по имени. «Говоря о муже в его отсутствие женщина старших и средних лет называет его по имени, или “мой хозяин” (*кузёе*), мужчина при людях называет жену *стряпуха* (*пёрась*), *хозяйка* или по имени. Принятые в прошлом формы обращения младших детей к старшим братьям и сёстрам не соблюдаются как в городских, так и в большинстве сельских семьях. Практически все дети, кроме южных районов, называют друг друга по имени независимо от возраста. Изменилась форма обращения детей к родителям, которых стали называть по-русски: мама, папа или тятя с соответствующим удмуртским произношением и постановкой ударения на последний слог» [Там же: 195]. Но при этом, как отмечают исследователи, сохраняются традиционные формы обращения к родственникам по материнской и отцовской линии [Там же: 189].

Учёные также акцентируют внимание на специфичности проявления эмоций внутри семьи. Словесное выражение радости обычно отсутствует. Все тёплые и нежные чувства родителей по отношению к детям выражаются невербально: «во взгляде, в настроении, жестах внимания и т. п. При этом не принято шумно обниматься, целоваться, громко разговаривать. Иногда лишь старшие по отношению к младшим могут позволить себе похлопывание по спине, сопровождаемое словами: “*Ма-ма, бадзым будйид ни*” (Совсем большой вырос)» [Поздеева, Трофимова, Троянов 1992: 180].

В современных семьях отношения между родственниками основываются на демократических нормах общения. Тем не менее, доминирующая роль (особенно в сельской семье) обычно признаётся за мужчиной, а женщина, на первый взгляд, играет второстепенную роль. Это можно заметить по тональности голоса, с которой женщина отзывается о муже, называет его *кузё*, то есть хозяин, отказывается принимать какое-либо решение без его ведома, не приглашает в дом посторонних мужчин в отсутствие мужа. На практике же чаще бывает так, что в большинстве семей складываются паритетные отношения, когда и мужчина не принимает каких-либо действий, не посоветовавшись с женой, не распоряжается единолично семейным бюджетом и хозяйством в целом. В таких семьях нет чёткого разделения обязанностей на мужские и женские. По мере возможности все члены семьи делают то, что необходимо, во всём стараются помочь друг другу.

Часть респонденток 1940–1970-х годов рождения признаётся, что в их семьях управление хозяйством вынуждена брать в свои руки жен-

щина: *«Вань гурт ужъёсты ми свекровкаеным лэсьтылым. Картэ весь колхозын тырше вал. Мон, сое жаляса, ваньзэ ас вылам басьтй. Нои со мынам юыны кутскиз, юыса ик кулйз. Кыкетсэ мон ой ни бызьы, ваньзы юо но, кинлы бызёд? Пинальёсты огнам пыд вылазы пуктытй»* (Все домашние дела мы со свекровью вместе делали. Муж трудился в колхозе. А я, жалея его, всё на себя взвалила. Он у меня пить начал, так и до смерти спился. Во второй раз я уже замуж не вышла, все пьющие, за кого замуж выйдешь? Детей одна на ноги поставила) [ПМА, 2011. Можгинский район, д. Юдрук].

«Мужчина – это добытчик. Он ведь должен семью материально обеспечивать, деньги приносить домой. А в деревне откуда их возьмёшь? Работы толком нет. Вот мужики и ездят на заработки. Их по несколько месяцев дома не бывает, тут уж хочешь, не хочешь, а хозяйство приходится брать в свои руки» [ПМА, 2011. Дебёсский район, д. Сюрногурт].

«Мынам мужике вахтае ветлэ ужсан. Толызен гуртын уг луы, соин ик хозяйство мон вылын. Пинальёсты учконо, сиён пöрано, пудо-живот утялтоно, коркаез эскертоно» (Мой муж работает вахтовым методом. Месяцами его дома не бывает, поэтому хозяйство на мне. За детьми нужно смотреть, еду готовить, скотину кормить, за домом проследить) [ПМА, 2014. Дебёсский район, с. Дебёсы].

Таким образом, как отмечает Г. А. Никитина, ввиду того, что в сельской местности сложилась неблагоприятная экономическая обстановка, мужчина, реализующий роль добытчика и гаранта материальной стабильности в семье, вынужден зарабатывать деньги «на стороне», отсутствуя в семье месяцами. В результате «в удмуртской сельской семье деловая, хозяйственная, производственная мобильность субъектов неформальной экономики очень быстро приобрела “женское лицо”: решение повседневных материальных, хозяйственно-бытовых, финансовых, воспитательных проблем семейного коллектива легло на плечи женщин» [Никитина 2015: 268]. Парадоксально, но и в таких семьях иные жёны «на людях», хотя бы внешне, признают доминирующую роль мужей. Объяснить такую модель поведения можно желанием женщины сохранить «лицо» семьи в глазах окружающих: *«Гуртын нокин но нокинэн но уг люкиськылы. Кышномурт ваньзэ чидаса улэ. Пиосъёс калго но, юо но – кышномурт чида. Картэз жуге ке но синякозь, кышномурт шуэ, ошти леказ, дальше чида. Нэнэе но монэ дышетэ вал: семья кусытьёс, пе, семья кусын гинэ мед кылёзы, уродэз медам калык пöлын кылйськы»*

(В деревне никто ни с кем не разводится. Женщина всё терпит. Мужчины гуляют, пьют – женщина всё терпит. Даже если муж бьёт жену до синяков, женщина говорит, что бычок забодал и дальше терпит. Моя мама меня учила, что семейные отношения должны оставаться внутри семьи, чтобы плохие известия в людях не слышались) [ПМА, 2011. Можгинский район, д. Большие Сибь].

Мужчины по этому поводу отмечают: *«Котькыче мужикед мед луоз: чебер-а, чебертэм-а, юись-а, калгись-а, но кышномурт бордын “шапка нуллись” кулэ луны. Огназ улись кышномурт – адямиослы лекатон муг»* (Пусть хоть какой будет твой муж: красивый, некрасивый, пьющий, гуляющий, но рядом с женщиной должен быть тот, кто шапку носит. Женщина, живущая одна, – повод для распространения дурных слухов среди людей) [ПМА, 2014. Кезский район, п. Кез].

Психологическая установка на стремление женщин любой ценой сохранить семью и терпимость к поведению мужа, по мнению Л. И. Семёновой, объясняется памятью женщин старшего поколения о тяготах «безотцовщины» и трудностях ведения домашнего хозяйства в сельских условиях, вызванных половой дисгармонией в послевоенные годы [Семёнова 1996: 61]. В свою очередь они, воспитывая своих дочерей, вольно или невольно передавали им подобные установки не только вербально, через наставления, но и наглядно, реализуя их в жизненной практике. Что касается женщин и девушек более молодого поколения, то они с подобными установками и моделями поведения практически не сталкивались, а потому они не являются для них жизненно важными. Это привело к изменению их поведенческих стратегий. Особенно данная тенденция коснулась женщин, проживающих в городе, где ведение домашнего хозяйства не обременено тяжёлым физическим трудом.

Рассуждая о современной молодёжи, старшее поколение отмечает, что у них семейные отношения выстраиваются иначе: *«Ми асьмеос турттиськом вал ужаны, а туалала нльгёс картгёссы вылын ворттыло. Тон ке уд ужа, мон но уг ужа, тыныд ке кулэ өвёл, мыным но кулэ өвёл. Ваньзэ чошен лэсты, озьы со шонергес, дыр»* (Мы сами всё старались делать, а современные девочки «ездят» на своих мужьях. Ты не работаешь – я тоже не буду работать, тебе не надо – мне тоже не надо. Всё делают вместе, так, наверно, правильно) [ПМА, 2011. Можгинский район, д. Юдрук].

«Ньлмуртгёслэн али синзы усьтиськемын, соос шаплыесь, городэ дышетскыны кошко, умой уж асьсэлы шедьто, гуртэ обратно бертэм-

зы уг ни поты. А пиосъёс гуртэ кылё, юныны кутско. Собере юись муртлы кин бызёз на? Вот нылмурт визьмо, чебер, но огназ кыле» (У девушек сейчас глаза открылись, они активные, уезжают учиться в город, хорошую работу себе находят, обратно в деревню возвращаться уже не хотят. А юноши остаются в деревне, начинают выпивать. А за пьющего уже кто замуж выйдет? Вот девушка красивая и умная, но одна остаётся) [ПМА, 2013. Кезский район, п. Кез].

«Али егит нылъёс, особенно городскойёс, трос чидаса уз улэ. Чуть мар ке ёз ке яра – всё, йыр урдэмын, картъёссэс кушто, люкисько» (Сейчас молодые девушки, особенно городские, долго терпеть не будут. Чуть что-то не понравилось – всё, голову задерут, мужей бросают, разводятся с ними) [ПМА, 2011. Увинский район, д. Булай].

Респонденты 1980–1990-х годов рождения считают, что торопиться заводить семью не стоит, такой шаг должен быть продуманным и обоюдным: *«Я считаю, что вначале нужно получить образование, профессию, а замужество – подождёт»* [ПМА, 2011. Григорьева Л. Г., д. Старые Юбери].

«Не, замуж я пока не хочу и не собираюсь. Я ещё света белого-то не видела. Для себя хочу пожить, хочу попутешествовать. А то потом семья, муж, ребёнок, пелёнки – не до путешествий будет» [ПМА, 2012. г. Ижевск].

«Мы, конечно, с подругой поженились. Но о детях пока точно не думаем, решили, что пока для себя поживём» [ПМА, 2015. г. Ижевск].

По мнению молодёжи, отношения в семье должны выстраиваться на принципах партнёрства, доброжелательности, доверия, поэтому решать общие проблемы, рассчитывать бюджет, планировать действия на ближайшую перспективу необходимо вместе, сообщая: *«Семья – это общее дело, поэтому нужно помогать друг другу, уметь слушать и слышать, хотя бывает очень тяжело иногда, хочется всё бросить, но уж терпishь»* [ПМА, 2009. Шарканский район, с. Шаркан].

«Я вот насмотрелась на свою маму, как она всё на себе тащила, и решила, что я так не хочу. Нет, я, конечно, понимаю, что я не должна полностью от мужчины зависеть, но и единственным кормильцем в семье я не буду. Мужчина должен обеспечивать свою семью, а женщина должна помогать ему. Если мужчина будет зарабатывать меньше своей жены, так у него и самооценка-то упадёт» [ПМА, 2011. г. Ижевск].

По словам мужчин, они чувствуют больше ответственности за семью, потому что решающее слово всё-таки остаётся за ними: *«После того, как мы поженились и у нас ребёнок появился, я вот осознал, что я за семью несу ответственность. Жена сейчас в декретном, а я стараюсь рабо-*

тать и ещё подрабатываю, потому что ипотеку нужно платить, жену и ребёнка нужно кормить, мелкому постоянно то памперсы, то детское питание, а если заболевает, ещё и лекарства нужны. Сейчас приходится рассчитывать только на себя, больше не на кого» [ПИМА, 2013. г. Ижевск].

Таким образом, по прежнему в семье мужчина выполняет роль добытчика и гаранта материальной стабильности. При этом не умалется и роль женщины, которая не только вносит свой посильный вклад в бюджет семьи, но и следит за домашним хозяйством и воспитывает детей.

В современном обществе отношения между детьми и родителями, несмотря на некоторые противоречия и разногласия, характеризуются как тесные и дружественные. В отношении родителей к детям присутствуют внимание, нежность и забота. Вспоминая своё детство, большинство респондентов старшего и среднего возраста указывают на то, что для детей родители являлись авторитетом, особенно ярко это прослеживалось в сельской местности. Большую часть времени родители были заняты работой в колхозе, потому что воспитание детей осуществлялось посредством личного примера. Назидательные речи в удмуртской семье не были приняты (особенно в отношении старших детей). Родительский опыт передавался через непринуждённую беседу, во время которой приводились примеры из жизни других людей, о том, что нельзя, а что нужно делать в той или иной ситуации, каковы могут быть последствия ошибок. Обычно приведённые жизненные сюжеты оставались в памяти ребёнка на долгие годы, несли в себе положительный педагогический эффект.

К отцу всегда относились с уважением, но близкие доверительные отношения между детьми и отцом складывались не всегда: отец постоянно занят, он – добытчик, гарант хозяйственной и материальной состоятельности семьи, и ему не хватает времени на общение с детьми. К тому же большинство отцов считает, что дети должны сами справляться со своими трудностями, что чрезмерная опека только вредит им. С матерями же, напротив, выстраиваются более доверительные отношения, так как именно матери, начиная с младенчества, ухаживают за своими детьми. С ними можно делиться переживаниями, секретами, планами.

По мнению старшего поколения, в современных молодых семьях взаимоотношения родителей и детей ещё более ограниченные: *«Ой, егитъёслы али туж секыт. Али ваньмыз тани дуноме, зарплата уг буды. А ведь соослы ваньмыз кулэ: асьсэлы но сиськыны кулэ, пинальёссэс но сюдоно, дйяськем но чебер калык радъя потэ, ай ипотека но тыроно. Соос весь ужало, весь ужало, пинальёссэс аджо-а, уг-а, а коньдон ноку но уг тырмы»*

(Ой, сейчас молодым очень тяжело. Сейчас всё дорожает, а зарплата не растёт. А ведь им всё надо: и самим кушать хочется, и детей нужно кормить, одеваться красиво хочется, не хуже, чем другие, и ещё ипотеку нужно платить. Вот они всё работают и работают, то ли видят своих детей, то ли нет, а денег всё равно не хватает) [ПМА, 2011. Афонина Н. Д., д. Вильгургт].

К пожилым людям в семье относятся с большим уважением, даже с некоторым страхом: считается, что их слова, пожелания имеют способность сбываться. В отношении стариков действуют те же правила, которые регулируют коммуникативное поведение между родителями и детьми: нельзя игнорировать советы, требования, просьбы, грубить, перебивать, отказывать в помощи.

В свою очередь и представители старшего поколения отмечают, что прислушиваются к мнению молодых, так как сегодня дети более образованы и эрудированы. Большая роль в приобщении старших к современной культуре принадлежит молодым: *«Али кыче гинэ телефонъёс өвөл, компьютеръёс, банкоматъёс, везде со Интернет. Ыыр ваньмызлэсь по-роме, егитъёс ке ой луысал, кытысь ваньзэ валасал. Пие но, внучкаосы но ваньзэ мыным валекто, телефон но басьтӱзы, “Однокласснике”, “Контактэ” но пыртӱзы»* (Сейчас каких только телефонов нет, компьютеры, банкоматы, везде этот Интернет. Голова от всего начинает кружиться, если бы молодёжи не было, как бы мы это всё поняли. И сын, и внуки всё мне объясняют, телефон вот купили, в «Одноклассниках» и «ВКонтакте» зарегистрировали) [ПМА, 2019. Чиркова Э. А., п. Игра].

Что касается обращения между членами семьи, здесь тоже прослеживаются некоторые изменения. Так, при родителях и посторонних супруги обращаются друг к другу по имени. Представители старшего поколения употребляют также русские обращения «хозяин» и «хозяйка» с постановкой ударения на последний слог. Молодые информанты в отсутствии посторонних лиц используют ласковые слова по отношению к супруге / супругу: *нэ* [ПМА, 2015. Зафиксировано в Алнашском районе] / *мусое* (милый / милая), *яратонэ* (любимый / любимая), *шундые* (моё солнышко). Активно прибегают к употреблению аналогичных русских слов, а также добавляют уменьшительно-ласкательные суффиксы к именам. Супруг может обратиться к супруге, используя слова *ничие* / *дыдые* (букв. маленькая моя) и т. д.

Современное обращение детей к родителям варьируется в зависимости от возрастной принадлежности информанта. Респонденты старшего возраста использовали преимущественно удмуртские слова: *атӱ, бубы,*

тятя (папа); *анй, мума, аныкай* (мама). Молодёжь использует русские формы: *мама, папа*, с соответствующей удмуртскому произношению постановкой ударения на последний слог. Дети между собой называют друг друга по имени. Принятые в прошлом формы обращения младших детей к старшим братьям и сёстрам частично сохранились в сельской местности южных районов Удмуртии. Так, к старшему брату по-прежнему обращаются *агай*, а к старшей сестре – *апай*, допускается также обращение *апайка* [ПМА, 2019. Зафиксировано в Алнашском, Можгинском районах]. Среди пожилых людей сохранилось обращение к тётке *ака*, допускается и сокращённое обращение, когда к имени добавляется окончание *-ка* (сокращение от *ака*), например, *Маняак, Зояак, Раяак* и т. д. [ПМА, 2012. Зафиксировано в Дебёсском, Кезском районах].

Обращение к тётке и тестю, к свёкру и свекрови находится в прямой зависимости от возрастной принадлежности информантов. Так, информанты старшего поколения обращаются по-русски: *мама, папа* с постановкой ударения на последний слог. Что касается молодёжи, то у них своя точка зрения на этот счёт: *«Ну, уг быгатиськы мон соосты мама, папа вераны. Мынам маме одйг, папе но одйг, кудйз монэ будэтызы»* (Ну, не могу я их назвать мамой и папой. У меня мама одна и папа один, которые меня вырастили) [ПМА, 2011. Алнашский район, д. Азаматово].

«Мне просто родители дали такую установку: вышла замуж, значит, называешь родителей мужа как положено: мамой и папой. Ну, я сразу после замужества так и называла, но честно скажу, язык еле поворачивался. А потом, когда дети появились, стала уже называть их бабушкой и дедушкой, так и обращалась к ним: бабушка и дедушка. И ребёнку понятно, и мне несложно» [ПМА, 2017. Глазовский район, г. Глазов].

«Я не могу назвать их папой и мамой, поэтому обращаюсь к ним по имени и отчеству, и на Вы» [ПМА, 2011. Игринский район, с. Факел].

«Обращаюсь так, чтобы имя не произносить, и мамой, и папой не приходилось называть... Обращаюсь на ты» [ПМА, 2011. Дебёсский район, с. Дебёсы].

Возможно, подобную тенденцию в обращениях можно объяснить тем, что современная молодёжь стремится жить отдельно от своих родителей, самостоятельно вести своё хозяйство и быт, что отражается на реализации социальных ролей снохи и зятя. Так, отдельное проживание от родителей мужа / жены и материальная независимость молодой семьи, способствуют восприятию новых родственников как родных, но не близких людей, поэтому допускается обращение к ним по имени и отчеству.

Поскольку свёкор и свекровь / тесть и тёща присутствуют в жизни молодых преимущественно как люди, выполняющие социальную роль дедушки и бабушки их детей, то актуализируется обращение к ним как к дедушке и бабушке. Но всё меняется, когда молодожёны остаются жить в доме родителей. В этом случае и сноха, и зять называют их *мамой* и *папой*, поскольку они предоставляют кров для их семьи, ведут с ними совместное хозяйство, а значит, воспринимаются как родители.

Большинство молодых респондентов отмечают, что у них в семье не принято обниматься, целоваться. Темы разговоров, бесед в семейном кругу могут иметь широкий охват. По мнению опрошенных, единственная тема, которую не принято затрагивать в семье, в разговорах между взрослыми и детьми – это секс; особенно если разговор происходит между разнополыми членами семьи.

В целом же, как признаются респонденты, для удмуртского социума характерно приоритетное отношение к родственникам, вне зависимости от степени родства, и друзьям, по сравнению с человеком, не имеющим этого статуса. Подобное поведение продемонстрировано в удмуртском художественном фильме «Пузкарь», где главный герой Гаян устраивается на практику журналистом в редакцию популярной газеты, благодаря тому, что главный редактор – лучший друг его отца. Это подтверждается и словами респондентов: *«Асладэдлы конечно! Поддержат но карод, юрттыны но тыршиськод, маин быгатйськод»* (Своим-то конечно! И поддержишь, и помочь попытаешься, чем сможешь) [ПМА, 2013. Дебёсский район, с. Дебёсы].

Общение с соседями

Признание в обществе высоко ценится удмуртами поскольку, общение с соседями, которые представляют собой наиболее близкое социальное окружение, относится к одной из важных коммуникативных сфер повседневной жизни. Оно занимает видное место в сельском социуме, где практически все друг друга знают, а потому коммуникативные акты происходят достаточно легко и часто.

По мнению Г. А. Никитиной, в XIX веке социальное окружение в лице общины регулировало жизнь как отдельного индивида, так и семьи в целом. Прямой контроль за соблюдением традиционно принятых норм поведения община могла осуществлять сама, но могла и поручать

соседям [Никитина 1993: 128]. По этой причине соседи не могли с равнодушием относиться друг к другу. Кроме того, необходимо отметить, что в XIX веке удмурты расселялись патронимическими группами: «отделившиеся братья со своими семьями селились рядом или поблизости с отцовским хозяйством. Таким образом, получались гнёзда, соседская община, состоящая из родственников: братьев, дядей, племянников и др.» [Семёнова 1996: 39]. Патронимические группы были связаны не только хозяйством, но и общественным единством. Это был круг каждодневного общения, первое окружение семьи. Семьи считали обязанными прийти друг к другу на помощь во всех крупных делах, в горе и в радости [Там же]. Такая система отношений взаимной помощи называлась в удмуртской общине *веме*. Взаимная помощь *веме*, как коммуникативная стратегия, также имела свои особенности. Так, инициатор обходил соседей и родственников, приглашая их на помочи. День проведения мог выбираться самопроизвольно, но требовал согласования с помочанами. По данным Г. Е. Верещагина, помочи проводились обычно по воскресеньям или праздничным дням [Верещагин 1896: 137]. «Хозяин был любезен и приветлив с помочанами. Он не мог принуждать, указывать, как и сколько кто-либо должен работать. Крестьянская этика также исключала замечания хозяина, если чья-либо работа ему не нравилась. По описаниям наблюдателей, отзывам информантов, во время работы звучали песни, шутки, молодёжь затевала игры, шалости» [Никитина 1993: 103]. По мнению респондентов старшего поколения, постепенно взаимную помощь *веме* в деревнях устраивать перестали, но традиция помогать соседям по-прежнему жива, хотя и приобрела некоторые особенности.

Так, сегодня, говоря о соседях, удмурты отмечают, что человек для кого-то хорош, для кого-то плох, так и отношения с соседями складываются по-разному: с одними дружественные, с другими – непонимание и недовольство.

«Адями шунды өвёл уг, соин кинлы ке но зеч потэ, кинлы ке но урод, кинэн ке кылыз тупа, кинэн ке – уг. Тани шундыед но ваньмызлы уг яра. Озыы бускельёсын но, дыр, кинэн ке умой кусыпъёс, а кинэ ке адзем но уг поты» (Человек ведь не солнце, поэтому кому-то кажется хорошим, кому-то – плохим, с кем-то отношения складываются, а с кем-то – нет. Вон солнце, и то нравится не всем. Так и с соседями, с кем-то хорошие отношения, а кого-то и видеть не хочется) [ПМА, 2003. Савина А. С., с. Пыбья].

«Адямилэн, пе, одйг пельпум вылаз ангелэз, пе, пуке, мукетаз – бес, одйгез умой кылъёс вера, а мукетыз ваньзэ пурта. Улонын но озыы ик

пөрме: одйг палаз бускельёсын туж умой улйськом, юрттйськыса ог-огмы доры ветлйськом, а мукетьёсыныз кусыптьёсмы уродэсь» (Говорят, у человека на одном плече сидит ангел, на другом – бес, один говорит хорошие слова, другой – всё портит. В жизни тоже так получается: с соседями, которые живут на одной стороне, очень хорошо живём, а с другими – отношения не заладились) [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН РФ Оп. 2-Н. Д. 1598 (д. Азаматово). Л. 41–42].

А чаще они выстраиваются по известному в народе принципу: у хорошего человека и соседи хорошие. *«Мойыос вералляло вал ук, ачид ке алама, бускельёсид но алама шедё»* (Старые люди говорили же раньше, если сам плохой, то и соседи тебе попадают плохие) [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН РФ Оп. 2-Н. Д. 1598 (д. Азаматово). Л. 42]. Жить в мире с соседями – древняя ценность многих народов. Так, «азиат, если его права ущемляются соседом, старается не замечать этого ради сохранения добрых отношений» [Ситтарам, Когделл 1992: 110]. Так же в большинстве случаев происходит и у удмуртов: худой мир – лучше ссоры.

Необходимо отметить, что отношения с соседями у удмуртов-горожан и удмуртов, проживающих в сельской местности, имеют свои отличия. Так, городские респонденты в большинстве случаев отметили, что чаще всего знают, как выглядят их соседи по лестничной площадке, даже здороваются с ними, иногда обсуждают вопросы, касающиеся жилищно-коммунальных услуг, условий проживания и т. д., но не более того. В сельской местности, в отличие от города, соседские взаимоотношения строятся на более тесной основе и нацелены на поддержание добрых отношений. Повседневные связи обычно сводятся к обсуждению тем, касающихся хозяйственных дел, родственников, деревенских новостей, оказания мелких услуг, помощи советом и т. д. Порой отношения бывают очень доверительными, соседи становятся даже ближе, чем родственники. Об этом можно судить по взаимному угощению выпечкой, приготовленной хозяйками, совместному празднованию семейных торжеств, дней рождений и т. д. У добрых соседей допустимо заходить друг к другу в гости без приглашения, чтобы просто узнать, как идут дела, все ли здоровы, чем занимаются и т. д. В коммуникации между ними преобладают неформальные отношения (ты-форма). Обратиться к соседям можно практически с любой просьбой: одолжить соль, хлеб, денег до пенсии или полочки, загнать во двор или накормить домашний скот в отсутствие хозяев, помочь выполнить какую-то трудную работу и т. д. Но, что касается семейной жизни соседей, – вмешиваться в эту сферу обычно не

принято, точно так же, как и давать какие-либо советы, если об этом не просят: *«Муж и жена помиряются, а ты крайним останешься»* [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (д. Азаматово). Л. 1, 41–42], – замечают респонденты. Если же ситуация накаляется до предела, и соседи обращаются за помощью, её необходимо оказать.

Часть наших респондентов отметила, что в последние годы отношения между соседями стали прохладнее.

«Сегодня помощь от соседей встречается, но редко. Чаще друг другу помогают только родственники и то не всегда. А соседи вот иногда даже завидуют друг другу. У-у-у, говорят, у соседа крепкое хозяйство, значит, смог откуда-то наворовать» [ПМА, 2012. Кизнерский район, д. Безменшур].

«Когда я была маленькой, то помню, что соседи очень часто нам помогали. Например, картошку выходишь сажать, и если кто-то из соседей раньше заканчивал, то другие обязательно через забор перескочат и на помощь придут. То же самое было во время сенокоса. Убираешь сено быстро-быстро, потому что дождь собирается, а соседи уже со своими вилами и граблями к тебе на помощь спешат. Сейчас такого нет, ты своё сено хоть всю ночь на сеновал затаскивай – никто тебе не поможет» [ПМА 2011. Дебёсский район, д. Верх-Четкер].

Таким образом, взаимопомощь, которая считалась неотъемлемым явлением сельского общежития удмуртов в XIX, начинает встречаться всё реже и реже в конце XX– начале XXI века. Семьи замыкаются в рамках собственных хозяйств. Друг другу чаще всего помогают только близкие родственники.

Коммуникация в общественных местах

Г. А. Никитина в своём исследовании приходит к мнению, что «на протяжении длительных исторических периодов большое влияние на повседневную жизнь удмуртов оказывала община, которая регламентировала не только хозяйственно-экономическую деятельность, но и обладала ярко выраженной функцией социального контроля, регулирующего поведение отдельного индивида и семейный быт в целом» [Никитина 1993: 21]. Это находило отражение в том, что «общественное мнение руководило действиями жителей деревни, заставляя их поступать так, как принято, как положено» [Там же]. Поскольку представители старшего поколения воспринимали молодых людей как сына / дочь известных им

людей, то есть родителей [Христолюбова 1992: 33], наличие авторитета в глазах общественности было определяющим фактором при выборе коммуникативной стратегии. А осуждение общественным мнением воспринималось и осознавалось как крах [Владыкин, Христолюбова 2008: 26]. Детей сызмальства приучали ориентироваться на общественное мнение, вести себя среди людей достойно, чтобы не уронить авторитета родителей и чести семьи: *«будійсь муртэз сереме усёнлэсь кепыраны дышетылізы: тае озьы уз каре, адямиос серекъялозы, адямиос гинэ өвёл, чипыен куреген серекъялозы, шуылізы. Котьмае калык кадь кароно, шуылізы, калык кадь луид ке, сереме уд усыы»* (Подростающее поколение приучали бояться всеобщего осмеяния: это так не делай, люди будут смеяться, и не только люди, но и цыплятам с курицей будет смешно, говорили. Всё нужно делать как люди, когда будешь как все – не будешь посмешищем) [Христолюбова 1995: 68]. В связи с этим поведению в общественных местах уделялось особое внимание: родители при случае напоминали детям, как нужно себя вести, как вступать в разговор и т. д.

Для большинства современных удмуртов ориентация на общественное мнение по-прежнему остается актуальной, в связи с этим самоконтроль над поведением в публичном пространстве достигает своего максимума. Согласно общепринятым этикетным нормам в общественных местах (в транспорте, на улице, в магазине, в медицинском учреждении и др.) не принято громко разговаривать, открыто проявлять свои эмоции. Несдержанность считается признаком дурного тона. Помня об этом, удмурты следуют негласному правилу: никому не мешай, не выделяйся, будь как все.

«Адямиос пöлы потыку, астэ лачмыт возёно: кесяськыса өвёл вераськоно, мукет адямиослы өвёл люкетано» (Когда находишься среди людей, себя нужно вести сдержанно: нельзя громко разговаривать, нельзя мешать другим людям) [ПМА, 2013. Баранова Г. Е., д. Булай].

«Мон тани куддыръя остановкаын сылйсько автобусме возьмаса и кинке кудзем кесяське ке, материть каре ке, мыным со понна туж возьыт луэ. Мынам тодмое но со өвёл, а мон со понна воздаськисько. Сыче муртёслэсь палэнэгес кошкисько, пельы но медам кылы, синмы но медам адзы». (Я иногда стою на остановке и жду свой автобус, и когда пьяный человек начинает кричать на остановке, материться, мне за него бывает очень стыдно. Это даже не мой знакомый, а мне за него стыдно. От таких людей я отхожу в сторону, чтобы уши не слышали, и глаза не видели) [ПМА, 2014. Глазовский район, г. Глазов].

По признанию респондентов, порой самоконтроль в публичном пространстве бывает настолько сильным, что доставляет дискомфорт, порождая закомплексованность: *«Нас родители всегда учили, что нужно быть скромными, другим людям не досаждать, в обществе нужно вести себя прилично, чтобы не позорить своих родственников. Потом вот и выходишь в люди и думаешь, что лучше лишний раз промолчать, а то вдруг не то скажешь – сам опозоришься и родителей опозоришь. Допустим, мне у соседки понравился цветок, я ведь не спрошу и не попрошу, могу съездить куда-нибудь и уже оттуда привезти, хотя это тут рядом и можно у человека попросить. Есть единицы, которые как бы себя преодолевают что ли. Вот у меня сестра очень зажата, но не покажет, это у неё внутри. Это у неё по ходу работы так выработалось. Она – учительница. Я тоже постепенно отхожу от этого, если надо, я лучше лишний раз спрошу. А вот дочка меня в магазине одёрнет: “Мама, зачем лишний раз”, то есть я не хотела, но передала своему ребёнку этот комплекс неполноценности»* [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (г. Ижевск). Л. 19].

«Мон пичи дыръям мурт адямилы вазиськыны уг дйсьтйськы вал, табере пересьмыса дйсьтйсьгес луи. Тяте милем пыр шуылйз: “Эн шумэтэ, чалмыт шудэ, коркась эн поталэ”. Чалмытэсь, возьдаськисесь ик будйм» (В детстве я к незнакомому человеку стеснялась обращаться, теперь уже, повзрослев, преодолеваю своё стеснение. Отец нам всегда говорил: «Не шумите, играйте тихо, из дома не выходите»). Вот мы и выросли тихие и стеснительные) [ПМА, 2009. Там же (с. Дебёсы). Л. 30].

Некоторые респонденты 1960-х годов рождения, вспоминая годы студенчества, отмечают, что для того, чтобы не выделяться среди других в общественных местах, вынуждены были отказываться от общения на родном языке: *«Дышетскыкумы дышетйсьмы милем, удмурт нылъёслы, вералляз, удмурт сямен общежитияды эн вераське. Копилка, пе, пунктэ, кинке удмурт кылзэ поттйз ке, отчы коньдон мед поноз»* (Когда мы учились, нам, девочкам-удмурткам, учительница говорила, что в общежитии нельзя разговаривать на удмуртском языке. Поставьте копилку, и, если кто-то скажет слово на удмуртском языке, пусть кладёт туда монетку) [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (с. Дебёсы). Л. 29–30].

Респонденты 1990–2000-х годов рождения, переехавшие из сельской местности в город для получения профессионального образования или в поисках работы, отмечают, что поначалу, живя в городе, в общественных местах старались говорить на русском языке, но со временем пришли

к пониманию, что нет ничего плохого в том, чтобы общаться на удмуртском с человеком, понимающим родной язык: *«Иногда едешь в общественном транспорте в городе и слышишь, как кто-то по телефону или между собой на удмуртском говорят. Даже тепло на душе становится, настроение поднимается. Я со своими друзьями-удмуртами тоже на удмуртском говорю»* [ПМА, 2016. Коровин Д. М., с. Бураново].

«В общественных местах можно услышать удмуртскую речь, и очень часто. Не скажу, что громко говорят, но между собой разговаривают. Удмурты в принципе не такие, как азербайджанцы, армяне, их же издали слышно, а удмурты-то громко говорить не будут» [ПМА, 2016. Сунцов Р. В., г. Ижевск].

Согласно неоднократным экспедиционным наблюдениям, удмурты, оказавшиеся в одном транспорте со своими знакомыми, начнут разговаривать так, чтобы не слышали другие: встанут или сядут очень близко друг к другу (порой коммуникативное расстояние между собеседниками становится равным нулю) и поведут беседу на полусшёпоте, вполголоса. Встречаясь на улице, собеседники также становятся очень близко (иногда женщины берутся под руки), если же их несколько человек, чаще всего они образуют круг – некое замкнутое коммуникативное пространство, способствующее уменьшению расстояния, создающее ощущение закрытости. «Форма круга связана с институтами, предполагающими равное участие в общем деле, в отличие от условий, где кто-то кому-то диктует, кто-то кого-то заставляет делать угодное себе, а не другому» [Иванов 1989: 40]. У удмуртов в кругу возникает чувство защищённости и равенства, создающее комфортные условия для общения: *«Тазы султійськод ке, ваньзылэсь ымнырьёссэс адзиськод, умойгес кыліськод, мар верало, мукет адямиос уг ни дйсьто пырын, кылды тупаз-а, юало, но кошко. А мукетгес ке султійське, татын любоез султоз бордады но вераськыны кутскоз»* (Вот так если встаёшь (речь идёт о круге. – Т. Р.) у всех видны лица, хорошо слышно, что тебе говорят, посторонние люди уже не вмешиваются в разговор, только спрашивают, нашли ли общий язык, и уходят. А вот если чуть-чуть по-другому встать (речь идёт о полукруге. – Т. Р.) тут любой может рядом встать и начать разговаривать) [ПМА, 2013. Можгинский район, с. Большая Уча].

Темы разговора при большом скоплении народа носят сугубо нейтральный характер (погода, огород, хозяйство). Раскрывать секреты, делиться переживаниями, горем или радостью не принято. Во-первых, неприлично навязывать другим свои проблемы, а, во-вторых, горем не

будут делиться потому, что другие могут просто позлорадствовать, а счастьем – потому, что могут сглазить. Тем не менее, откровенное обсуждение тем личного характера в общественных местах допустимо, но только с проверенными, близкими знакомыми. Встретившись с ними, они говорят шёпотом, уводят своего собеседника в сторону, где людей поменьше, и делятся своими секретами. Откровенность также допускается с человеком, внушающим доверие, который сам откровенен, или с тем, кого видят в первый и последний раз.

Пространство города унифицирует коммуникативное поведение людей. Так, городские удмурты признаются, что жизнь в городе заставляет преодолевать стеснительность, неразговорчивость и «деревенскую заторможенность». В связи с этим в структуре их общения эмоциональная речь начинает занимать значительное место. Она не зависит от пола и возраста, социального положения. Городские удмурты живо реагируют на сказанные замечания, могут ответить колкостью на колкость, грубостью на грубость и т. д. Они обычно легко вступают в коммуникативный контакт. Любая фраза – просьба, вопрос, предложение угощения и др. – может стать началом разговора и поводом для развития контакта. Свобода вступления в контакт проявляется в том, что они могут обратиться к незнакомым практически с любой просьбой; сельские же жители на это пойдут лишь в крайнем случае.

Самопрезентация в вербальной коммуникации

Ярко выраженная самопрезентация отсутствует. По признаниям большинства удмуртов, в независимости от официальности обстановки они не любят выставлять себя напоказ, быть в центре внимания, рассказывать о своих достижениях, восхвалять свои умения.

«Сейчас же везде встречается такое, что, когда ты на работу устраиваешься, тебя заставляют рассказывать о своих умениях, достижениях. Я в такой ситуации теряюсь сразу. А на некоторых смотрю, они чуть-чуть что-то сделают и уже хвалятся этим. А я делаю, и мне кажется, что все это могут, поэтому и повода себя хвалить-то нет» [ПМА, 2018. г. Ижевск].

«Шуо ук, ушъяськемед, пе, кышъяськемлы но уг яра. Соин только кинлы ке маке ушъяськыса верад ке, со обязательно уз пёрмы. Лучшие чуссы гинэ ас поннад лэсьты. Пёрмытйид ке, соку вералод. Ушъяськись

муртэз уг ярато, соин особо вераськем но уг поты» (Говорят же, что хвастовство даже на заплатки не годится. Поэтому только кому-то чем-то похвастаешься, обязательно ничего не получится. Лучше тихо, молча делай. Когда всё получится, тогда и расскажешь. Человека, который постоянно хвастается, не любят, поэтому с ним ни у кого нет желания разговаривать) [ПМА, 2013. Дебёсский район, д. Верхний Четкер]. Хотя в узком кругу друзей и родственников удмурты могут похвастаться успехами детей, супругов, своими собственными. Возможно, стратегия самопрезентации слабо развита в коммуникативной практике удмуртов, поскольку она не приветствуется большинством, вызывает неприязнь у окружающих, кроме того, издавна существует поверье о том, что если похвалишь себя перед кем-то, то тебя обязательно сглазят.

Стратегии поведения в конфликтных ситуациях

По мнению респондентов, конфликтность удмуртов невысокая. Их трудно втянуть в открытый конфликт, так как они привыкли подавлять свои эмоции. Удмурты не будут доказывать свою правоту во что бы то ни стало, не будут публично высказывать своё несогласие с собеседником. Их конфликт уходит «вовнутрь», и хотя внешне они будут сохранять спокойствие, в их душе будет кипеть буря эмоций, негодований, они стойко будут следовать тем принципам, которые считают верными и всегда останутся при своём мнении. *«Кинэн ке куаретійсько ке, мынам ступор форма луэ. Валасько, адями янгыш вера, но валэктыны солы уг быгатійськы, кулэ кылёс йырам вовемя уг лыкто. Бёрысь всё малпаськыса ветлійсько тазыы верано вал шуса. Аслым ачим йыркурьяськисько»* (Когда я с кем-то ругаюсь, у меня наступает что-то вроде ступора. Понимаю, что человек не прав, но объяснить ему это не могу, нужные слова в голову вовремя не приходят. Потом всё об этом думаю, что нужно было так сказать. Сам на себя злюсь) [ПМА, 2011. Малопургинский район, с. Бураново].

«Другие считают нас, удмуртов, обидчивыми и скрытными. Например, произошла ссора, удмурт психанёт, а потом в себе замкнётся. И вот русские, например, говорят, что удмурты себе на уме, исподтишка будут вредничать. А ведь это впечатление создается потому, что просто удмуртам сложно найти нужные слова, его настолько внутренние эмоции разрывают, а ответить он не может. Русский выплеснул

всё – забыл. А удмурт потом с этим живёт, обдумывает. Изнутри себя изъедает. Ну, есть такие, которые запомнят обиду и при первой возможности отомстят. Но ведь такие не только среди удмуртов есть» [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (с. Дебёсы). Л. 27].

Модификация поведения собеседника в процессе конфликта сводится к минимуму. Сельские удмурты открыто не выскажут претензии ни знакомому человеку, ни незнакомцу: *«Синмазы ум вераське янгъши лэсьтэмзес, бераз вераськом – соиз алама. Адями, может, тупатскысал, синмаз ке верасалзы, но верасез өвёл»* (В глаза не говорим, что ошибаются, за глаза говорим – это неправильно. Человек может бы и исправился, если бы ему прямо в глаза сказали, но ведь никто ж не говорит) [Там же (д. Азаматово). Л. 38]. В коммуникативной среде городских удмуртов допускается высказывать замечания в адрес знакомых и близких людей: *«Я считаю, что всегда нужно говорить правду человеку, но это ещё зависит от обстоятельств. Кому-то нужно жёстко сказать, кому-то помягче. Допустим, если компания сидит, а нужно сделать замечание одному, то нужно ему тихонько аккуратно объяснить, но при всех делать – это уже унижение. Делать замечания надо очень осторожно, приводя в пример себя. Допустим, Маши, Саши, ну, чё, ты так делаешь, я вот тоже раньше так делала, но это плохо»* [Там же (г. Ижевск). Л. 38]. Нарушением всех этикетных и моральных норм считается, когда младшие высказывают своё недовольство по отношению к старшим, особенно дети – родителям.

Тематика общения

По словам респондентов, тематика общения может быть весьма разнообразной, но зависит от социального окружения и места. Разговор по душам допустим только в домашней среде, в неформальной обстановке, среди близких друзей и родственников, когда обе стороны делятся радостью или жалуются на жизнь, ищут помощи, просят совета. Изливать душу малознакомому, неблизкому человеку в непривычной обстановке удмурты будут лишь в исключительных случаях. Обычно же прибегают к светскому разговору на общие темы, не затрагивающие личных проблем. Удмуртам присуща любознательность, которая может перейти в любопытство, особенно у сельских жителей: *«Куддыр как кутско уг юаны,*

кытысь, мар, кин, кинэн. Йыр ик поромыны кутске, токма гинэ ымме усьтй, малпасько» (Иногда как начнут спрашивать: откуда, что, кто, с кем. Даже голова начинает кружиться, зря только рот открывал, думаю) [ПМА, 2012. Тронин В. А., с. Пыбья]. Обговорив при встрече все последние новости, они могут перейти к общим знакомым, обсудить их жизнь и поступки. В кругу знакомых и друзей в процессе общения могут задаваться вопросы глубоко личного характера, например, касающиеся зарплаты, возраста, семейного положения и т. д. Очень искренни и словоохотливы удмурты с собеседниками, вызвавшими у них чувство доверия и симпатии. В этом случае они могут без всяких наводящих вопросов поделиться самыми разнообразными сведениями, которыми располагают сами, и которые, как считают, могут заинтересовать собеседника. В процессе коммуникации удмурты стремятся избегать оценок слов или поведения собеседника, но зато с лёгкостью это делают «за глаза» через третьих лиц в неформальном общении.

Тематические и речевые табу

Необходимо также сказать о тематических и речевых табу. Их количество невелико, они скорее мягкие, чем жёсткие. Например, не принято шутить и веселиться в компании людей, у которых есть серьёзные проблемы; говорить о сексе (особенно в присутствии детей), обсуждать заболевания знакомых людей; за столом нельзя рассказывать о том, что может испортить аппетит присутствующим. Под запретом нецензурная лексика, шутки, содержащие такую лексику. Подобные шутки, особенно произнесённые молодёжью, воспринимаются с большим негодованием и возмущением со стороны старшего поколения. Нельзя говорить собеседнику о его красоте или состоятельности, хвалить его материальное благополучие. Не являются табуированными вопросы о возрасте, семейном положении, зарплате и других источниках дохода, стоимости тех или иных покупок, вопросы, касающиеся профессии, места жительства, родителей и детей и т. д.

В узком кругу друзей удмурты допускают шутки по поводу своей удмуртской природы, могут принять и понять подобную шутку, отпущенную в свой адрес. Но не приемлют подобное поведение со стороны посторонних людей, а особенно людей другой национальности. Это получает негативную оценку и может стать поводом для конфликта.

Юмор в коммуникации

Неотъемлемым компонентом неформального бытового общения удмуртов является юмор. Т. Г. Владыкина, анализируя функции смеха в семейной и календарной обрядности, приходит к выводу, что в традиционной культуре ритуальный смех переносил энергию телесного энтузиазма на таинственные миры рождения и смерти, помогая природе преодолевать период зимнего засыпания, временную смерть [Владыкина 1997: 324]. «Смех зависит от среды, от взглядов и представлений, господствующих в этой среде, он требует единомышленников», – считает исследователь. «Смеющиеся – это “заговорщики”, знающие код смеха» [Там же: 306].

В зависимости от форм смеха в вербальной коммуникации удмуртов существуют следующие обозначения:

Орголляны / вал кадь гырдалляны, горыны, гор-гор серекьяны (ржать как лошадь; в знач. *громко смеяться*) [ПМА, 2018. Зафиксировано в Базинском, Кезском, Завьяловском, Малопургинском районах].

Кит-кит серекьяны (хихикать) [ПМА, 2018. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Долгий смех, выражающий удовлетворение по поводу удачной шутки, может сопровождаться фразой: «*Ой, кӧты-сюлмы!*» (Ой, мой живот-средце!)

В удмуртской традиции существуют поверья, регулирующие ситуации смеха. Так, нельзя смеяться во время сумерек – это к несчастью: «*жомо-югдо дырӧя ӧвӧл серекьяно, уродлы со*» [ПМА, 2018. Волкова Ф. Л., с. Пыбья]; нельзя слишком много и долго смеяться – это к слезам: «*гор-гор серекьялод ке, мукет нуналаз обязательно бӧрдод*» [ПМА, 2010. Николаева О. Н., д. Юдрук]. Считается, если ребёнок улыбается во сне, значит, он разговаривает с ангелами [ПМА, 2015. Боталова Е. А., п. Игра].

По признаниям респондентов, громкий смех обычно вызывает чувство настороженности: «*Куддырӧя кин ке бордам серекьяны кутске ке, мон, конечно, йырме со пала берыктӧсько, а вӧдрус со монэ серекья*» (Когда кто-то рядом начинает громко смеяться, я, конечно, поворачиваю голову в его сторону, а вдруг это надо мной смеются) [ПМА, 2015. Сюмсинский район, с. Сюмси].

Одна из респонденток, вспоминая свою молодость, привела пример того, как чрезмерное выражение веселья регулировалось близким

окружением: «Мон егит дыръям юн серекъясь вал. Ну, пыр серекъясько вал, мыным старшой сестраосы пыр шуо вал: “Калиста, малы тон серекъяськод пыр? Ну, это ж некрасиво, все подумают, что ты глупая”. И мон аслым бумагае гожтїи: “Не смеяться”. Киям часэ бордын нуллїсько вал со бумагае. Как серекъян куткисько вал, адзїсько гожтэмме – дуддїсько» (Я в молодости очень много смеялась. Мне старшие сестры всегда говорили: «Калиста, почему ты всё время смеёшься? Ну, это ж некрасиво, все подумают, что ты глупая». И я себе на бумаге написала: «Не смеяться». Носила эту бумагу рядом с часами на руке. Как только начинала смеяться, смотрела на бумажку и переставала) [ПМА, 2011. Волкова К. И., с. Пыбья].

В повседневной коммуникации в смеховую игру вступает каждый, кто способен импровизировать. Так, в рамках этнографических экспедиций при сборе материала мы неоднократно становились свидетелями шуточных высказываний и диалогов по поводу удмуртского характера, стеснительности и акцента:

«Мар-о ми кырзаны но ум быгатїське, номыр но особо ум тодїське, мар вераны, а вот одїг петаиной лезысал ке, сразу йырвизь сазьяськысал» (Ой, да что, мы и петь-то не можем, даже особо не знаем, что рассказывать-то, а вот если вы б одну рюмочку налили, то наше сознание бы быстро просветлилось) [ПМА, 2016. Глазовский район, д. Вильгурт].

Сегодня шутки по поводу удмуртского характера и акцента пользуются большой популярностью среди молодёжи в пространстве Интернета и социальных сетей. Шутки, посвящённые этой тематике, обнаружены нами в сообществах социальной сети «ВКонтакте» – «Удмурт мемъёс» [URL: <https://vk.com/udmurtmemes>], «Удмуртлык» [URL: https://vk.com/topic-644235_1729035]. Пользуются популярностью юмористические видеоролики, снятые блоггером Максимом Ивановым, в которых он говорит на русском, но с нарочито выраженным удмуртским акцентом [URL: https://instagram.com/maximus_spin?igshid=jito3shg031v].

Как отмечают респонденты, роль юмора и умение шутить особенно ценится в общении с гостями и близкими друзьями. Человек с чувством юмора становится душой любой компании, его любят, им восхищаются, он становится желанным гостем на любом застолье. Сами респонденты считают, что таких людей не так уж и мало среди удмуртов, но проявить себя им часто мешает стеснительность.

Резюмируя сказанное, отметим, анализ повседневной вербальной коммуникации удмуртов в рамках стандартных коммуникативных ситуаций и сфер позволяет сделать вывод о том, что она несёт в себе традиционные черты, но в то же время является постоянно дополняемой, незамкнутой знаковой системой. Полевые материалы наглядно показывают, что информантами чётко разграничивается общение с близкими людьми и в общественных местах, где присутствуют малознакомые и совсем незнакомые люди. В зависимости от окружения выбираются и соответствующие стратегии коммуникативного поведения. Кроме того, на выбор стратегии поведения также влияет территориальное проживание информанта. Так, поведение городских удмуртов отличается от поведения сельских. Накладывает свой отпечаток и гендерная принадлежность: не все модели поведения, допустимые в мужской коммуникации, являются приемлемыми для женщин.

Сельским удмуртам, по сравнению с городскими, тяжелее вступать в контакт с незнакомыми людьми. Особенно явно это ощущают молодые люди, недавно приехавшие в город. Они не стремятся преодолеть формальную процедуру знакомства в общении с малознакомым и незнакомым человеком, потому становятся малоэмоциональными и замкнутыми. Открытость и искренность свойственны лишь для близкого круга лиц – друзей и родственников. Эмоционально реагировать на замечания, столь же эмоционально воспринимать информацию, вообще быть самим собой становится возможным только в рамках знакомой привычной среды. Откровенность удмуртов проявляется в разной степени с разными людьми. Так, они будут откровенными только с тремя категориями лиц: во-первых, с людьми, которых давно и хорошо знают, во-вторых, с теми, кого видят в первый и последний раз, в-третьих, с теми, чья внешность внушает доверие. С ними они разговаривают так, как будто живут последний день, и им нужно успеть сказать абсолютно всё, что накопило на душе [ПМА, 2010. Adrienn Vukics, г. Сегедек]. Коммуникативный демократизм присутствует только в хорошо знакомой среде. В остальных случаях предпочтение отдаётся формализованному общению. Стремление к доминированию отсутствует, удмурты не любят быть в центре пристального внимания. Доброжелательность достаточно сдержанная. Малознакомых людей обычно приветствуют вежливо, но сухо, без особых эмоций. С незнакомыми чаще всего не здороваются.

1.2. Прозвища в вербальной коммуникации

Прозвища даются людям в качестве второго имени, и они обычно хорошо известны в определённом (сельском) социуме. Согласно В. И. Далю, «их дают “прозываютели”, умеющие с одного взгляда определить в человеке бросающиеся в глаза характерные черты» [Даль 1882: 485]. Основанием для прозвища часто служат особенности внешности, темперамента, умственные способности и др. [Там же]. «На “внешнее” происхождение большинства прозвищ указывает то, что они отображают в сжатом образно-формульном виде представление окружающих о конкретном человеке, которое и обозначалось чаще всего ёмким словом, подчёркивающим его характерную черту» [Лотман, Успенский 1973: 283–284]. Как утверждает И. А. Перельгина, «с прозвищем индивид может смириться или не принимать его, отзываться или не отзываться на него, но перед обществом он предстаёт именно под данным прозвищем» [Перельгина 2006: 300–301].

По мнению исследователей, в традиционном удмуртском обществе не было принято пользоваться именами, для этого существовала своя однозначная идиома обозначения родственников, соседей, друзей и незнакомых людей [Атаманов 1985: 41; Владыкин, Христолюбова 2008: 102]. Более того, произношение имени и обращение к человеку по имени приравнивалось к строгому речевому запрету. Потому к незнакомому мужчине обращались со словом *кудо* (сват), к незнакомой женщине – *туклячи* (сватья) и т. д. [Атаманов, Владыкин 2007: 96].

Согласно древней удмуртской традиции, к девушке после замужества родственники со стороны мужа и соседи обращались не по имени, но использовали название воршуда или места, откуда она была родом [Атаманов 1985: 41; Атаманов, Владыкин 2007: 96]. Подобное сохранилось и в наши дни:

Шадби Тоня – женщина, которая родилась в д. Старое Шадбегово;

Вортча Лена – женщина родом из д. Вортча;

Кушья – женщина родом из Кушьи;

Тупал (букв. с той стороны) – прозвище досталось женщине от матери, которая была родом из деревни Тупал-Пурга.

Отголоски подобного поведения частично сохраняются сегодня. Так, старшее поколение в качестве прозвищ использует старинные удмуртские имена, которые носили их прадеды, например, *Пислэг* (синица), *Коньы* (белка), *Дыдык* (голубь). Респондент из деревни Азаматово

Алнашского района поведал нам историю о том, что его называют *Сюям пистлэг* (букв. запачканная землёй синица). *Пистлэг* – старинное, исконно удмуртское имя, которое было дано при рождении его прадеду. А *сюям* (запачканный землёй) – уточнение, доставшееся в наследство от отца: его ещё маленького дедушка учил бороться, для того, чтобы знал куда поворачивать, запачкал землёй щёку, и сказал: «*Сюям палад кошки, пие*» (Сворачивай в сторону запачканной щеки, сынок). Так и закрепилось за этим родом прозвище *сюямьёс*, по которому их знают во всех близлежащих деревнях и в районе [ПМА, 2010. Алнашский район, д. Азаматово].

В некоторых северных районах прозвищами становятся патронимические названия, например, *Кырс* (в удмуртско-русском словаре даётся два варианта перевода: строгий / пугливый [Удмуртско-русский словарь 2008: 378]), *Вож выжы* (зелёный корень), *Тяро* (перевод неизвестен), *Кынмем* (замерзший) и т. д.

Сегодня наиболее частый и простейший способ прозывания – использование фамилии или личного имени. Например, Никитин – *Никита*, Семёнов – *Сёма*, Волков – *Волк / Кион*, Ворончихин – *Ворон*, Галичанин – *Галич / Кулич*, Ширококов – *Ширма*, Костя – *Куси*, Леонид – *Лёпоть*, Лиза – *Лизун*, и т. д. Интересное прозвище было дано молодому человеку, по имени Василий. По словам респондентов, его имя в селе ассоциировалось с кличкой кота «Васька», и потому его прозвали «*Шырась*» (Мышелов) [ПМА, 2010. Базинский район]. Если имя и отчество у человека совпадают (например, Александр Александрович), его могут назвать *Дважды*, если однотипными являются фамилия, имя, отчество (Петров Пётр Петрович), прозвище такого *Трижды*. Эти примеры появления прозвищ по совпадению фамилии, имени и отчества удалось зафиксировать в ходе экспедиций, но нельзя сказать, насколько широко распространён такой способ.

В зависимости от характера, особенностей поведения и личностных предпочтений человека появились следующие прозвища, зафиксированные в ходе исследования:

Шёмо (букв. со вкусом) – «*пыр шёмо ужас ветлйз*», то есть постоянно ходил на работу подвыпившим.

Гылы – от слова *гылыт* – гладкий, в значении скользкий человек: где сядешь на него, там и слезешь.

Гнездо – прозвище девушки лёгкого поведения. В данном случае используется как синоним женского полового органа.

Пось кӧльы (горячий камень) – женщина с сильным характером, которая за словом в карман не полезет, любого выскочку поставит на место.

Синмо лйял (глазастый пень) – женское прозвище: такая видит и замечает всё, собирает все слухи, а потом разносит их по деревне.

Кенак – мужчина с женским характером, используется в значении хозяйюшка.

Профессор – человек, который считает, что он вправе давать советы всем и вся.

Така (баран) – прозвище упрямого и «недалёкого» человека.

Корт ныр (железный нос) – прозвище подчёркивает упёртый и бесцеремонный характер своего владельца.

Пересь (старый) – молодой человек, рассудительный не по годам.

Три копейки – прозвище женщины, любящей приbedняться и постоянно твердящей, что её заработная плата составляет три копейки.

Прижал (от слова – прижать) – прозвище мужчины с непристойным поведением по отношению к женщинам.

Очень часто прозвища подчёркивают вкусовые и кулинарные предпочтения людей: *Сушка Петыр* (мужчина, который часто покупал в магазине сушки), *Паронка Надя* (рус. парёнка – блюдо из брюквы, запаренной в русской печи). Есть прозвища, отображающие привычки человека, например, привязанность к вещи. Так, женщина-свинарка, постоянно таскавшая с собой сумку, получила прозвище *Сумки Мила* (*сумки* – ласкательное от сумка).

Часто встречаются прозвища, подчёркивающие внешние данные людей, например:

Жи́раф – кличка молодого человека, обладающего высоким ростом.

Бадя́р тысь (кленовое семя) – прозвище молодого человека по имени Вадим: его имя у детей ассоциировалось с удмуртским словом *бадя́р* (клён), а *тысь* (семья) – потому что невысокого роста.

Колобок – полная женщина невысокого роста.

Горд, гордань, горд пистон – варианты прозвищ, данные людям с рыжим цветом волос.

Глыба – человек крупного телосложения.

Кузь пель (длинные уши) – прозвище, подчёркивающее необычную форму ушей.

Сйлипонти (аналог. *чпы, сйли*; букв. цыплёнок) – прозвище дано мужчине, который в детстве отличался маленьким ростом.

Афроудмурт – прозвище дано мужчине со смуглой кожей.

Некоторые прозвища акцентируют внимание на физических недостатках. Например, *Флёрик* (от «кролик») – прозвище мужчины с выступающими передними зубами как у кролика. Прозвище *Китайка Коля* было дано мужчине, вернувшемуся из армии с ампутированными пальцами на ногах. Ступня без пальцев (короткая, как у китайцев) стала поводом наделения его соответствующим прозвищем. *Пал суй* (одно-рукий) – прозвище молодого человека, в результате несчастного случая оставшегося без руки. *Їужон кук* (ноги-веники) – прозвище молодого человека, обладающего шаркающей походкой с рождения. Обычно прозвища данного типа дают мужчинам и крайне редко – женщинам. Возможно, это связано с осознанием того, что женщины гораздо трепетнее относятся к своей внешности, и любое подчёркивание бросающихся в глаза физических недостатков может стать для них сильнейшей психологической травмой. Данный вид прозвищ произносится в присутствии «владельца» только в тех случаях, когда ему намеренно хотят сделать больно, нанести оскорбление.

Встречаются даже прозвища, связанные с именами героев художественных фильмов (*Будулай*), мультфильмов (*Тимон и Пумба*), знаменитых людей (*Ньютон, Белинский*), мифологических существ (*Керемет*). Есть и такие, происхождение которых сами пользователи объяснить не могут, например, *Тяфатяк, Пилюль, Лялюк, Бизи, Мулярис*.

Интересно, что есть удмуртские деревни (например, д. Зеглуд Якшур-Бодьинского района), где все, от мала до велика, говорят на удмуртском языке, а большинство прозвищ – русские. Возможно, этот феномен связан с тем, что авторы прозвищ не ставили перед собой цель оскорбить односельчанина. С их точки зрения, прозвище на чужом языке звучит безобиднее, чем на родном. На вопрос можно ли использовать прозвища в процессе общения, обращения к своему собеседнику, мнения респондентов разделились. Молодые чаще, чем люди старшего возраста, прибегают к прозвищу при обращении к своим сверстникам, ссылаясь на то, что оно призвано подчеркнуть индивидуальность собеседника, а не обидеть его: «*Тани, футболэн шудыкумы, милям командаын кык Серёгаосмы. “Серёга!” кеськиськод ке, кыкназы ик берытско. А со время быре ук, пока тон соослы валэктод, кудзэ ётиськод, гол но пыртозы. Соин ик одйгезлы “Дряхлой” шуса вазиськод и со тодэ ни, что сое ётё*» (Когда мы играем в футбол, то у нас в команде два Серёги. Называешь по имени, откликаются сразу двое. А это же время уходит, пока ты объяснишь им, кого зовёшь, так и гол

могут забить. Поэтому крикнешь одному «Дряхлый», а тот уже сразу понимает, кого зовут) [ПМА, 2015. Кадесников А. И., д. Новая Бия]. Кроме того, прозвище указывает на групповую принадлежность молодого человека, поскольку оно даётся в узком кругу товарищей, с которыми часто осуществляется коммуникативная деятельность. Пожилые и респонденты среднего возраста, напротив, считают, что обращаться к человеку, используя вместо имени прозвище, допустимо в тех случаях, когда собеседник не против и охотно отзывается на него. В остальных случаях ими можно пользоваться лишь для того, чтобы уточнить, о ком идёт речь.

Сравнение активности оперирования прозвищами по гендерному признаку показало, что чаще к ним прибегают мужчины, чем женщины. Последние предпочитают их использовать «за глаза», для уточнения, или в ситуации острого конфликта, когда появляется желание унижить, оскорбить собеседника. Все респонденты высказывали убеждение, что ими уместно пользоваться только в узком кругу знакомых и друзей. Недопустимо обращение по прозвищу младшего к старшему, к человеку, обладающему более высоким социальным статусом, другого пола, при общении в общественных местах и в формальной обстановке.

1.3. Пожелания, заверения и «пустые» слова как вербальный способ коммуникации

Как отмечает В. Е. Владыкин, удмурты верили в могущество сказанного слова, осознавали его созидательную / разрушительную силу [Владыкин 2014: 331], а потому не только внимательно прислушивались к тому, что говорит собеседник, но и сами тщательно продумывали уместность произнесённых вербальных формул. Подобные представления сохранились среди старшего поколения, которое считает, что сказанное слово может нанести урон или защитить, унижить или окрылить и возвысить человека.

В бытовом общении удмуртов Т. Г. Владыкиной были выделены следующие категории вербальных символов: *сйзёнъёс* (пожелания), *оскытон кылъёс* (слова-заверения), *буи веранъёс* (пустые приказы). [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759].

Сйзёнъёс (пожелания)

Пожелания часто выполняют функцию благодарности и своего рода наставлений, поощряющих и одобряющих совершаемые действия (особенно в общении пожилых людей с молодёжью). Они же являются особым приёмом в процессе обыденной коммуникации, во время гостеваний, семейных и календарных праздников. Пожелания с негативной оценкой выполняют роль инвективной лексики, несут на себе функцию выражения агрессии, превращаясь в другую категорию вербальных формул – *каргаськонъёс* (проклятья).

В процессе повседневной коммуникации добрые пожелания произносятся обычно во время прощания. Подобные пожелания часто связаны с дорогой:

Сюресэд мед удалтоз (Пусть дорога будет удачной; аналог. рус. счастливого пути) [ПИМА 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Сюресэд вöй кадъ мед луоз (Пусть дорога будет как масло) [Зафиксировано в Малопургинском, Алнашском, Можгинском районах];

Урод иворъёсты медам кылйське (Чтобы от вас не было слышно плохих новостей) [Зафиксировано в Кезском, Балезинском, Глазовском районах];

Пиыла кадъ вольыт сюресэд мед луоз (Пусть твоя дорога будет гладкой как стекло) [Зафиксировано в Алнашском районе];

Зеч ветлыса, зеч берты (Хорошо сходяв, хорошо возвращайся) [Зафиксировано в Алнашском районе].

Пожелания хорошей жизни чаще всего произносятся в ситуациях, несущих за собой кардинальные перемены, приобретение нового социального статуса, начало нового жизненного цикла. Например, во время свадьбы, знакомства новорождённого с родственниками, устройства на новую работу и т. д.:

Вöй кадъ интые мед шедёд (Чтобы ты попал в масляное место) [Зафиксировано в Алнашском районе];

Улонэд вöй вылтй кадъ мед ортчоз (Чтобы жизнь твоя пошла как по маслу) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Кöё-вöё мед улоды (Чтобы вы жирно-масляно жили, в знач. жили в достатке) [Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Пожелания хорошей жизни во время свадьбы дополняются своеобразными назиданиями:

Тупаса, яратыса улэ (Живите в согласии и в любви) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Ог-огдэсты яратэ, кылзійське, керетытэк улэ (Друг друга любите, слушайте, живите без ругани) [Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Во время семейных праздников в честь дня рождения, окончания учебного заведения (обмывание диплома) и других значимых событий пожелания приобретают индивидуальный характер, соответствующий личности поздравляемого:

Бадзым буд, атаедлы но анаедлы юрттійсь мед луод (Расти большой, чтобы стать помощником маме и папе) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Кужмо / сюлмо / визьмо мед луод (Чтобы стал сильным / старательным / умным) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Ушьямон адями мед будод (Чтобы вырос человеком, которого хочется хвалить) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Кыдёкысезлы верамон, матысезлы вожъяськымон мед луод (Будь таким, чтобы о тебе хотелось рассказывать живущим далеко и чтобы тебе завидовали живущие рядом) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Шудбуро мед луод (Будь счастливым) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Инмар кужым мед сётоз (Чтобы Бог тебе дал силы) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Во время официальных мероприятий пожелания произносятся публично, стоя перед приглашёнными гостями, повернувшись в сторону виновников торжества. По признаниям респондентов, порой это вызывает определённые затруднения, поскольку и «нельзя ударить лицом в грязь перед родственниками и приглашёнными гостями, в то же время хочется пожелать что-то хорошее и душевное близкому человеку». В связи с этим большинство пожеланий и поздравлений заранее продумываются, иногда записываются на бумаге и зачитываются во время торжества. Во время произнесения пожеланий не допускается перебивать говорящего.

Оскытон кылъёс (слова-заверения)

В коммуникативном пространстве удмуртов часть вербальных формул выполняет роль заверений, после произнесения которых у собеседника появляется уверенность в достоверности передаваемой информации. Примерами подобных фраз являются:

Инмар понна / нянь понна / вылысь шунды понна (клянусь Богом / клянусь хлебом / клянусь солнцем) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Чиньыме чогын сёто (Палец даю на отрубание) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Интязям ик мед чашигъэз (Разрази меня гром) [Зафиксировано в Шарканском районе];

Тани югыт тыл азын верасько (Говорю перед этим светлым огнём) [Зафиксировано в Алнашском районе];

Татчыям ик мед усё / куло / виыса кушты (Чтоб я сюда же и упал / умер / хоть убей меня на месте) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Пурт йылын нянь сиё / нянь куртчо (С ножа хлеб съем / хлеб откушу) [Зафиксировано в Кезском, Балезинском, Глазовском районах];

Чыртыме вандыны сёто (Шею дам на отрубание; аналог. рус. голову даю на отсечение) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Оброс тыр, уг алдаськы (Перед иконой клянусь, не вру) [Зафиксировано в Алнашском, Малопургинском районах]. Все выше перечисленные фразы дополняются вербальной формулой *эмзэ верасько* (правду говорю).

Буш верангъэс (пустые присказки)

Несмотря на то, что удмуртское приветствие предполагает фатическую коммуникацию, во время которой собеседники могут задавать вопросы, сами удмурты отмечают, что порой эти вопросы сильно раздражают. Чтобы деликатно выйти из этой неблагоприятной, раздражающей ситуации, не оскорбив собеседника, но при этом, дав понять, что данные вопросы не приятны, прибегают к шутливым диалогам, «пустым» фразам-присказкам (*буш верангъэс*). Кроме того, «пустые» присказки также используются в ситуации, когда собеседник невнимательно слушает и постоянно переспрашивает:

– *Кытчы мынйськод?* (Куда идёшь?)

– *Кытчылэн бераз* (аналог. рус. на кудыкину гору) / *кытчы ке отчы* (куда-то туда) / *кытчы синмы адже* (куда глаза глядят) / *кытчы пыды нуэ* (куда ноги ведут) / *кыдёке, татысен уг адскы* (далеко, отсюда не видно) / *кытчы пыдсы* (букв. на дно куда) / *ачим тодйсько* (сам знаю) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

– *Мар?* (Что?)

– *Мар-мар, куака кар* (Что-что, воронье гнездо) [Зафиксировано во всех исследуемых районах] / *сйзьыл усем куар* (осенью опавший лист) [Зафиксировано во всех исследуемых районах] / *Марко кышно кыкто пиям, тонэ гогыяны отем* (жена Марко родила двойню, тебя позвала разрезать пуповину) [Зафиксировано в Малопургинском районе] / *Макарлы*

кар лэсьтыны (Макару гнездо делать) [Зафиксировано в Кезском, Шарканском районах];

– *Малы?* (Почему?)

– *Не все малы, есть и большие / тон мед юалод шуыса* (чтобы ты спросил) / *ачим тодйсько* (сам знаю) / *малы ке но* (для чего-то) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

– *Ортчез вал но скал луиз шуо* (букв. прошедшее в прошлом было лошадей стало коровой) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

– *Ку?* (Когда?)

– *Кыкы сильыку* (Когда кукушка кукует) / *коко сыыку* (когда яйцо кушаешь) [Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Подобные фразы допускаются в общении старшего по отношению к младшему, а также в общении сверстников. В целом же они являются сигналом того, что собеседник не настроен продолжать диалог и его лучше оставить в покое, чтобы не нарваться на грубость.

Таким образом, в наши дни пожилые респонденты тщательно подбирают слова, внимательно прислушиваются к речи собеседника, и ждут подобного ответного поведения. Если их ожидания оказываются неоправданными, то ответной реакцией становится обида на непонятые слова, и долгие размышления над отдельными фразами, сказанными собеседником: «*Малы меда со озьы вераз?*» (Почему он так сказал?). Что касается молодежи и людей среднего возраста, подобное отношение к словам с их стороны утрачивает значение, а потому в порыве сильных эмоций они зачастую не задумываются о том, что сказанные ими слова могут кого-то обидеть.

1.4. Коммуникативное поведение удмуртов во время гостеваний

Коммуникативное поведение удмуртов во время гостеваний становилось предметом исследования в трудах Л. С. Христороубовой [1984, 1992, 1995], Е. Я. Трофимовой [1989, 1991, 1992, 1995], Т. Г. Владыкиной [1998], Г. А. Глуховой [Владыкина, Глухова 2011], И. К. Назмутдиновой [2017]. Все авторы рассматривают данное поведение с точки зрения этикета, стандартных формул вежливости. Но необходимо отметить, что оно является более широким понятием, описывающим не только вежливое общение, но и реальную повседневную коммуникативную практику.

Приглашение в гости

Описывая приёмы и способы приглашений, ранее принятые у удмуртов, исследователи Г. Е. Верецагин, Н. Г. Первухин отмечают, что удмурты, приглашая в дом знакомых и родственников, посылали им разнообразные саламы (посылки), представлявшие собой лоскутки ткани или монеты с начертанной тамгой отправителя [Верецагин 1995: 199; Первухин 1888: 54]. Сторона, получившая таким образом информацию о предстоящем событии, должна была обязательно посетить приглашающих. Т. Г. Владыкина и Г. А. Глухова считают, что в гости было принято приглашать накануне или в день праздника, а о предстоящем приёме оповещали чаще всего дети, которые обходили родственников и соседей [Владыкина, Глухова 2011: 106].

По воспоминаниям пожилых респондентов Алнашского, Можгинского, Глазовского, Базезинского, Кезского районов Удмуртии, в гости приглашали во время «базарных» дней и ярмарок, так как на них съезжались и родственники, и друзья, и добрые знакомые. В процессе приглашения сообщался только день, время обычно не обговаривалось. Связано это было с тем, что гости могли запоздать, не успеть к назначенному времени, например, из-за изменения погоды, плохих дорог и т. д. [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (д. Азаматово). Л. 34]. Респонденты младшего возраста и наши современники утверждают: «Сегодня приглашать в гости стало гораздо проще, у всех есть сотовые телефоны, обзвонил кого надо и всех предупредил. Приходить или не приходиться – решать им самим. Но обычно, если не придут, сразу предупреждают» [ПМА, 2014. Николаева О. Н., д. Большие Сибь].

В беседах о том, как и по какому поводу созывают гостей, мнения наших респондентов разделились. Люди старшего поколения отмечали, что раньше в гости друг к другу ходили только по особым случаям. Чаще всего поводом к тому являлись семейные праздники и праздники календарно-обрядового цикла. По мнению молодёжи, в гости можно прийти и без особого повода, «*просто, когда захотелось поболтать, соскучились или, может, давно не виделись*» [ПМА, 2014. Бывальцева Н. Ю., с. Дебёсы].

В удмуртской коммуникативной традиции необходимо различать действительное и условное приглашение в гости. Приглашение из вежливости обычно говорится вскользь и не повторяется несколько раз:

«*Ми доры но пыралэ*» (К нам тоже заходите);

«*Дырды луиз ке, пыралэ*» (Будет время, заходите);

«*Асьтэос но вуылэ*» (Сами тоже заходите) [ПМА 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Кезском, Дебёском, Алнашском, Можгинском районах].

В таких случаях приглашение в гости представляет собой «квази-функциональный акт, и обычно собеседник путём ориентировки в ситуации улавливает условность приглашения, благодарит за него и вежливо отказывается. Когда правила “игры” нарушаются (приглашение не озвучивается), можно наблюдать осуждение людей, их не соблюдающих; про таких говорят: “*Ӧз но ӧте, ӧз но пыртэ*” (И не пригласили, и не попросили зайти)» [Поздеева, Трофимова, Троянов 1992: 175–176]. Действительным считается приглашение, которое произносится неоднократно. Приглашающий человек при этом приводит веские доводы в процессе уговаривания собеседника. Если собеседник не может принять приглашение сиюминутно, то чётко обговаривают дату и время, когда нужно прийти. Порой приглашение в гости может быть настолько настойчивым, что беседующие могут повыситься голос друг на друга, один может усиленно «тащить» за руку другого, другой – отпираться всеми силами. При этом, каким бы настойчивым ни было приглашение, в знак хорошего тона на любое приглашение принято несколько раз ответить вежливым отказом, и только потом согласиться. Любой необоснованный отказ респондента оценивается как неуважение, иной раз вызывает даже недоумение.

Ходить куда-либо без приглашения – это признак дурного тона. «*Если хочется прийти в гости, нужно предупредить человека хотя бы за час и не приходиться с пустыми руками*» [ПМА, 2017. Трофимова Н. В., г. Ижевск]. Как отмечает Е. Я. Трофимова, опоздание порицалось, «опоздавшего не ждали – *бер кылисез уг возьмало*» [Трофимова 1989: 22]. Сегодня, по мнению респондентов, опоздание категорически недопустимо в официальной сфере (например, деловая встреча, собеседование), а вот в неофициальной – небольшое опоздание считается вполне приемлемым [ПМА, 2014. Ураков В. В., г. Глазов].

Общение с гостями и в гостях (воспоминания респондентов 1920–1970-х годов рождения)

Н. П. Рычков, говоря о гостеприимности удмуртов, отмечал: «Странствующих приемлют они с отменной благосклонностью, и стараются оказать все знаки ласкового приветства; а мёд и хлеб поставляют на стол,

лишь только войдёшь в гостиницу» [Рычков 1770: 164–165]. Гость для удмурта – важная персона, в отношении которого необходимо проявить глубокое уважение, а гостеприимство считается важнейшим принципом коммуникативного поведения. По-мнению респондентов, не важно, по приглашению или без приглашения пришёл человек, с просьбой или просто проведать, его обязательно нужно угостить: «*Корка пырем адымиез обязательно жёк съёры пуктоно, нянен ке но куноятоно*» (Зашедшего в дом человека нужно обязательно посадить за стол и угостить хотя бы хлебом) [ПМА, 2014. Князева М. И., п. Балезино].

Т. Г. Владыкина считает, что гостевание противопоставляется будням, работе, это состояние общения, система поведения, отражающая отношение людей друг к другу и к миру в целом [Устное сообщение Т. Г. Владыкиной]. Как отмечает Е. Я. Трофимова, «наибольшее количество гостепосещений было в праздники, а пик их приходился на позднюю осень и начало зимы, когда был собран весь урожай и начался забой скота и птицы» [Трофимова 1989: 20]. Количество гостей зависело от масштаба праздника: общественный праздник требовал обязательного участия всех взрослых односельчан, семейный собирал более узкий круг родственников, соседей и друзей [Там же].

Воспоминания об особенностях удмуртского гостевания и визитов гостей респондентов старшего и младшего возраста чаще связаны с семейными торжествами. Согласно им, приезд гостей и поездка в гости всегда воспринимались как большой праздник. Приготовление к приёму гостей или к визиту в гости «непременно сопровождалось преображением всей будничной привычной обстановки, а также внешнего облика людей: в доме прибирались, мыли полы, надевали самую лучшую одежду, обязательно загодя готовили праздничные кушанья и напитки» [Трофимова 1989: 21].

В традиционном обществе в силу добрососедских и родственных отношений гостей ожидали также в домах родственников и соседей, где их встречали радушно с накрытым столом. Данная традиция упоминается в работах авторов XIX века [Смирнов 1890: 257; Верещагин 1896]: «Женщины, составляя своё сообщество, сидят в углу у печи и потчуют друг друга кумышкой, пивом и варёным коноплянным семенем; мужчины сидят около стола в шапках или стоят с трубками во рту, слегка покачиваемые выпитой кумышкой, им подносят рюмки с кумышкой по две и по три; поговорят они, поблагодарят хозяев и опять идут в другую избу за таким же угощением. Девушки, разделившись на группы, ходят,

под ручку, из избы в избу и угощают друг друга пивом, а то и кумышкой» [Верещагин 1896: 50]. Традиции гостевания удмуртов нашли отражение и в работах исследователей XX века Л. С. Христолюбовой [1992], Е. Я. Трофимовой [1989] и др.

«У удмуртов был развит обычай гостевания, согласно которому гости одного дома считались гостями всех родственников, живущих в этой деревне. Если кто-то намеревался пригласить к празднику гостей из другой деревни, он предупреждал об этом родственников в своей деревне; те тоже готовились принимать приглашённых» [Христолюбова 1992: 37]. «<...> гости отправлялись к однодеревенцам – друзьям, соседям или родственникам хозяина, к которому они приехали. Здесь сказывались общинные традиции удмуртских крестьян. Приём гостей был обременителен для одного хозяина, и часть хлопот о гостях брали на себя родственники, а позднее и соседи» [Трофимова 1989: 25]

Респонденты 1920–1960-х годов рождения, проживающие как в южных, так и в северных районах Удмуртии, в своих сообщениях упоминают об этой особенности: *«Азьло кунюосты быдэс деревняен пумиталлямы. Родняосмы доры кунюос лыкто ке, соос ми доры но пыро вал. Ваньэзсты кунюятоно, жёк съёры пуктылытэк ёвёл сюрес вылэ лэзёно»* (Раньше гостей всей деревней встречали. Если к нашим родственникам приезжали гости, то они обязательно и к нам заходили. Всех обязательно нужно было пригласить в дом и посадить за стол, без этого в дорогу нельзя было отпускать) [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (с. Дебёсы). Л. 12].

«Папеным кунюе мукет деревняе мынйськом ке вал, олокин доры но пыраськом вал. Папе валэктэ вал: таиз тодмоез, таосыз та палысен родняос, соосыз со палысен родняос. Али монэ юа на, мон нокинэ но уг ни тоды соос пёлысь» (Когда мы с отцом в другую деревню заезжали, мы к кому только в гости не заходили. Папа объяснял: этот его знакомый, эти родственники с одной стороны, те – с другой. Сейчас ещё спрости у меня, я уже никого и не помню из них) [ПМА, 2013. Кезский район, д. Ю-Тольён].

«Тани мон тодйсько всегда из дома в дом юмшало вал, ноку но одйг коркан уг юо вал. И–и–и–и, кинлэн ке кунюез лыктэ, бызьыса лыкто ни вал: “Насьта, кунюе вань!” Мон шуисько: “Насьтатэк куню каремед уг-а луы?” Мамае сразу вера вал: “И–и–и–и, со озьы ёвёл ук, Рая, ма дораз-а пукоз кунюез?” Сразу соос дорысь ми доры лыкто, но юо чошен. Одйг чаркадэ сётйд ке, со верьяса, вераськыса пукоз, кыкетй чарказэ уз ни ю.

Озбы быдэс гуртэз ортчозы, матысь гуртэ но нуозы) (Вот я помню, что раньше гуляли из дома в дом, никогда в одном доме не пировали. И–и–и... если у кого-то гость приезжает, тот уже быстро прибегает: «Настя, у меня гость!» Я говорила: «Без Насти гостей встречать не получается что ли?» Мама сразу говорила в ответ: «И–и–и... это не так, Рая. Неужели гость только в одном доме сидеть будет?» Сразу от них гости шли к нам, вместе выпивали. Если одну чарку дашь, гость пригубит, попробует и дальше будет беседовать, вторую чарку уже не пил. Так они всю деревню обходили, даже в близлежащую деревню гостей водили) [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (д. Азаматово). Л. 47]. По мнению респондентов сельской местности, подобное гостевание сохранялось вплоть до 1990-х годов, позже стало встречаться реже и не везде.

Общение в гостях всегда протекало размеренно и весело. Поддерживались любые темы для разговора, касающиеся разных сторон жизни. Здесь можно было узнать все последние новости: кто родился, женился, развёлся, умер. Обсудив при встрече свои новости, переходили на общих знакомых. В сельской местности часто обсуждались вопросы, касающиеся сезонных полевых работ, домашнего скота, обустройства быта, воспитания детей и т. д. По воспоминаниям респондентов старшего возраста, беседа в гостях периодически прерывалась подношением домашнего самогона. Здесь тоже существовали свои негласные правила этикета угощения, которые были частью традиций гостевания, регулировали общение и способы угощения гостей. Человек, подающий напиток, обязательно должен был держать бутылку в левой руке, а рюмку – в правой. Перед тем как предложить напиток, подающему человеку необходимо было его пригубить. Таким способом демонстрировали незаговорённость напитка и его пригодность для питья. Принимающий брал рюмку правой рукой, сопровождая словом *«сябась»* (за здоровье). От угощения напитками не принято было отказываться, если на то нет веских причин (например, болезнь, беременность), обычно напиток допивали до конца, а рюмку возвращали подающему. О тех, кто не допивал предложенный напиток, говорили *«со лексэ кельтiз»* (он оставил свою злость). Если человек, принимающий угощение, сомневался в добрых намерениях угощающего, то он мог применить следующий приём: *«Мiйыос шу вал: уд ке тодiськы, зечен-а, уродэн-а тонэ сектало, куишь пол шокчы ныр пыртiд, собере ым пыртiд»* (Пожилые люди советовали: если сомневаешься, с добрыми или злыми намерениями тебе подают угощение, то необходимо обезопасить себя следующим образом: незаметно выдохнуть

на угощение три раза через нос и три раза через рот) [ПМА, 2013. Дебёсский район, с. Дебёсы]. Не допускалось наливать напиток «через руку» / «влево» (то есть поворачивая горлышко бутылки от себя в левую сторону), поскольку в представлениях удмуртов этот жест используют, когда наливают для умершего во время поминальной трапезы. Если человек, не зная, наливал напиток «влево» во время гостевания, то это вызывало недовольство: *«Мар-о мыным, кулэм муртлы кадь, поніськод?»* (Почему ты мне как покойнику наливаешь?) [Владыкина 1997: 254].

В этикете удмуртов на первое предложение выпить нужно было ответить отказом, согласиться только тогда, когда хозяева повторят его. На того, кто соглашался сразу, смотрели с недоумением. Если гость пил в больших количествах *куруса юэ* (выпрашивая), то обычно над ним подшучивали: *«Сябась – ым пась, ымпасьлы кочерга дась* (Открытый рот всегда готов выпить, а для открытого рта уже готова кочерга)» [ПМА 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Кезском районах]. И северные, и южные удмурты старшего возраста отмечают, что пили не спеша, небольшими глотками, буквально наслаждаясь каждой каплей, словно смакуя напиток. Респонденты подчёркивали, что раньше в гостях даже мысли не возникало, чтобы напиться, а потому обычно «одной рюмки хватало на весь разговор», то есть одна рюмка могла выпиваться медленно, пока шло общение. Сегодня, к сожалению, есть люди, которые злоупотребляют спиртными напитками и на фоне алкогольного опьянения ведут себя весьма развязно. Данное поведение осуждается удмуртами, поэтому и отказ от дегустации напитка воспринимается адекватно, не сопровождается недоумением, но вызывает уважение.

Кульминацией гостевой церемонии было, несомненно, застолье. Е. Я. Трофимова в своих исследованиях приходит к выводу, что одним из аспектов выражения коммуникативных и коммуникативно-значимых действий в удмуртской среде является пища и отношение к ней [Трофимова 1995: 44]. Посредством пищи актуализируются социально заданные отношения и взаимоотношения: «акт совместного потребления пищи и напитков был ритуалом, скрепляющим узы дружбы, добрососедства, родства, этнического единства» [Там же: 48].

Всех присутствующих гостей приглашали за общий стол: *«Азьвыл ваньмы чойш одйг жёк съёрын, одйг посудайсь сиськиськом вал. Мбйыос верало вал: “Одйг посудайсь сиськид ке, уртче-валче улод”*. А али тани мода малпаллям – каждоезлы нимысьтыз тусьты поно» (Раньше все вместе за одним столом из общей посуды ели. Пожилые говорили: «Если

из одной посуды ешь, значит, вместе дружно будешь жить». А сейчас вот моду придумали – перед каждым отдельно тарелку ставят) [ПМА, 2010. Докучаева М. И., д. Чепык]. Для приёма гостей хозяйка готовила самые вкусные блюда, накануне пекла выпечку, доставала приготовленные запасы. «Во время приёма гостей стол должен ломиться от яств. Чрезвычайно гостеприимными и щедрыми считались те хозяева, у которых кушанья стояли в “два этажа”, поставленные друг на друга (*вылысьтыз вылаз*)» [Трофимова 1995: 46]. Стол высоко почитался раньше и почитается удмуртами до сегодняшнего дня. Отношение к нему, как к одушевлённому предмету: «у него ноги, платок (*жбӧк кышет*), почётная часть – *тӧр шор*, конец – *жбӧк нум*. По представлениям северных удмуртов, он имеет своего духа-хранителя – *дэлета*» [Там же]. В связи с этим особенное место отводится правилам поведения в гостях за общим столом: садиться за стол можно только по приглашению со всеми вместе, нельзя стучать по столу, болтать ногами под столом. Есть нужно аккуратно, без спешки, не проливая напитков и не роняя крошек на пол. О воспитанности ребёнка судили по его умению вести себя за столом во время общей трапезы, поэтому старики и родители считали не лишним упомянуть о том, как следует себя вести «на людях» (*калык пӧлын*): «*Перед тем как идти в гости, мама напоминала, как себя нужно вести за столом: не кричать, не баловаться, не болтать ногами, есть всё, что дадут и ничего не просить. Если я что-то делала не так, она взглядом давала понять это. А когда уже домой приходили, говорила, как ей было стыдно за меня. Сейчас у меня у самой уже есть дети, и я за собой замечаю, что я веду себя, как моя мама*» [ПМА, 2010. Питилёва Е. В., с. Сюмси].

У северных и южных удмуртов не принято было садиться за стол сразу после первого приглашения: «*Первой ӧтемзы бере сразу жӧбк сьӧры пуксьыны уг яра. Мукетъёсыз малпалозы, таиз сиськыны гинэ куное лыктэм*» (Сразу после первого приглашения за стол не садятся. Другие присутствующие могут подумать, что ты покушать только пришёл) [ПМА, 2011. Уракова Ю. П., д. Качкашур]. Пример подобного коммуникативного поведения неоднократно становился сюжетом, описанным удмуртскими писателями в своих произведениях:

«– Умоесь улӧськоды, арня понна!

– Туж умой, Занали, татӧгес пуксьы, табань сиём чош.

– Али со дурьсь, Одоть.

– Чаль, чаль, Занали, веръя коть дан карыса.

– Бен пуксӧд-а, мар-а ини, иське» [Кедров 1989: 148].

- (– Здорово ли живёте?
 – Очень хорошо, Ёанали, ближе садись, вместе табани будем есть.
 – Я только что поел, Одооть.
 – Проходи, проходи, Ёанали, попробуй хоть из уважения.
 – Ну, присесть что ли. Перевод наш. – Т. Р.).

Но если гость не садится за стол даже после настойчивых уговоров, то о нём могли подумать, что он ставит себя выше хлеба, а значит, выше Бога. О таких людях говорили *быдэымьяськись* (в значении высокомерный) [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (д. Азаматово). Л. 49].

В гости, как и в дальнюю дорогу, не принято было ходить на голодный желудок. Возможно, корнями это представление связано с поверьями о том, что *«мурт дорын сиськыны уг яра: анаед кулоз»* (у чужих есть нельзя: мать умрёт), *«сюрес вылэ потыкуд, пöзем сиёнэз верьятэк, уз кошке – сюресэд уз удалты»* (если, собираясь в дальнюю дорогу, не отведаешь приготовленной еды, то не будет тебе удачи) [Владыкина 1997: 243, 245]. Современные удмурты объясняют это по-другому: *«В гостях много есть стыдно! Не только ты за столом сидишь. Одно взял, попробовал – хватит. Одну конфетку съел, вторую не бери, пусть и другие попробуют»* [ПМА, 2012. Корепанов В. П., д. Ванялуд].

«Я помню, в детстве мама говорила, что в гостях нужно есть всё, что тебе дают: сиёнэн öвёл подылляськоно (не быть разборчивым в еде, есть всё, что предложат). *Кыче ке сиён юн яраз ке, сое ваньзэ öвёл сиёно – мукетьёсызлы но кельты* (Если какая-то еда тебе понравилась, нельзя её съедать полностью – пусть другие тоже попробуют). *И вообще, ми куное пыр сиськыса ветлылём* (И вообще, мы в гости всегда сытые ходили), *ну, то есть не на голодный желудок, потому что много есть в гостях – это неприлично»* [ПМА, 2010. Данилова М. В., г. Ижевск].

Сами хозяева практически не едят, они сидят за столом, угощают гостей, ведут беседу, следят за тем, чтобы гости ни в чём не нуждались.

За стол принято садиться и выходить из-за него всем вместе: *«Калыкез учконо: ваньмыныз ёош пуксид – ваньмыныз ёош ик потоно ёжök сьöрысь»* (Нужно смотреть на людей: со всеми вместе сел – со всеми вместе нужно и выйти) [ПМА, 2012. Корепанов В. П., д. Ванялуд]. Если гость обходит стол, не усаживаясь за него, то это воспринимается как ведовство, сулящее несчастье семье или смерть близкого родственника [ПМА, 2010. Алнашский район, д. Удмуртский Тоймобаш]. Поэтому выходить из-за стола нужно с той же стороны, с которой садились,

в противном случае это расценивается, как недобрые пожелания хозяевам [ПМА, 2010. Кезский район, д. Ю-Тольён].

Негативно отзываются удмурты о тех, кто уходит из гостей сразу же после застолья. По народному этикету, принято после того, как встали из-за стола, поблагодарить хозяев, немного посидеть, пообщаться с ними, иначе у последних «не уродится капуста» (*кубистазы уз удалты*). Время ухода гостей не обговаривалось. «Гость должен оставаться в доме ровно столько, чтобы не быть в тягость хозяину – “Муртлэн корказ кема эн улы” (В чужом доме долго не задерживайся. – Т. Р.)» [Трофимова 1989: 21]. Если раньше можно было спокойно остаться с ночёвкой, то сегодня данное обстоятельство регулируется: гостю нужно заранее предупредить хозяев, что он останется.

Особенности современного приёма гостей и визитов в гости (по воспоминаниям респондентов 1980–1990-х годов рождения)

Современные традиции удмуртского гостевания претерпели некоторые изменения. Так, почти ушла в небытие традиция, когда гости одного дома считались гостями всех родственников, живущих в этой деревне. Информанты конца 1980–1990-х годов рождения слышали от своих родителей, бабушек и дедушек истории о том, что гостя водили из дома в дом, но сами подобное уже не застали. Но, несмотря на это, приход гостей и поездка в гости по-прежнему воспринимаются как праздник, к которому нужно готовиться заблаговременно: *«Я помню из своих детских воспоминаний, что к приезду гостей готовилась вся семья. Обычно делали генеральную уборку: мыли полы, протирали везде пыль, меняли занавески. Заранее продумывали, что будем готовить, какие продукты нужны. Мама всегда пекла шанежки. Обычно тётки и дяди брали с собой своих детей, мы все вместе играли, и в этот день даже освобождались от домашних обязанностей»* [ПМА, 2012. Русских Т. С., с. Пыбья].

«К поездке в гости готовились заранее. Раньше же в семьях машин не было, поэтому ездили на автобусах, поездах, электричках. Могли ездить и с пересадками – это уже было отдельное приключение. Мама покупала красивую одежду для нас и всегда говорила: “Это наденешь, когда в гости поедем”. Поэтому этого события всегда ждали как

праздника. Обычно гостить ездили летом, когда сенокос заканчивался в деревне» [ПМА, 2013. Русских Ю. Н., г. Ижевск].

Как и много лет назад, в приготовлении к приёму гостей большое внимание уделяется их угощению. Каждая хозяйка стремится приготовить свои лучшие блюда, купить самые лучшие продукты, чтобы «гости были сытые и довольные»: *«Куноос лыкто ке, коньдондэ уд ни лыдъяськы, вань-а ёвёл-а, уд учкиськы. Турскиськод ни жёктэ накрыть карыны, сиёнэд-юонэд ваньмызлы мед окмоз, куноосыд кётсы сюмаса медам кошке»* (Когда гости приезжают, деньги свои уже не считаешь, есть они или их нет, уже не смотришь. Стараешься уже стол накрыть, чтобы еды и питья хватило всем, чтобы гости голодными не ушли) [ПМА, 2012. Иванова Т. В., с. Пыбья]. Среди молодого поколения по данному поводу есть и иное мнение: *«Гости – это очень хорошо, но меня напрягает то, что мои родители всегда готовят в таких объёмах, как будто они у нас будут год жить. Потом после гостей всё приходится доедать в быстром темпе, чтобы продукты не испортились, а то жалко же выкидывать, деньги заплачены. Я вот думаю, что всё должно быть в меру, но моим родителям это не объяснишь. Они думают, пусть лучше останется, чем не хватит»* [ПМА, 2015. Утеева Т. А., д. Итешево].

Как и раньше, во время застолья полагается вести себя скромно. Если пожилые респонденты отмечают, что «ходили в гости» сытые, то современная молодёжь сегодня придерживается иного мнения: *«Мон куное мынон азьпала, дорам уг сиськиськы. А малы? Куноын уз сюдэ шат? Отын пыр сюдо, уд ке сиськиськы, обижаться карисько ичи сиськид шуыса, сиёнэ өз яра шуо»* (Я никогда не ем дома перед тем, как идти в гости. А для чего это делать? Неужели в гостях не накормят? Там постоянно кормят, а если не ешь, то обижаются, что мало ешь, говорят, что еда не понравилась) [ПМА, 2013. Кадесников А. И, д. Новая Бия]. В гостях не принято самовольно брать с собой еду, которая осталась после застолья. Если хозяйка сочтёт нужным, то она сама отправит её в качестве гостинца. Когда данное негласное правило нарушается, то на «нарушителя» смотрят с укором. Пожилые люди делают замечание «за глаза»: *«Мар кызьы озьы жёкк выльсь сиён октод ни вылды. Тонэ и так но сюдизы, нои тон, сютэм мурт сямен, конфет корманад понод на?!»* (Как так со стола будешь оставшуюся еду брать. Тебя и так уже накормили, а ты, как ненасытный, ещё и конфеты в карман будешь складывать?) [ПМА, 2011. Балезинский район, с. Пыбья].

Совместная трапеза по-прежнему выполняет функцию объединения и укрепления родственных, дружеских и соседских связей. *«Если поели*

вместе за одним столом и выпили – это всё равно что породнились. Я раньше отца осуждал за то, что он выпивает, и только посредством этого заводит знакомства. Но потом понял, что такие связи являются наиболее крепкими. В неофициальной обстановке, за накрытым общим столом легче знакомиться. Ведь сытый человек всегда бывает в хорошем настроении и предрасположен к общению. Потом, когда помощь была нужна, отец сразу вспоминал: “Аха, ми таин отын юмы, со монэн тодмо, юрттыны кулэ” (Аха, мы с этим вместе там-то пили, он мне в помощи не откажет). И обычно действительно так и бывало» [ПМА, 2016. Алнашский район].

Сегодня, по мнению респондентов как северных, так и южных районов Удмуртии, поводом для приглашения гостей в большинстве случаев становятся календарные или семейные праздники: дни рождения, свадьбы, новоселье, Пасха и т. д., а порой – просто желание встретиться с людьми, которых давно не видели. «Гостевыми днями» обычно считаются пятница или суббота: за ними следуют выходные дни, когда не надо идти на работу. В гости чаще всего приглашают родственников, друзей, соседей.

Распространённым стало гостевание, когда летом, во время каникул, внуки приезжают погостить к дедушкам и бабушкам, племянники к дядям и тётям: *«Я своего сына всегда на лето в деревню к бабушке отправляю. В этом есть очень большой воспитательный потенциал: во-первых, он помогает бабушке на огороде грядки прополоть, что-то полить, помогает за скотиной ухаживать, так сказать, к труду приобщается. В городе ведь таких условий особо нет, за телевизором всё сидит, компьютер у него. Во-вторых, в деревне и воздух посвежее. Опять-таки друзей себе найдёт» [ПМА, 2010. Глазовский район, г. Глазов].*

«Я вот с детства помню, что к нам двоюродные братья и сёстры на каникулах летних погостить из города приезжали, а потом мы к ним в город ездили. Обычно на недельку отправляли, иногда подольше. Городские, считай, видели деревенскую жизнь, а мы деревенские – городскую. Ой, ведь нас в парк-то водили на каруселях кататься. В деревне где такое увидишь!» [ПМА, 2010. г. Ижевск].

У удмуртов до сегодняшнего дня существует поверье, согласно которому, в Пасху и Новый год первым в дом должен заходить мужчина, тогда оставшийся год будет удачным, хозяева будут жить в согласии и достатке. Положительно относятся и к тем, кто застал семью за столом во время трапезы. О таких людях говорят, что пришли с добром, их приглашают за стол [ПМА, 2012. Волкова Ф. Л., с. Пыбья]. Среди северных и южных удмуртов для гостя существует негласное правило, согласно которому ему

нельзя проходить в дом (за матицу) без приглашения хозяев. Обычно гость переступает порог и останавливается недалеко от дверей. По замечанию Т. Г. Владыкиной, данное правило исходит из представления о том, что жилище – это самое безопасное место. Гость же, приехавший издалека, контактировал с внешней, враждебной средой, поэтому он считался безопасным только после того, как прикоснулся к печи [Владыкина 1997: 247–248]. Сегодня гости к печи не прикасаются, но терпеливо ждут приглашения хозяев. Удмурты не любят, когда вошедший не проходит после приглашения, а стоит на пороге, держась за дверную ручку. О таких говорят *тушмонъяськись* (недоброжелатель). Считается, что они приходят в дом с дурными мыслями и намерениями [ПМА, 2011–2012. Зафиксировано в Якшур-Бодьинском, Балезинском, Кезском районах]. По мнению В. Е. Владыкина, эта особенность коммуникативного поведения имеет древние исторические корни и связана с религиозно-мифологическим представлением о пограничных локусах между освоенными и неосвоенными мирами. Таковым, например, считался порог дома. Неслучайно древнее удмуртское поверье гласит: *«Ӧс пыд улэ пуксьыны уг косо: анаед-атаед кулоз»* (Нельзя садиться на порог: родители умрут) [Владыкин 1994: 220].

По мнению респондентов, в гостях нужно вести себя очень скромно, не досаждать хозяевам лишними просьбами. Для разговоров приемлемы разнообразные темы: можно поделиться своей радостью или пожаловаться на судьбу, главное – не переусердствовать, чтобы не вызвать к себе неприязнь окружающих [ПМА, 2010. Данилова М. В., г. Ижевск].

Прощание с гостем также носит фатический характер. Оно обычно сопровождается благопожеланиями и просьбами хозяев не судить строго за неудобства, даже в случае успешного приёма гостей: *«Юонэ но, сиёнэ но йёскадь ой вал»* (Не обессудьте – угощение было так себе), *«Вождэс эн вае, номыр пöраса но ой вутты, йёскадь ой но утялты»* (Извините, что не успела постряпать, угощение было так себе) [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Можгинском, Кезском, Малопургинском районах].

Многие наши респонденты подчёркивали, что в современных условиях, когда жизнь подорожала, а деньги обесценились, зарплаты низкие, материальное состояние многих семей ухудшилось, очень нежелательно ходить в гости без предупреждения и без гостинцев: если уж собрался в гости, то *«будь добр – бери с собой и гостинцы, и еду, чтобы накрыть стол хотя бы для себя»* [ПМА, 2012. Глазовский район, г. Глазов]. В связи с этим актуализируются поговорки и присказки: *«ӧтем куно – тӧр шоры, ӧтьымтэ куно – ӧс доры»* (званный гость – в красный угол,

незванный – к порогу), *«ӧтьымтэ кунез сектам но уг поты»* (незваного гостя и угощать не хочется) [Удмурт калык пословицаос но поговоркаос 1976: 24].

Как отмечают старшие респонденты, раньше в сельской местности и в мыслях не было закрывать дома, а каждому входящему человеку были рады. Современная жизнь диктует свои правила, заставляя людей быть более бдительными, не доверять незнакомым.

«Азьло лопата урдйське вал ӧс борды – нокин но уг пыры. Нош али попробуй коркадэ пытсатэк кельты – ваньзэ нуозы» (Раньше лопату приставляли к дверям – никто уже не заходил. А сейчас попробуй дом не закрый – всё унесут) [ПМА, 2015. Главатских В. С., п. Кез].

«Туала шырмачъёс трос луизы. Олокинъёс но деревняетй ветло, кыче гинэ товар вузаса уг ветло со пӧялльськисъёс. Последний коньдондэ нуозы. Мон пыр кортнаськыса улйсько» (Сегодня мошенников много стало. Кто попало по деревне ходит, каких только товаров не продают эти обманщики. Последние твои деньги унесут. Я всегда закрываюсь) [ПМА, 2011. Головкова Р. С., д. Узей-Тукля].

Необходимо отметить, что в сельской местности крайнее неприятие вызывают также лица, будь то мужчины или женщины, злоупотребляющие спиртными напитками и посещающие дома, чтобы опохмелиться. Такие «гости», как правило, без стеснения сразу просят то, что им нужно. Хозяева от подобных посетителей пытаются поскорее избавиться, иногда, заметив их приближающимися к дому, закрывают ворота и двери, чтобы не впустить к себе.

Коммуникативное поведение детей во время гостевания

Респонденты 1920–1960-х годов рождения отмечают, что детей в гости не брали. Взрослые объясняли это тем, что дети захотят спать, быстро устанут. Если же в силу разных обстоятельств их всё-таки брали с собой, то в гостях им отводилось укромное место, уголок, где они могли посидеть, поиграть, но вести себя должны были очень тихо и скромно, так, чтобы не мешать взрослым [ПМА, 2011–2012. Зафиксировано в Аланшском, Можгинском, Малопургинском, Увинском, Глазовском, Кезском, Дебёсском, Балезинском районах].

«Азьвыл пинальёсты куное уг басъто вал съӧразы. Мешатьтом, дыр, шуса. Куное но кинке лыктэ ке вал, ми эӧгог гинэ гур вылэ, полать»

вылэ тубиськом вал, но отын ватскыса пукиськом. Пасетй учкиськом вал, кызьы куноос сисько» (Раньше детей в гости не брали. Наверное, потому что мы будем мешать. Даже если в гости кто-то приходил, мы быстро забирались на печь, на полати и там прятались. Через дырочку смотрели, как гости кушают) [ПМА, 2009. Докучаева М. И., д. Чепык].

«Ой! Какой съоразы куное?! Пинал дыръям куное одйг-одйг ветлэмме гинэ тодско ай. Чиган кадь медам лу, шуо, дыр, вал, но уг басьто вал съоразы. А тани али учке ай, трос нылпиос эшьёссы доры мыно но отын ик кёло, оведь? А анай кыче сюлмаське! Тйни сычееь, мон но паймисько вал сыче эшьёслы, мынам нылпиосы сыче ёвл. Уг лэзиськы мон озьы ветлыны» (Ой! Куда уж с собой в гости?! Помню, что в детстве несколько раз только в гости ходила. Наверное, чтобы не быть, как цыгане, поэтому в гости не брали с собой. А сейчас посмотрите-ка, многие ребята идут в гости к своим друзьям и остаются с ночевой, так ведь? А мать как беспокоится! Вот такие, я тоже очень удивлялась таким друзьям, у меня дети не такие. Не разрешаю я им так ходить) [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (д. Азаматово). Л. 41].

«Пинал дыръям куное ветлэмме уг ик тодйськы. Одйг пол басьтйзы но, мййюсын ёжок съорын ми ём пуке, шикыс съорын шыпыт шудыса улйм» (Я даже и не помню, что в детстве в гости ходила. Один раз взяли, но мы со старшими за столом не сидели, за сундуком тихонько играли) [ПМА, 2003. Савина А. С., с. Пыбья].

Респонденты 1970–1980-х годов рождения вспоминают, что во времена их детства и сегодня, в том числе, считается незачинным брать ребёнка с собой. Делясь своими детскими воспоминаниями, они отмечают, что приезд гостей, общение с ними, а также поход в гости с совместной трапезой были очень волнительным моментом в их жизни:

«Когда гости приезжали, обычно хотелось куда-нибудь спрятаться от них. Но родители заставляли здороваться, а общение со взрослыми родственниками было очень волнительным почему-то. Очень сильно стеснялся. Отвечал на вопросы односложными ответами: либо “Да”, либо “Нет”, а потом быстро убежал в другую комнату» [ПМА, 2013. Кезский район, д. Ю-Тольён].

«Вот ждёшь, ждёшь приезда гостей, а когда они приезжают, почему-то начинаешь стесняться. Я стеснялась не только взрослых родственников, дядь и тётъ, но и своих двоюродных братьев и сестёр, поэтому мне было сложно начать с ними разговаривать. Через какое-то время, конечно, я к ним привыкала и начинала чувствовать себя

свободно, играть и общаться, но им уже нужно было уезжать» [ПМА, 2013. Кезский район, п. Кез].

Респонденты 1990-х – 2000 годов рождения отмечают, что в гостях чувствуют себя свободно: «*Мар курдаса улод асладъёсыдлэсь?*» (Чего бояться своих?) [ПМА, 2017. Малопургинский район, д. Баграш-Бигра].

«*Я не стесняюсь ходить в гости и не стесняюсь, когда гости приезжают к нам. Обычно со своими сверстниками легко устанавливаю контакт, ну если чуть-чуть только напряжно со взрослыми*» [ПМА, 2015. Боталова Е. А., п. Игра].

«*Когда я к подружке в гости прихожу, чуть-чуть напрягает её мама. Я с ней много и не разговариваю, здороваюсь, потом мы идём в комнату подружки и дверь закрываем, больше она и не заходит к нам*» [ПМА, 2015. г. Ижевск].

Поведение современных детей пожилые люди оценивают негативно, отмечая их распушенность: «*Али пинальёс намного смелее, намного развитее, но и распуценнее. Тани мынам кенэ – парикмахер, со доры чёжжиськыны адыми лыктэм пиеныз, Кирилл нимыз. Ну, егоза егозой. Милямезлы-то вить арес, солы – сизьым. Соитиэз пыро, татитиэз пото, чёжжисты чуть оз лёгалэ, во-первых. А во-вторых, адыми дыръя разве можно такое творить? Мон шуисько: “Кирилл выйди и зайди по-нормальному”. Ильямы-то тодэ, гордэктыса потиэз, а таиз ведь карше. Мон шуисько: “Ещё слово скажешь взрослому человеку, я тебя за ворота выведу, сама до дома доведу как надо”. Со гордэктиэз: “Я больше к ним не пойду, старая бабушка ругается”, шуэ. Мон Лидалы шуисько: “Ещё ругалась только, свой бы ребёнок был, не выдержала бы, побила бы ещё”. Дак карше ещё причём. Взрослый человек, а соос такой шум-гам подняли. Соос пыризы. Вот, шуко, телевизор, “Теленяня”. Илья коть пыдзэ лэзьыса пуксиз, нош соизлэн пыдыз дэриесь, штанэз номырлы ярантэм, отчы пуксиз, пыдъёссэ жэутиэз. Ну, не человеческое поведение, избалованный. Устал – сядь и сиди, играй на улице, но не дома*» (Сегодня дети намного смелее, намного развитее, но и распушеннее. У меня сноха – парикмахер, к ней пришла клиентка со своим сыном, которого зовут Кирилл. Ну, егоза егозой. Нашему-то пять лет, ему – семь. Там выходят, тут заходят, утят чуть не задавили, во-первых. А, во-вторых, когда люди собрались, разве можно такое творить? Я говорю: «Кирилл, выйди и зайди по-нормальному». Илья-то знает, он покраснел и вышел, а этот ведь огрызается. Я говорю: «Ещё слово скажешь взрослому человеку, я тебя за ворота выведу, сама до дома доведу как надо». Он покраснел: «Я больше к ним не пойду, старая бабушка ругается». Я Лиде

говору: «Ещё ругалась только, свой бы ребёнок был, не выдержала бы, побила бы ещё». Да, дерзит ещё причём! Здесь взрослый человек, а они такой шум-гам подняли. Они зашли. Вот, говорю, телевизор, «Теленяня». Илья хоть ноги спустил, так сел, а тот – ноги грязные, штаны ни к чему не годные, туда сел и ноги поднял. Ну, не человеческое поведение, избалованный. Устал – сядь и сиди, играй на улице, но не дома) [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УРО РАН. РФ. Оп 2-Н. Д. 1598 (Алнашский район). Л. 49].

«Ой-ой, али кудъёсыз пиналъёс номырлэсянтэм асьсэдыс куюнын возё. Мон пыр шуисько сыче дыръя асламъёсызлы но мукетъёсызлы но: “Чувствуй себя как дома, но не забывай, что в гостях”». (Ой-ой, сейчас некоторые дети ведут себя в гостях безобразно. Я всегда в такие моменты говорю и своим детям, и другим: «Чувствуй себя как дома, но не забывай, что в гостях») [ПМА 2015. Дебёсский район, д. Ванялуд].

Таким образом, анализируя гостевое поведение детей, необходимо отметить, что оно претерпевает изменение. Поколение респондентов 1920–1950-х годов рождения в детском возрасте в гости не брали, а если гостей принимали в их доме, то детям отводилось укромное место, они не должны были мешать взрослым. Общение с гостями сводилось к минимуму. Респондентов 1960–1980-х годов рождения родители брали с собой в гости, но, согласно детским воспоминаниям, от чрезмерной скромности они с трудом устанавливали коммуникативный контакт как со взрослыми родственниками, так и со сверстниками. Респонденты 1990–2000-х годов рождения, имеющие опыт гостевания с раннего возраста, воспринимают общение с гостями и в гостях как естественное, не вызывающее ни волнения, ни стеснения. Порой ведут себя достаточно развязно, что вызывает осуждение со стороны взрослых.

1.5. Особенности употребления инвективы

Особым пластом в вербальной коммуникации удмуртов является инвективная лексика.

Инвективная (бранная) лексика – это «устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции как оскорбление адресата» [Жельвис 2001: 8]; «резкий, словесный публичный выпад в адрес конкретного лица или группы лиц с целью их дискредитации» [Большая российская энциклопедия 2008: 311].

По мнению Ф. Н. Ильясова, ругательные выражения есть во всех языках и используются для выражения неодобрения кого-либо или чего-либо, для психологической разрядки [Ильясов 1990: 57]. А. Плуцер-Сарно считает, что своими корнями бранная лексика восходит к язычеству. Она олицетворяла культ плодородия, а потому часто соотносилась с половой сферой. Подобная лексика также использовалась ведьмами и колдунами в наговорах, насылающих проклятия [Плуцер-Сарно: URL: http://www.plutser.ru/mat_definition]. Сходной точки зрения придерживается Н. И. Толстой, ссылающийся на тот факт, что во время сельскохозяйственных работ «при пахоте или посеве крестьяне упоминали половые органы, усиливая тем самым плодородие почвы» [Толстой 1993: 131]. Кроме того, сквернословием отталкивали бесов: если при встрече с лешим молитва не помогала, то бранились матом [Там же]. В повседневной жизни подобная лексика выполняла функцию провокации: «чтобы привлечь внимание девушек, молодые люди пели скабрёзные частушки, мат сопровождал драки стенка на стенку и т. д. В экстренных ситуациях матом снимали испуг, гнев, мобилизовали свои силы» [Там же].

По утверждению Ю. И. Левина, в современных условиях к бранной лексике прибегают с целью повышения эмоциональности речи, эмоциональной разрядки, оскорбления, унижения адресата, демонстрации агрессии, отсутствия страха, раскованности, пренебрежительного отношения к системе запретов или демонстрации принадлежности к «своим» [Левин 1986: 62]. Мат часто исполняет роль регулятора межличностных отношений: «первый человек, который обругал другого вместо того, чтобы раскроить ему череп, заложил основы нашей цивилизации» [Жельвис 1985: 321].

Инвективное словоупотребление во многом обусловлено и гендерными особенностями. Так, исследования В. М. Михайлина и В. И. Жельвиса показали, что инвективная лексика воспринимается преимущественно как «мужской код», употребление которого подчиняется строгим правилам [Михайлин 2005: 332; Жельвис 2001: 65]. В мужском коллективе она нужна не только для того, чтобы оскорбить собеседника, «захватить коммуникативную инициативу, присвоить приоритетное право на речь» [Воронцова 2001: 84], но и эмоционально передать информацию. «В женскую среду мат начал проникать сравнительно недавно, а относительно широкая распространённость практик матерного говорения в смешанных коллективах и вовсе есть завоевание последних двух или

трёх десятилетий» [Михайлин 2005: 333]. Выражая агрессию, «мужики матерятся, бабы проклинают» [Жельвис 2001: 65].

Что же касается особенностей оскорбления одного пола другим, то здесь преобладает сексуальность в разных вариантах: оба пола обвиняют друг друга в сексуальной распущенности и ущербности, неискренности, уродливости и т. д. [Воронцова 2001: 69–70]. Важнейшей особенностью подобной лексики является парадоксальное сочетание сексуальности с адресацией её к обыденной жизни и характеристикам конкретных людей [Китаев-Смык 2005: 19].

Научные труды, специально посвящённые особенностям употребления инвективной лексики в коммуникации удмуртов, практически отсутствуют. Тактики с использованием сквернословия упоминаются Г. Е. Верещагиным: «Они любят мир и согласие <...> стараются быть кроткими и тихими в обхождении со своими ближними. <...> В последнее время, хотя среди них и слышатся сквернословия, но они усвоены от русских, что доказывают и сами сквернословия, произносимые на русском языке. В тех местах, кои отдалёны от русских, сквернословия редки» [Верещагин 1889: 41]. Точку зрения Г. Е. Верещагина поддержал С. Е. Ласточкин, который также отмечал предпочтение удмуртами русской инвективной лексики: «Интересен тот факт, что вотяк, не разбирая – умеет или не умеет говорить по-русски, в большинстве случаев ругается на русском языке». [Ласточкин 1926: 70]. Ругательные слова – *каргаськон кылъёс* – представлены Б. Мункачи в работе «Вотяцкие народнопоэтические традиции» [Munkacsí 1887: 191]. Кроме того, используемые в удмуртской среде сквернословия упоминаются в «Вотско-русском словаре» Г. Е. Верещагина [2006], «Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь» Т. К. Борисова [Борисов 1991]. Авторы приводят примеры удмуртской бранной лексики, не останавливаясь на особенностях её использования в процессе общения. Современная удмуртская инвективная лексика также упоминается в «Удмуртско-русском словаре», составленном учёными Удмуртского института истории, языка и литературы [Удмуртско-русский словарь 2008].

Говоря о происхождении удмуртской инвективы, Т. Р. Душенкова отмечает, что корни нужно искать в сакральном языке, используемом женщинами для отправления обрядов и ритуалов, передаваемом по женской линии. Поэтому употребление бранных слов женщинами считается верхом неприличия и получает отрицательную оценку [Душенкова 2015: 128]. Также восприятию удмуртами проклятий как наиболее

оскорбительных инвектив, по мнению В. Е. Владыкина, способствовало представлению о том, что с помощью отдельных вербальных формул (в частности заговоров) можно получить желаемые результаты [Владыкин 1994: 133, 294]. Инвективная лексика удмуртов частично освещается в публикациях исследователя языка коми Е. А. Цыпанова [2008, 2015]. Учёный даёт сравнительный анализ семантики лексем удмуртского и коми языков, исследует традиционные формы бранной лексики коми, иноязычные варианты и лексемы, утратившие свою функциональную значимость. К сожалению, авторы не ставят своей задачей исследование коммуникативного аспекта употребления инвектив. В связи с этим было бы любопытно проанализировать особенности инвективного словоупотребления в удмуртском коммуникативном пространстве.

Необходимо отметить, что опрос информантов, проводимый автором для сбора примеров, вызывал определённые сложности, так как большинство из них отказывалось произносить вслух инвективы, ссылаясь на неодобрение с точки зрения общественной морали, испытываемые неловкость и стыд. Часть соглашалась написать слова на листке бумаги, не озвучивая, и прокомментировать коммуникативные условия употребления тех или иных слов. И лишь единицы озвучивали инвективный вокабуляр вслух. Преимущественно это были женщины, перешагнувшие черту детородного возраста, и небольшая часть взрослых мужчин. Все удмуртские инвективы, анализируемые в тексте, разбиты на тематические блоки, соответствующие классификации, разработанной филологом, психолингвистом В. И. Жельвисом [2001: 218].

В удмуртском коммуникативном пространстве наиболее остро и болезненно воспринимаются **проклятия** (*каргаськонъёс*), насылаемые на человека. Они вызывают много переживаний со стороны адресата. Так, большое количество разного рода проклятий было собрано Т. Г. Владыкиной в рамках фольклорно-этнографической экспедиции в 1983 году. Приведём некоторые примеры из полевых записей, собранных исследователем:

кулэм берад пыдтышкад вень мед бышкалозы (чтобы после смерти тебе в ступни вонзали иголки);

быдэс улонэд зукыртыса мед ортчоз (чтобы вся твоя жизнь прошла со скрипом);

пери мед шукоккоз (пусть тебя Пери ударит; аналог. рус. чтобы тебя разразил гром);

синмад йыртыл, сйтянад тыны чоо (букв. в глаз тебе головёшка, в жопу – дубовый кол);

сйтьыд-скулмыд мед потоз (букв. чтобы вывалились из тебя говно и сердце; аналог. рус. чтоб ты сдох);

суйыд, пыдыд мед тйяськоз (пусть сломаются твои руки и ноги);

умой улонээ медад адзы (чтобы ты не увидел хорошей жизни);

пильёсыд шальтраса мед куашкалозы (чтобы твои зубы, расшатавшись, выпали);

синкыльыен погылляськоно мед луод (чтоб тебе кувыркаться слезах);

йырыд кытчы ке мед шедёз (букв.: чтоб твоя голова куда-нибудь попала, аналог. рус: пропади пропадом) [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759].

Список был дополнен современными полевыми материалами, собранными в рамках этого исследования:

Инмар тонэ мед каргалоз (пусть тебя Бог проклянёт);

коркадэ горд петок / амас мед быдтоз (пусть твой дом уничтожит красный петух, имеется в виду пожар);

ки пыдэс вылад гонэд потытояз шуддэ медам адзы (пока на внутренней стороне твоей ладони не вырастут волосы, до тех пор тебе счастья чтоб не видеть);

мупыр кошкы / мупыр мед виялод (провались сквозь землю);

кудзем тёпиосыд мед пилиськозы (чтобы твои пьяные глаза разбились);

йырыд мед быроз (чтобы голова твоя кончилась, в знач. *чтобы ты сдох*);

кылыд мед сисьмоз (чтобы твой язык сгнил);

сйтяло вылтйид (букв. насру на тебя);

кыид мед купырмоз (чтоб твои руки скрючило);

чашьён люкет (достойный удара молнии);

шай люкет (часть кладбища) [ПМА, 2011–2016. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 55].

Иногда проклятья могут заменяться **угрозами, демонстрирующими физическую расправу**:

кётурдэстэ лусьё (бока пообдираю);

виё (убью);

синдэ пыльккыто (глаза выколю) [ПМА, 2011–2016. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 55] и т. д.

Богохульства, по мнению исследователей, – «древнейший пласт инвективной лексики, существующий столько, сколько существует рели-

гия» [Жельвис 2001: 221]. Из богохульств наиболее распространёнными среди удмуртов является **упоминание разного рода сил зла и духов**. Данный инвективный вокабуляр не только часто встречается в современном «Удмуртско-русском словаре», но и первым приходит на ум респондентам при ответе на вопрос о существующих инвективах. Респонденты южных районов привели следующие примеры:

албасты (нечисть, аналог. рус. бран. чёрт поberi / чёрт);

албасты басьтон люкет (чёрт бы тебя побрал);

албасты кесян (достойный того, чтобы разорвал злой дух);

басасыр (чёрт возьми, чёрт поberi) и т. д. Подобные выражения чаще встречались в Алнашском, Можгинском, Кизнерском, Малопургинском районах.

Респонденты как южных, так и северных районов Удмуртии, кроме вышеперечисленных инвектив, также часто упоминали:

шайтан басьтон (чёрт бы побрал / чёрт поberi);

шайтан (чёрт);

шайтан воштэм (подменённый чёртом);

калера / холера басьтон (холера / чтоб тебя холера взяла);

лешак (леший, аналог. рус. чёрт) / *лешак басьтон* (чтоб тебя леший взял);

чатран люкет (аналог. рус. чтоб ты сдох);

чатран басьтон (достойный смерти);

вирюись (кровопийца);

убир (кровопийца, вампир);

ведйин (ведьма);

лул быдтйсь (убивающий душу, аналог. рус. душегуб);

вирсэртэм (не имеющий кровеносных сосудов, аналог. рус. неприятный, негодный).

Реже встречаются богохульства с употреблением имени Бога: *Инмар чашъён* (букв. достойный быть поражённым молнией Бога) [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759].

К использованию вышеперечисленных инвектив удмурты прибегают лишь в состоянии аффекта, когда хотят нанести оскорбление адресату или резко пресечь его действия. Но даже в этом случае подобного рода высказывания являются прерогативой мужчин и женщин – респондентов пожилого возраста и реже среднего. Молодёжь и большая часть респондентов среднего возраста в этом случае будут использовать русскую инвективу. Во всех же других случаях принято обходиться менее грубыми

выражениями (*тышкаськон кыльёс*), к которым можно отнести скатологизмы, обнажающие инвективы, зоосравнения и т. д.

Следующая тематическая группа инвективной лексики – **скатологизмы**. Она включает в себя «всевозможные лексемы, обозначающие наименования нечистот, особенно продуктов жизнедеятельности человеческого организма (кал, моча, носовая слизь, слюна)» [Жельвис 2001: 237]. Оскорбительно слышать в свой адрес слова:

зырымесь ыж (сопливая овца);

зырымесь (сопливый, аналог. рус. сопляк);

зын жэуи (вонючий желудок);

кызясь парсь (писающая свинья);

сйтесь сйтян (букв. говнистая задница);

сйтть комок (аналог. рус. засранец);

кын шарака (комок навоза);

кыед (навоз, аналог. рус. дерьмо) [ПМА 2010–2012. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 56] и т. д.

В своих исследованиях В. И. Жельвис пришёл к выводу о большой распространённости среди русского инвективного словоупотребления «обнажающей инвективы, сводящейся к простому называнию “стыдных” частей тела» [Жельвис 2001: 276]. Любопытно, что у удмуртов тоже имеется подобная идиома, в большинстве случаев воспринимающаяся нейтрально. Агрессивный характер она приобретает лишь после прибавления к ней наименования какой-либо части тела, то есть, выражаясь словами В. И. Жельвиса, «посредством перемещения сакрального “верха” вниз или профанного “низа” вверх. Когда функции сакрального “верха”, например, головы как органа сознания и мышления начинают “исполнять” гениталии» [Жельвис 1991: 271].

Рассматривая этот вид инвектив, среди удмуртов были зафиксированы следующие примеры:

гого йыр / пель (голова / уши, похожие на мужские гениталии);

патьяк йыр / пель / син (голова / уши / глаза, похожие на женские гениталии);

туем пель (данная инвектива имеет двоякий смысл, с одной стороны, она обозначает заткнутые чем-то уши, с другой – *туем* обозначает коитальный глагол);

йырад визьмыд ке өвёл, сйтян пырчокысьтыд уд басьты (букв. если в голове нет мозгов, то из анального отверстия их не достанешь);

сйтянме нюл (букв. оближи мне зад).

Инвективизация речи также достигается с помощью использования **зооовкатив и зоосравнений** – бранные ассоциации с различными животными, «инвектант обвиняет оппонента в наличии у этого последнего определённого отрицательного качества, которое национальная традиция приписывает тому или иному животному. Соответственно слово, называющее предмет, начинает обозначать не столько этот предмет, сколько это самое свойство» [Жельвис 2001: 253].

Этот вид инвектив у удмуртов представлен следующими лексическими примерами:

удалтымтэ живот (неудавшаяся скотина);

нюлымтэ кунян (неоближенный телёнок);

онгырам ыж (овца, потерявшая сознание, аналог.рус. тупая овца);

йыронушы (головастик);

синтэм лузь (слепой овод);

сютэм кион (голодный волк) [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759];

гонтэм курка (неоперившаяся индейка, аналог. рус. индюк оципаный);

быжтэм курег (бесхвостая курица);

урмем кион / пуны (взбесившийся волк / взбесившаяся собака);

сьод кырныж (чёрный коршун / ворон; именно эта птица, по представлениям удмуртов, приносит плохие новости, является предвестником смерти);

кый, сьод кый (змея, чёрная змея, аналог. рус. змея подколодная);

лемтэй (клещ);

вож / вожась курег (ревнующая курица; используется, чтобы подчеркнуть нелепую ревность);

азьтэм парсь / парсь (ленивая свинья / свинья);

йыртэм чорыг (рассеянный);

бдчы (жук навозный);

шой сиись пуны (собака, питающаяся падалью);

зюк тэй (большая вошь, аналог. рус. тормоз);

пелё кучыран (ушастая сова, в знач. *слышит всё, что надо и не надо*);

кочо-куакаос (сороки-вороны, аналог. рус. сплетницы);

варгаз жазег / пуны (гусыня, не выведшая гусят / одинокая собака, аналог. рус. бобыль), обозначает не только семейный статус адресата, но и его скверный, неуживчивый характер;

зюк кот чонари (паук толстопузый);

парсь ымныр (поросычье лицо, аналог. рус. свиное рыло);

ыж йыр (голова овцы; аналог. рус. дурак);

тютю / писяй визь (мозг цыплёнка / кошки, аналог. рус. дурак);

кочон йыр (кочанная голова, аналог. рус. тупица) [ПМА 2010–2011. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598];

писей ньылон (кошачья глотка);

шуш лайка (букв. уродливая лайка, лайка – в значении сука), инвектива, зафиксированная в Кизнерском районе Удмуртии, используется молодыми людьми для обозначения девушек лёгкого поведения [ПМА 2010–2011: НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 56].

Есть в удмуртском словоупотреблении и **инвектива, отсылающая к «сомнительности происхождения» оппонента**. К таковым относятся, например, *вамен гогоен лэсьтэм пинал* (букв. ребёнок, появившийся в результате соития с поперечным мужским половым органом);

шайтан выжы (чёртов корень, аналог. рус. чёртово отродье);

кион пинал (волчий сын).

Агрессия может выражаться во всевозможных **отсыланиях** ненавистного адресата:

пыддэ но эн лёга (чтобы ноги твоей здесь не было);

кош татысь, адземпотостэм (иди отсюда, ненавистный);

патьяк пыдсы мын (букв. иди в женский половой орган; аналог. рус. слухни) [ПМА 2011–2016: НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 56];

кечтака зыныд потэ, кош татысь (букв. от тебя пахнет козлом, убирайся отсюда) [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759].

Также часто используется **инвектива, отсылающая к «неполноценности» оппонента**:

юрзым, нюжтэм (мерзкий, отвратительный);

пёрмостэм (не удавшийся, аналог. рус. недотёпа);

каргам (проклятый) [ПМА, 2010–2011. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 56].

При оскорблении собеседника часто упоминаются вербальные символы, подчёркивающие врождённые внешние уродства:

быльзектэм син (лупоглазый);

шушэра-мушера (уродина);

сьодун песьтэр (больной, хилый пестерь; аналог.рус. недоразвитый ребёнок) [ПМА, 2010–2011. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 56];

кыпырес чиньы (кривой палец, аналог. рус. криворукий);

сисьмем / чутыртэм ки (гнилые / скрюченные руки, аналог. рус. бездарный, неумёха);

гоно ымныр (волосатое лицо; аналог. рус. бессовестный);

медьям ым (наёмный рот, в знач. *не желающий разговаривать*);

борзам ымныр (закрытое лицо, в знач. *бессовестный*);

кырыж кук ерпечка (кривоногая непоседа) [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759].

Чтобы подчеркнуть недостаток ума человека, используют словосочетания:

тырттэм йыр (пустая голова, аналог. рус. дурак);

визьтэм (безумный, аналог. рус. дурак);

донгыз (медленно соображающий, аналог. рус. дурак);

шуни-мани, дундук, шузи (аналог. рус. дурак) [ПМА 2010–2016: НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598].

Удмурта можно обидеть, обвинив его в пьянстве, причём неважно соответствует это действительности или нет: *тордос* (пропойца, пьяница) [Там же].

В рамках коммуникации инвективная лексика «производит действие обиды лишь тогда, когда произнесена серьёзным тоном, с намерением оскорбить; в шуточных же и приятных разговорах она составляет главную соль, приправу, вес речи» [Успенский 1994: 55]. В удмуртском коммуникативном пространстве инвектива также может употребляться в качестве шутки, для того, чтобы вызвать смех. В традиционной культуре скабрёзные шутки являлись «одной из форм продуцирующей магии, которая должна способствовать возрождению жизни в любых её видах в растительном, животном, человеческом мире» [Владыкина 1997: 321]. В связи с этим были чётко определены исполнители и границы бытования подобных шуток. Так, «поиграть праздным словом можно было после осеннего равноденствия и до поворота солнца на весну, так как в это время природа спит, а следовательно, нет страха нарушить закономерный ход её развития неосторожными речами» [Владыкина 1997: 321]. Скабрёзность в ритуальных действиях позволяли себе только женщины, перешагнувшие рубеж детородного возраста, а также ряженые – «люди, выведенные за рамки профанного времени и пространства», это «лицедеи,

позволяющие себе то, что не могут позволить люди в обыденной ситуации» [Владыкина 1997: 321]. «Удмуртский язык в качестве фразеологизмов сохранил это отношение к ряженным – *пӧртмаськисьлы котьмар кельше* (ряженому всё впору). А выражения *сурон бам* (кирзовое лицо), *туй бам* (берестяное лицо) имеют теперь не только прямой смысл, указывающий на самые примитивные виды масок, но и персональный, когда они определяют бессовестного, распущенного, позволяющего неприличности в поступках и словах человека» [Там же: 322].

В современной культуре инвектива утрачивает свой ритуальный характер. И здесь нельзя не согласиться со справедливым замечанием В. И. Жельвиса: «это некое поведение, осуществляемое в определённых границах места, времени, смысла, зримо упорядоченное, протекающее согласно добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы и необходимости» [Жельвис, 2001: 41]. Инвективу как элемент игры, игровой феномен в удмуртском коммуникативном пространстве используют дети и подростки. Дети, используя инвективный вокабуляр, не осознают его непристойности, чаще воспринимают как один из способов выразить свои эмоции. Зная, что нарушают табу, они идут на это ради того, чтобы показать себя взрослыми, опытными и осведомлёнными в глазах сверстников. Эти инвективные шутки часто так и остаются в узком кругу друзей, поскольку со стороны взрослых они вызывают негодование и даже гнев, что часто приводит к наказанию ребёнка. Например, среди подростков нередко можно услышать следующие образные выражения и рифмованные строчки:

чорьясь атак (поющий петух, шуточное обозначение эрекции мужского полового органа);

Патяра гуртэ, Гогора Митрейлэн пиез доры (букв. иди в деревню, название которой созвучно с женским половым органом, к сыну Митрея, фамилия которого созвучна с мужским половым органом, аналог рус. иди на ...). В удмуртскоязычном варианте фраза звучит мягче, чем в русскоязычном, потому к ней прибегают в общении, а также используют в качестве шутки, вызывающей смех, а не оскорбление [ПМА, 2011. Зафиксировано в Балезинском районе];

самолёт лобе, моторез ужа, обезьян пуке, патяксэ корма (самолёт летит, работает его мотор, сидит обезьяна, чешет свой половой орган) [ПМА, 2011. Зафиксировано в Балезинском районе; г. Ижевске];

син уг адзы, пель уг кыл, йыр вице, кули уг съл (букв. глаза не видят, уши не слышат, голова болит, пенис не стоит) [ПМА, 2011. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском районах];

мон тонэ яратісько – под забором туисько (букв. я тебя люблю – под забором совершаю соитие) [ПМА, 2011. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском, Кезском районах];

сэзьяське, веттаське, уйин гопе лэзьяське (букв. шатается, качается, по ночам в яму опускается). Иносказание; используется для обозначения коитального действия [ПМА, 2011. Зафиксировано в Алнашском районе, г. Ижевске].

Есть выражения, которые по своему значению нельзя назвать инвективной, но по звучанию они схожи с некоторыми словами инвективной лексики: *едрит копотит, едрит кудрит, ёшкошлач*.

Анализ инвективной лексики удмуртов позволяет выявить некоторые её закономерности. Так, по мнению Т. Г. Владыкиной, удмуртская инвектива делится на две группы *каргаськон кыльёс / каргаськонъёс* (проклятия) и *тышкаськон кыльёс / тышкаськонъёс* (ругательства). К *каргаськонъёс* относятся разные формы богохульств (упоминание Бога, сил зла), проклятия. Большинство они содержат в себе пожелания, чтобы какая-либо сверхъестественная сила нанесла непоправимый урон человеку: покалечила его самого, либо принесла ущерб его близким и родным, хозяйству [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759]. Особенно опасны проклятия родителей или пожилых людей, адресованные детям или тем, кто младше по возрасту. Считается, что именно они чаще всего сбываются, поэтому родители, ругая своих детей, не произносят никаких проклятий, а прибегают к ним только в крайних случаях: «*Каргаськон кыльёс туж секытесъ. Анаед-атаед ке соосты тыныд вера, соку точно шуддэ уд адзылы*» (Проклятия – очень страшные слова. Если тебе их родители говорят, значит, счастья своего ты точно не увидишь) [ПМА, 2012. Дебёсский район, с. Дебёсы].

По признаниям респондентов, подобные слова вызывают у собеседника не просто неприязнь, но даже чувство страха, поскольку любое проклятие не уходит в никуда, оно попадает точно адресату. Согласно удмуртским поверьям, на такие проклятия нужно вовремя ответить с помощью защитных вербальных формул:

кыл йылад пёськы мед потоз (чтобы у тебя на языке болячка вышла, аналог. рус. типун тебе на язык);

ас каргамед / юриськемед ас вылад мед усёз (твои проклятия пусть на тебя и обрушатся) [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759];

ас верам кылыд / ересед ас вылад ик мед усёз (тобою сказанные слова / твоя ересь на тебя же и пусть упадёт) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

ас пиьсьтыд потэм кылыд, аслад пияд ик мед пыроз (из твоего кармана вылетевшее слово, пусть в твой карман же и вернётся) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

юриськемед аслыд мед луоз (чтобы твои проклятия с тобой же и случились) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

остэ, Инмаре, остэ (обращение к Богу) [Зафиксировано во всех исследуемых районах];

Инмар лопата өвёл, астэ каргалоз (Бог не лопата, тебя же и проклянет) [ПИМА, 2010. Зафиксировано в Балезинском, Кезском, Алнашском, Можгинском, Глазовском районах].

К категории *тышкаськонъёс* принято относить скатологизмы, упоминание «стыдных частей тела», зоовокативы, отсылания, обвинения оппонента в физической неполноценности. По мнению респондентов, использование зоовокатив в процессе выражения негативных эмоций звучит не так грубо, как проклятия и иные инвективы, но при этом наносит определённое оскорбление: *«Тышкаськыку адымиез кыче ке животэн чошатиськод ке, со сокем алама но уг кылыськы кадь, но вось каре. Адыми сразу валатске, кытын ке, значит, со янгышаз»* (Когда ты ругаешься и человека сравниваешь с каким-либо животным, это слышится не очень грубо, но всё равно обидно. Человек сразу понимает, значит, он в чём-то виноват) [ПИМА, 2014. Кизнерский район, д. Безменшур]. Кроме того, как было отмечено выше, этикет удмуртов не позволяет прямо в лицо говорить человеку о недостатках, а вот сравнить его с животным и косвенно намекнуть на последнее – это возможно.

Скатологизмы и инвективы, подчёркивающие нечистоплотность человека, нередко используются в качестве прилагательных, примыкающих к зооморфизмам или к частям человеческого тела. По мнению респондентов, они занимают одно место в ассоциативном ряду не только с нравственным, но и социальным падением человека, с маргинальными личностями, либо вовсе опустившимися на «дно» общества. Употребление их в диалоге указывает на то, что собеседник занимает низкий социальный статус. Именно поэтому наиболее унизительно услышать удмурту в свой адрес такие вербальные символы, как: *моко* (аналог. рус. грязнуля), *сьёд бам* (грязная щека), *сурон бам* (кожаная щека), *пурултэм* (нечистоплотный), *пол мучоло* (половая тряпка) [ПИМА, 2010–2011. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 58].

Несмотря на достаточно разнообразный запас инвективов, удмурты, выражая негативные эмоции, часто прибегают к заимствованной русской лексике. По мнению большинства исследователей, заимствование эмоциональной лексики – распространённое явление, происходящее в среде контактирующих между собой разных этносов. «Национальная культура, воспринимая иную эмоциональную лексику, пропускает её через свою шкалу ценностей, и в результате заимствованная инвектива воспринимается либо в очень мягком, либо в очень грубом смысле, то есть семантика определяет меру смысла и управляет его потерями» [Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР 1982: 30]. Респонденты же объясняют это тем, что инвектива на родном языке употребляется в случаях крайнего эмоционального напряжения, когда необходимо выплеснуть всю накопившуюся негативную энергию. Для остальных случаев подходит заимствованная инвектива. Она применяется, когда у говорящего нет намерения продемонстрировать своё доминирование, когда он не хочет нанести оскорбление. С целью социальной инвективизации речи, в междометном смысле удобнее пользоваться мягко звучащим заимствованием.

Следует отметить, что инвективная лексика в удмуртском коммуникативном пространстве никогда не приветствовалась, в некоторых случаях её употребление даже наказывается физически. Тем не менее полностью искоренить её не удаётся. К инвективам чаще прибегают взрослые мужчины. В их коммуникативной среде они выполняют функцию эмоциональной разрядки и эмоциональной передачи информации, междометия, а также для придания юмористического характера разговору. Женщины прибегают к инвективе в крайне редких случаях (сильный гнев), но в любом случае получают общественное осуждение. По мнению наших собеседников, использование мата – прерогатива маргиналов и людей, занимающих низкий социальный статус. Юноши в своей среде используют мат в таких же целях, как и мужчины, но ни в коем случае не допустят его в общении со старшими. Кроме того, среди юношей-подростков, проживающих в городской среде, наблюдается заимствование инвективной лексики у представителей диаспорных групп, что в первую очередь касается ситуации непосредственного общения, где эта лексика бывает услышана и усвоена. Например, *гэх'рне* (букв. с азербайдж. проститутка), *сичим ахзы* (букв. с азербайдж. обозначение коитального глагола), *далдан* (букв. с азербайдж. обозначение анального секса), *котак* (букв. с узбекск. мужской половой орган), *джиндыр* (букв. с азербайдж. тряпка;

используется для обозначения слабохарактерного мужчины, аналог рус. слабак) [ПМА, 2018–2019. Зафиксированы в гг. Ижевске, Глазове]. Данная тенденция стала результатом частых контактов с представителями других национальностей. Сами юноши объясняют это тем, что большинству взрослых подобная лексика незнакома, а потому нарушение этикетных норм остаётся безнаказанным.

Современные девушки-подростки, если позволяют себе прибегать к мату, то лишь до определённого времени. Как отмечают сами респонденты, со временем приходит понимание, что таким образом не завоевать авторитет в молодёжной среде, особенно в глазах юношей.

Таким образом, обобщая всё вышесказанное, необходимо сделать вывод о том, что среди современных удмуртов по-прежнему актуально трепетное отношение к слову, как к реальному предмету материального мира. Исходя из этих представлений, выстраиваются вербальные коммуникативные практики современных удмуртов. Так, например, не случайно самым сильным оскорблением считаются проклятия, а пожелания добра, здоровья, благополучия и процветания приравниваются к наивысшей степени выражения благодарности и признательности.

Примечателен и выбор языка в общении. В ситуациях официального общения, в общественных местах, для обращения к незнакомому человеку, а также в городе преимущественно используется русский язык. В данном случае он выступает как язык межнационального общения, поскольку удмуртский могут знать не все. Выбор языка зависит также от темы разговора: *«Мон туж яратйсько удмурт кылме, эшъёсыным-удмуртъёсын вераськисько удмурт кылын гинэ, гуртын чыжы-выжыосынымы вераськиськом удмурт кылын. Но вот ужам мон удмурт кылме уг поттылйськы. Вань отын удмуртъёс, но ми соосын жуч кылын вераськиськом. Туж трос специфической терминъёс, кудъёссэ удмурт кылэ уд берыкты. Ну, вот шуом кыл “технологическое отверстие”. Кызья мон сое удмурт кылэ берыктом? “Технологической пась” ведь уд шуы, озья ведь? Алама со кылйське, суро-пожо тоже вераськем уг поты. Соин ик, ог-огмес умойгес валан понна, жуч кылын вераськиськом»* (Я очень люблю свой удмуртский язык, с друзьями-удмуртами разговариваю только на удмуртском, с родственниками тоже разговариваем на удмуртском. Но вот на работе я не разговариваю на удмуртском. Есть там удмурты, но мы между собой разговариваем на русском. Очень много специфических терминов, которые на удмуртский язык не переведёшь. Ну вот, например,

термин «технологическое отверстие». Как его на удмуртский перевести? Не скажешь же «технологическая дырка»? Некрасиво это слышно, а смешано разговаривать тоже не хочется. Поэтому для лучшего понимания разговариваем на русском языке) [ПМА, 2018, г. Ижевск].

По мнению Э. Сепира, по мере расширения опыта и развития научно-технического прогресса расширяются коммуникативные потребности носителей языка, появляются новые слова и заимствования. Это естественный языковой процесс, свидетельствующий о естественном развитии языка и приспособлении его к новым реалиям жизни: «<...> носителями языка будет иногда удобно или даже необходимо – из практических соображений – заимствовать слова из иностранных источников. Они могут расширять значения слов, которыми те уже располагают, создавать новые слова с помощью своих собственных языковых средств по аналогии с уже существующими выражениями или брать у других народов выражения и применять их к новым, вводимым в обиход, понятиям» [Сепир 2003: 146]. Как отмечают сами респонденты, удмуртский язык не стоит на месте, и появляются новые термины, обозначающие реалии современной жизни, но они не всегда находят отклик среди представителей этноса: *«Мон принципиально удмурт кылын иворъёсты уг учкиськы, “Мынам Удмуртие” радиоез уг кылзиськы. Соос отын тодмотэм кылъёсын верасько. Мон жынызэ уг валаськы. Кылзійсько соосты и уг валаськы. Удмурт кылын кадь верасько, но удмурт кыл но кадь со ёвёл»* (Я принципиально не смотрю новости на удмуртском языке и не слушаю радио «Моя Удмуртия». Они там непонятными словами разговаривают. Я половину не понимаю. Слушаю их и не понимаю. Вроде бы говорят на удмуртском языке, но это вроде и не удмуртский язык) [ПМА 2018. Алнашский район, д. Азаматово. Подобное мнение также зафиксировано в Кезском, Балезинском, Дебёссском районах]. Примечательно, что появление новых удмуртских слов вызывает неприятие, но при этом активно заимствуются иностранные слова. Особенно ярко данная тенденция прослеживается среди молодёжи, которая пользуется иностранной лексикой в ситуациях повседневного общения наряду с родным языком. Наиболее распространёнными примерами являются *селфи* – автопортрет, созданный с помощью фотоаппарата; *геймер* – игрок в компьютерные игры; *коммент* – используется в значении: комментарий; *онлайн* – используется для обозначения человека, находящегося в состоянии подключения в данный момент; *лайк / лайкнуть* – послать одобрение материала пользователя, фотографии, выражающееся

в нажатии одной кнопки; *чика / бейба / няша* – симпатичная девушка и др. Передразнивая друг друга, молодёжь часто пользуется сочетанием иностранных и русских слов, изменённых на иностранный лад, например, *I don't speak votyakesion* (используется в знач. *я не говорю на вотяцком*). Данная вербальная формула часто используется в ситуации, когда происходит непонимание друг друга из-за разницы в диалектах. В вербальной коммуникации удмуртской молодёжи и людей среднего возраста прослеживается явление межъязыковой интерференции, «то есть наложения особенностей одного языка на другой» [Хисамова, Латыпова 2015: URL: <http://www.science-ducation.ru/ru/article/view?id=19261>]. Например, использование удмуртами выражений и слов с «дополнительными коннотациями, не свойственными при разговоре на удмуртском языке» [Там же]: «*пуксьы на сйтян*», «*мон не валамон*», «*валамончик*», «*кошкиллям по тракту*» и т. д. В связи с этим в языковом поведении современных удмуртов наблюдаются некоторые противоречия. Так, с одной стороны, каждый из респондентов высказывал беспокойство по поводу того, что удмуртский язык медленно развивается, сужаются сферы его применения. С другой стороны, они же признавались, что появление новых удмуртских слов, отражающих реалии современной жизни, зачастую вызывает некоторое негодование, хотя именно это и является показателем развития языка.

Глава 2.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ КОММУНИКАЦИИ

В данном разделе рассматриваются невербальные этнознаковые средства коммуникации удмуртов. В предпринятом исследовании основной упор сделан на кинесический подход. Этот выбор обоснован тем, что он позволяет проанализировать невербальные средства общения не только как знаки с особым смыслом, но и рассмотреть их в контексте таких форм жизнедеятельности, как ритуал, обряд, традиция, наиболее ярко отражающих этническую специфику. Единицей описания невербального коммуникативного поведения является кинемоморфема – «элементарная единица кинесического кода, активно используемая людьми» [Чеснов 1989: 123] и кинема – «единица моторного поведения со значением, меняющимся в зависимости от ситуации и условий» [Там же: 126]. Кинемоморфемы и кинемы обладают полисемантической, позволяя этнофору дешифровать бесчисленное множество сигналов, в том числе идентифицировать собеседника [Там же].

Необходимо отметить, что сегодня в условиях распространения массовой культуры, развития средств массовой информации, а также усиления миграционных процессов стираются границы, формируется единое коммуникативное пространство, в связи с чем наблюдается определённая степень унификации невербальных способов общения. Поэтому большая часть жестов, мимики, поз, зафиксированная нами у удмуртов, носит общепринятый характер.

2.1. Кинемоморфемы и кинемы в коммуникативном поведении удмуртов

К кинемоморфемам принято относить мимику, позы, жесты, приобретающие в процессе общения особый смысл.

Необходимо отметить, что в отечественной историографии практически отсутствуют работы, посвящённые комплексному изучению кинемоморфем и кинем.

моморфем в удмуртском коммуникативном пространстве. Так, в работах исследователей XIX века язык телодвижений упоминается в связи с описанием традиционных удмуртских танцев [Кошурников 1880; Островский 1873]: «Вотяк и вотячка становятся друг против друга и долго переступают с ноги на ногу, потом начинают описывать руками в воздухе манящие движения, пуская в ход прищёлкивания языком, моргание глазами, хлопанье в ладоши» [Кошурников 1880: 29].

«Пляшут девушки поодиночке, попарно или втроём. Выходят две девушки и становятся одна напротив другой: сперва каждая выбивает такт на месте, потом кружатся и меняются местами. Танец трёх девушек похож на фигуру в мазурке или кадрили: становятся три девушки рядом, одна из крайних проходит между остальными двумя, затем другая девушка делает то же, потом третья и т. д. Одиночная пляска несколько похожа на русскую, особенно когда пляшет парень. Плясать парню и девушке вместе не принято» [Островский: 33].

Г. Е. Верещагиным были отмечены особенности удмуртской походки и позы хозяина дома. «<...> Ходят тихо, наклонившись несколько вперёд, смотрят в землю, как будто ищут потерянное, и оглядываются, подобно зайцу, напуганному шорохом в лесу» [Верещагин 1997: 47]. «<...> вы непременно увидите хозяина дома, лежащего с трубкой во рту. Такую позу при курении трубки он принимает как хозяин, сознающий в себе достоинство перед прочими» [Верещагин 1886: 6].

По замечаниям исследователей XX века И. П. Поздеевой, Е. Я. Трофимовой, В. И. Троянова, в удмуртском коммуникативном пространстве взгляд, настроение и жесты внимания служили основным способом передачи эмоционального состояния общающихся [Поздеева, Трофимова, Троянов 1992: 180].

Мимика

Анализируя современную невербальную коммуникацию удмуртов, невозможно не обратить внимание на их мимику, отличающуюся чрезвычайной выразительностью: «*Удмуртлэн ымныр шораз гинз учкы – ваньзэ валалод. Со, может, и троссэ мечак вераны уз дйсьты, но ымныраз солэн ваньмыз гожтэмын луоз*» (Посмотри на лицо удмурта – ты всё поймёшь. Может быть, он многое не осмелится сказать прямо в глаза, но на лице у него будет всё написано) [ПМА, 2010. Хохрякова А. Г., д. Сеп].

Так, по признаниям респондентов, к мимике они прибегают для передачи эмоций. В случаях, когда эмоции не сильные, мимика легко контролируется, а иногда нарочито используется для того, чтобы наиболее ярко и живо передать информацию собеседнику. И, наоборот, в ситуациях сильного эмоционального напряжения она становится самопроизвольной.

Нахмуренные брови (рис. 1) – это первый признак недовольства [ПМА, 2011–2012. Зафиксировано в Алнашском, Можгинском, Якшур-Бодьинском, Дебёссском, Балезинском, Глазовском районах].

Широко открытые глаза и плотно сжатые губы (рис. 2). Данная мимика часто сопровождается лёгким киванием головой вверх-вниз и означает досаду, разочарование, огорчение [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Увинском, Алнашском, Можгинском, Вавожском, Балезинском, Кезском районах].

Плотно сжатые губы с опущенными углами рта свидетельствуют об отрицательных эмоциях, напряжённом состоянии, обиде. Такая мимика часто сопровождает жесты угрозы, агрессивные действия [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в г. Ижевске, г. Глазове, Балезинском, Кезском, Увинском районах].

Широко открытые глаза (рис. 3), сопровождающиеся вербально фразами «*Ма зэм-а мар-а?!*» (Неужели правда?!), «*Мар? Мар? Мар?!*» (Что? Что? Что?!), «*Остэ быри!*» (О, Боже!), обозначают удивление [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском, Кезском, Дебёссском районах].



Рис. 1. Нахмуренные брови – признак недовольства



Рис. 2. Отрицательные эмоции



Рис. 3. Удивление

Надутые губы (рис. 4) – разочарование, недовольство. Мимика часто употребляется в детской и молодёжной среде. Взрослые характеризуют её как «*пепертэм ымдур*» (надутые губы), «*перепеч ымдур*» (губы похожие на перепечи) [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Кезском, Бalezинском, Увинском районах].

Слегка прищуренные глаза – сомнение в достоверности речи собеседника [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Бalezинском, Кезском, Вавожском, Можгинском районах].

Слегка повернутая в сторону голова и опущенные глаза, избегающие взгляда собеседника (рис. 5) – стыд, смущение. Данная мимика часто сопровождается покраснением щёк, ушей [ПМА 2010–2011. Зафиксировано в Алнашском, Бalezинском, Можгинском, Якшур-Бодьинском, Дебёссском, Глазовском районах].

Улыбка (рис. 6) – «мимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающее приветствие, удовольствие или насмешку» [Ожегов 1999: 832]. В удмуртском коммуникативном пространстве улыбка обычно выражает доброжелательность, позитивный настрой, искреннее расположение к собеседнику. Чаще всего она сопровождает приветствие знакомого человека. По признанию городских удмуртов, они улыбаются также в ситуации, когда хотят расположить к себе собеседника: «*Иногда я улыбаюсь, когда хочу вызвать доверие у своего собеседника или когда мне нужно что-то у него попросить*» [ПМА, 2016. г. Ижевск].



Рис. 4. Разочарование



Рис. 5. Смущение

Рис. 6. Улыбка –
выражение доброже-
лательности

Незнакомым улыбаться не принято: *«Зачем улыбаться и показывать своё хорошее настроение, когда другому человеку, находящемуся рядом с тобой, может быть плохо. Кроме того, твоё счастье могут просто-напросто сглазить»* [ПМА, 2011. Можгинский район, с. Малая Воложикья].

«Пальпотйсь адыми, шуо, кема улэ, со улонлы шумпонтэ. Но тодмотэм мурт шоры пальпотыса учкыны уг яра, со тон шоры паймыса учкоз, уз вала тонэ, может даже шузи малпалоз. Зучьёс шуо ук: “Смех без причины – признак дурачины”» (Говорят, улыбающийся человек долго живёт, он радуется жизни. Но улыбаться незнакомцу не принято, он в ответ может посмотреть с удивлением, не поймёт тебя, может, даже подумает, что ты дурачок. Русские же говорят: *«Смех без причины – признак дурачины»*) [ПМА, 2012. Шкляева В. В, с. Менил].

Женщины никогда не будут улыбаться незнакомым мужчинам: *«Умойтэм ныллы пальпотыны, тодмотэм пиосмурт шоры учкыса. Сое сразу гольтыръяськись шуозы»* (Не принято девушке улыбаться незнакомому мужчине, её сразу обвинят в непристойном поведении) [ПМА, 2015. Андреев А. М., д. Кузубаево].

У молодёжи, занятой в сфере услуг, формируется иное отношение к улыбке: *«Нас, например, на работе учат, что как только покупатель зашёл в магазин, его нужно приветствовать улыбкой. И улыбаться так, как будто ты ждёшь его здесь уже весь день»* [ПМА, 2016. Кузнецова А. В., г. Ижевск].



Рис. 7. Сморщенный нос – признак недовольства и отвращения

Сморщенный нос и поднятая вверх верхняя губа, сопровождающийся вербальным «ōč-ōč-ōč», «фу» (рис. 7) выражает неприязнь к собеседнику или информации, которую передают в процессе коммуникации. В сочетании с плотно сжатыми губами, уголки которых опущены вниз, и нахмуренными бровями сморщенный нос придает лицу выражение отвращения [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Алнашском, Можгинском, Кизнерском, Балезинском, Якшур-Бодьинском, Кезском районах].

В своих исследованиях М. Л. Бутовская отмечает, что *частота и характер взгляда* (его длительность и угол направленности) могут указывать на характер отношения к партнёру

[Бутовская 2004: 59]. Данное утверждение находит подтверждение и в удмуртской коммуникации: «*Адями синме уг ке учкы, со либо алдаське, либо янгышсэ шӧдӧ. Честной адями кышкатӧк синме учке вераськыку*» (Если человек не смотрит в глаза во время разговора, значит, он врёт или чувствует свою ошибку. Честный человек без страха в глаза смотрит) [ПМА, 2010. Кизнерский район, д. Безменшур]. Так, бегающие глаза, а также избегание встречи со взглядом собеседника в удмуртском коммуникативном пространстве расценивается, как испытывание чувства вины, изложение заведомо ложной информации или как нежелание продолжать разговор. Напротив, открытый взгляд, направленный в сторону глаз собеседника, воспринимается как честность, заинтересованность в передаваемой информации.

Мигание глазами, сопровождающееся покачиванием головы вверх-вниз, означает согласие с мнением собеседника. Мигание обоими глазами и единичный кивок головой также может обозначать приветствие [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Кезском, Кизнерском, Алнашском, Можгинском, Якшур-Бодьинском, Увинском, Вавожском районах].

Подмигивание (рис. 8) означает определённую договорённость, сигнал о том, что общающиеся поняли друг друга [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Алнашском, Можгинском, Вавожском, Увинском, Кезском, Балезинском, Якшур-Бодьинском районах]. Русская женщина может подмигнуть незнакомому мужчине, заигрывая с ним [Прохоров, Стернин 2006: 124], у удмуртов такое поведение получит негативную оценку, женщину могут счесть ветреной и легкодоступной.



Рис. 8. Подмигивание

По мнению респондентов, мимика призвана показать настроение своего владельца. Удмурты обычно скрывают свои эмоции в мало знакомой для них среде, в общении с начальством. В незнакомой обстановке не принято выражать свои негативные эмоции, срывать на незнакомом или малознакомом собеседнике. В таких ситуациях лицо удмурта практически ничего не выражает: «*Монэ ужсын начальнике куаретыны кутске ке, мон ёмгес йьрме ошыса гинэ сьлӧсьско*» (Когда на работе меня начальник ругает, я чаще стою с опущенной головой) [ПМА, 2016. г. Ижевск]. Большинство респондентов признались, что

в этой ситуации чаще всего стоят с опущенной головой и с грустной мимикой (опущенные вниз кончики губ, взгляд, направленный к полу).

Ситуация в корне меняется, когда удмурт попадает в свою среду, к знакомым людям, к таким же, как он, удмуртам. Здесь мимические сигналы приобретают выразительность, повышается их искренность, эмоциональность и интенсивность, как и большинство вербальных практик и приёмов. Практически сразу же по лицу можно определить, как удмурт в данный момент относится к своему собеседнику, какое у него настроение [ПМА. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Большая часть мимики, используемой в удмуртской коммуникации, носит общечеловеческий характер, но при этом подчиняется правилам демонстрации, принятым в культуре. Так, например, в официальном разговоре, в присутствии большого количества незнакомых людей мимика используется меньше, чем в обыденном общении со знакомыми и близкими людьми. Пожилые предпочитают использовать взгляд, как основное выражение эмоций. По признаниям молодёжи и респондентов среднего возраста, пожилым достаточно взглянуть на тебя и всё сразу становится понятным: *«Мойыос шорад учкозы гинэ – тон сразу ваньзэ валаськод: шонер-а лэсьтйськод, шонертэм-а, а куддыръя чуссы гинэ ымдэ пытсаськод но вот»* (Пожилым достаточно на тебя посмотреть – и тебе сразу всё станет ясно: правильно ты делаешь или неправильно, а иногда просто понимаешь, что нужно закрыть свой рот) [ПМА, 2015. Бывальцева Н. Ю., с. Дебёсы]. В связи с этим и северными, и южными удмуртами приводятся следующие тактики исполнения взгляда:

яратыса учкыны (смотреть любя) – выражение любви и одобрения;

лек учкыны (смотреть со злобой) – выражение злобы;

быльк-быльк / долкаса учкыны (вытаращиться) – выражение удивления;

синэз вошьятэк учкыны (смотреть не моргая) – в зависимости от контекста данный взгляд может выражать либо задумчивость собеседника, либо молчаливое осуждение действий;

урод / секыт синмын учкыны (смотреть плохими / тяжёлыми глазами) / *син уськытыны* (сглазить) – выражает отрицательный настрой по отношению к собеседнику;

вылйсен учкыны (смотреть свысока) – выражение высокомерия;

жалаяса / жальмаса учкыны (смотреть с жалостью) – выражение сочувствия;

жальмыт сингёсын учкыны (смотреть жалостливыми глазами) данный взгляд сопровождает просьбу;

задор учкыны (смотреть задорно) – данный взгляд сопровождается шутку;

кырыж учкыны (смотреть косо) – выражение недоброжелательности.

Молодёжь и люди среднего возраста часто используют мимику для усиления эмоций при передаче вербальной информации. Существуют также и ограничения в использовании мимики, например, женщинам нельзя улыбаться незнакомым мужчинам.

Общечеловеческий же характер мимики удмуртов, можно объяснить одним из законов психологии, согласно которому, выражение эмоций чаще всего не контролируется человеком, а способы их выражения являются общими для всех людей [Лабунская 1989: 46].

Позы

Поза – это «статическое положение человеческого тела в пространстве» [Чеснов 1989: 123]. По мнению респондентов, наиболее распространёнными среди удмуртов позами являются следующие:

Руки отводятся за спину, одной ногой опи- сывается небольшой полукруг на земле. При этом голова наклонена вниз, взгляд тоже устремлён вниз (рис. 9) [ПМА 2011–2012. Зафиксировано в г. Глазове, Ижевске, в Балезинском, Кезском, Дебёссском районах]. По мнению молодёжи, значение этой позы – чувство вины, неловкость, стеснение. Если стеснение испытывают подростки, то к выше указанной позе добавляются манипуляции руками. Обычно *теребят что-нибудь в руках или просто не знают, куда деть свои руки*: либо засовывают их в карманы, а потом достают обратно; либо отводят за спину, но спустя некоторое время, снова выводят на передний план, то есть постоянно меняют их положение.

По мнению М. Л. Бутовской, когда маленькие дети говорят неправду, они бессознательно прячут руки за спину [Бутовская 2004: 92]. Что касается



Рис. 9. Поза, выражающая смущение

удмуртов, в их коммуникативном пространстве руки прячутся за спину при чувстве стыда и неловкости. Пожилые люди могут ходить, прижимая тыльной стороной согнутую руку к спине. По мнению пожилых респондентов, это помогает унять боль в пояснице и облегчает им движение [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском, Кезском, Алнашском районах].

Сидеть на корточках в удмуртском коммуникативном поведении принята только в сельской местности, причём, это исключительная привилегия мужчин и юношей. Чаще всего данная поза ассоциируется у взрослых респондентов-мужчин с «перекурором» или решением вопроса о выпивке [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском, Вавожском районах]. Городские удмурты расценивают её как неприличную. Есть мнение, что привычку сидеть на корточках приобретают люди, отбывшие наказание в виде тюремного заключения [ПМА, 2016. г. Ижевск]. Молодёжь воспринимает данную позу как принадлежность к определённой субкультуре:



Рис. 10. Поза удмурта в общественных местах

«На корточках сидят гопники. Они обычно при этом семечки ещё щёлкают» [ПМА, 2016. г. Ижевск].

«На корточках надо уметь правильно сидеть. Вот так вот сядишься и пятки отрывать нельзя, а то говорят, пятки поднял – район потерял» [ПМА, 2016. г. Ижевск].

В многолюдных, малознакомых местах удмурты обычно стоят, стараясь занимать как можно меньше места в пространстве: прижимают скрещённые руки к телу, либо сидят, плотно прижав колени и руки к телу (рис. 10) [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Игринском, Глазовском, Увинском, Малопургинском, Алнашском районах]. С точки зрения психологии, все они носят закрытый характер (скрещённые руки и ноги), что свидетельствует о желании закрыться



Рис. 11. Поза удмурта в привычной обстановке

[Пиз 1992: 106]. В привычной обстановке, напротив, чувствуют себя уверенно, а потому жесты приобретают большую амплитуду, закрытые позы сменяются открытыми, например, стоят, уперев руки в бока (рис. 11).

Удмурты могут очень долго сидеть за столом, особенно в гостях, непрерывно общаясь друг с другом. По мнению респондентов, в обычной обстановке за столом они часто кладут локти на стол, в гостях же стараются этого не делать. Во время еды наклоняются близко к тарелке, стараясь приблизить лицо к еде. При зачерпывании из дальней тарелки под ложкой на небольшом расстоянии держат руку, чтобы ненароком не капнуть на стол. За общим столом обычно не стараются занимать много места, не расставляют широко руки и ноги; сидят

очень плотно друг к другу [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Кезском, Увинском, Алнашском, Можгинском районах].

Следить за осанкой при ходьбе или сидении не принято, особенно в сельской местности, так как не придают ей особого значения:

«Мон ноку но со сярись уг малпаськиськы» (Я никогда об этом не думаю) [ПМА, 2016. Андреев А. М., д. Кузбаево].

«Ма гурт калыклы некогда осанка сярись малпаськыны. Со сярись коштан городьёс мед малпаськозы, а милем, гурт калыклы, ужано, уж трос – ноку но уг бырылы» (Деревенским некогда думать об осанке. Об этом пусть городские модники думают, а нам, деревенским людям, надо работать, работы много, она никогда не заканчивается) [ПМА, 2010. Иванова Т. В., с. Пыбья].

«Уг, мон со сярись уг малпаськиськы, кызьы ветлїсько, озьы ветлїсько» (Нет, я об этом не думаю, как хожу, так хожу) [ПМА, 2009. Степанов Н. Е., с. Дебёсы].

«Я смотрела видео в интернете, много читала о пользе хождения с прямой спиной, но обычно меня хватает на несколько минут, потом я забываю следить за своей осанкой» [ПМА, 2016. Боталова Е. А., п. Игра].

«Если выпрямить спину, отвести плечи слегка назад и расправить их, то, конечно, будешь выглядеть красивее, выше и стройнее, даже живот втянется, но так ведь неудобно ходить. Я вот привыкла уже так ходить, ну, сутулиться» [ПМА, 2016. Эркина Т. В., с. Кечёво].

Походка удмуртов варьируется от быстрого до медленного темпа, от сильного до менее заметного размахивания руками. Если у русских отмечается увеличение темпа пешки в Москве и постепенный её спад в провинции [Прохоров, Стернин 2006: 156], у городских и сельских удмуртов такой разницы не замечено, они могут спешить как в селе, так и в городе. Хотя, как отмечают сельские респонденты, темп городской жизни высокий, что проявляется в суетливости горожан: «Городэ лыктійськод ке отын машинаос, татын велосипедъёс, везде калык, калык. Коёо музэн йырде гинэ вулылы берыкъян, од вуы – машинаен лёгало-зы, оз ке – нырде ишкалтыса кошкозы. Оло кызы соос со городазы уло» (В город приезжаешь – там машины, там велосипеды, везде люди, люди. Как сорока, только и успевай голову поворачивать, не успеешь – машиной задавят, если нет – то нос оторвут. И как только они живут в этом своём городе?) [ПМА, 2011. Николаева О. Н., д. Большие Сибь].

Считается, как рассуждают респонденты, что при ходьбе особенно сильно размахивают обеими руками спортсмены, у чиновников данная черта выражена слабо, но у них есть своя специфика: они обычно размахивают только одной рукой, поскольку привыкают к тому, что в другой должна быть папка [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (Алнашский район). Л. 35]. Некоторые респонденты отмечают, что размахивание руками при ходьбе – это признак открытости человека, готовности к общению. Если же человек не размахивает руками, значит, он закрытый, и большую часть информации предпочитает держать в себе [Там же].

Удмуртское коммуникативное поведение допускает личное общение во время движения. Оно воспринимается как обыденное явление и не имеет особого значения и секретности, так как «на ходу» никто не будет говорить о важном. Действительно важную информацию принято излагать в уединённом месте, но никак не на улице и не при посторонних.

Номинативные жесты

Жесты носят динамический характер. В зависимости от целей их употребления и применения подразделяются на несколько групп. Номинативными жестами принято называть жесты, «функцией которых является замена, дополнение или дублирование вербальных средств, а потому они могут быть использованы в процессе коммуникации как автономно, так и совместно с ними. Особенностью данных жестов является то, что они передают чувственный образ предмета или действия» [Стернин 2004: 120]. В коммуникативном пространстве как северных, так и южных удмуртов были зафиксированы следующие номинативные жесты:

Кивки головой вверх-вниз, сопровождающиеся словами *бен-бен, озьы-озьы, о-о* (да-да) – означают полное согласие с высказанной собеседником точкой зрения.

Движение головой вправо-влево – означает несогласие с собеседником.

Движение раскрытой кистью поднятой руки сверху вниз / в направлении вправо-влево – жест приветствия; допустим только по отношению к родственникам, друзьям.

Движение кистью поднятой вверх руки в направлении вверх-вниз – жест прощания; допустим в кругу друзей, родственников, людей, обладающих равным социальным положением.

Почёсывание рукой затылка (рис. 12) – означает озадаченность словами собеседника.

Движения кистями, направленные от себя к собеседнику и сопровождающие речь удмурта (рис. 13), свидетельствуют о его уверенности в своих словах. Таким образом он пытается донести их до своего собеседника.

Рука полусогнута, подушечки большого, указательного и среднего пальцев трутся одна о другую (рис. 14). Жест уточняет тему разговора (в данном случае речь о деньгах).

Четыре пальца согнуты, большой палец выпрямлен (рис. 15). У подростков сопровождается фразой «*ваньмыз пүтём*» (всё путём), «*самой татын*» (всё на своем месте, аналог рус. то, что надо) – значение жеста: «всё отлично». Он рас-

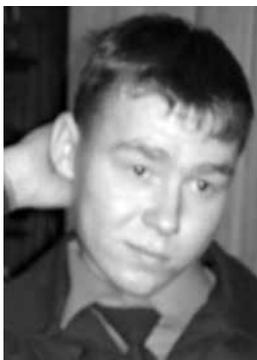


Рис. 12. Озадаченность

пространён среди респондентов среднего возраста и молодёжи, единственное отличие – у подростков он чаще всего сопровождается вербально.

Похлопывание по животу обеими руками, поглаживание. Жест обычно сопровождается фразой «*кõt тыриз, малпан быриз*» (живот наполнился – заботы ушли). Означает удовлетворённость едой, сытость.

Согнутая в локте рука, отводится вперёд, а потом резко притяги-

вается к себе. Данный жест сопровождается словом «*yes!*», характерен для молодёжи, означает радость, оправдание надежд.

Скользкий удар ладоней друг о друга, сопровождающийся словом «*баста*», означает, что дело закончилось успешно.

Ладони, сложенные вертикально перед грудью, означают мольбу, просьбу о чём-то (рис. 16).



Рис. 13. Движения кистями, направленные от себя к собеседнику, свидетельствуют об уверенности удмурта в своих словах



Рис. 14. Значение жеста – деньги



Рис. 15. Значение жеста – всё отлично



Рис. 16. Мольба, просьба



Рис. 17. Просьба остановиться, не спешить



Рис. 18. Просьба помолчать



Рис. 19. Значение жеста – не знаю

Кисти, поднятые вверх параллельно собеседнику (рис. 17) означают просьбу не спешить, приостановиться.

Рука слегка приподнята и кистью, опущенной вниз, прodelьывают короткие взмахи, направленные от себя. Значение: пренебрежение, отвращение, просьба уйти.

Выпрямленный указательный палец, приложенный к губам означает просьбу помолчать (рис. 18). Жест, сопровождающийся характерным «шиканьем», выражает просьбу говорить тише.

Пожатие плечами (рис. 19) означает «не знаю».

Жест просьбы (рис. 20) – рука, протянутая ладонью вверх, пальцы сложены лодочкой.

Жест страха (рис. 21) – прикрывание руками лица и головы, при этом всё тело сжимается.



Рис. 20. Жест просьбы



Рис. 21. Жест страха

Хлопанье в ладоши – жест радости, одобрения.

Жест открытости – согнутые в локтях руки протянуты к собеседнику, ладони обращены вверх (рис. 22). Обычно таким жестом встречают близких людей: долгожданных гостей, родственников, друзей.

Жест сожаления и собственного бессилия (рис. 23) – разведение рук в стороны с одновременным пожиманием плечами; часто сопровождается словами «*мар на табере*» (ну, что уж теперь?).



Рис. 22. Жест открытости

К номинативным жестам можно отнести и *поцелуй*. В удмуртской коммуникативной традиции допустим поцелуй в щеку при прощании и встрече, но только в кругу близких родственников. Обычно в отношениях «родители-дети» поцелуй



Рис. 23. Жест сожаления и осознания собственного бессилия

является женской прерогативой: допустимо на людях маме целовать своих маленьких детей, бабушке – детей и внуков. Что касается влюблённых юноши и девушки, мужчины и женщины (даже женатых), родителей и повзрослевших детей, тут есть определённые ограничения, явственно прослеживаемые в сельской местности. Так, публичный поцелуй влюблённых, какие бы сильные чувства они ни испытывали друг к другу, вызывает крайне негативную реакцию пожилых респондентов. Такое поведение расценивается как распущенность. Точно такую же оценку получает поступок девушки, первой целующей своего возлюбленного. У молодёжи, большинства респондентов среднего возраста, а также городских удмуртов пара, целующаяся на улице, обычно не вызывает негодования.

Родители считают неуместным целовать в общественных местах своих повзрослевших детей. Они могут сделать подобное лишь в домашней обстановке в присутствии родных и близких в ситуации приветствия и прощания.

Эмоционально-оценочные жесты

Эмоционально-оценочные жесты используют для выражения оценки услышанной в ходе беседы информации [Стернин 2004: 120].

К ним можно отнести *энергичное размахивание согнутой в локте рукой, при этом указательный палец выпрямлен, остальные сжаты* (рис. 24). Данный жест имеет несколько значений: если он сопровождается нахмуренными бровями, значит, человек не доволен, подтвердились его наихудшие ожидания; если улыбкой – шутка собеседника понята



Рис. 24. Реакция на удачную шутку



Рис. 25. Реакция на недогадливость собеседника

и принята [ПМА 2010–2011. Зафиксировано в Алнашском, Можгинском, Малопургинском, Кизнерском, Балезинском, Глазовском, Кезском, Вавожском районах].

Лёгкий удар собеседника по затылку, обычно сопровождается фразой «тёпость» (глупый аналог. рус. дурачок) (рис. 25), означает слегка возмущённую реакцию на недогадливость. Данный жест используется преимущественно в молодёжной среде и людей среднего возраста, в коммуникации очень близких людей, друзей или хороших знакомых [ПМА 2010–2011. Зафиксировано в Алнашском, Можгинском, Малопургинском, Кизнерском, Балезинском, Глазовском, Кезском, Вавожском районах].



Рис. 26. Моральная поддержка

Лёгкий удар или трепание кистью по плечу собеседника (рис. 26). Старший может погладить младшего по голове. Значение: похвала, поддержка [ПМА 2010-2011. Зафиксировано в Алнашском, Можгинском,

Можгинском, Кизнерском, Балезинском, Глазовском, Кезском, Вавожском районах].



Рис. 27. Указание на умственную неполноценность собеседника

Малопургинском, Кизнерском, Балезинском, Глазовском, Кезском, Вавожском районах].

Лёгкое покачивание приподнятой головой вправо-влево, обычно сопровождаемое цоканьем. Значение жеста: негодование, недоумение [ПМА 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Кручение указательным пальцем у виска (рис. 27) – демонстративный намёк на недостаток ума у собеседника, на его недоброжелательность. Значение жеста: *шузи* (дурак) [ПМА 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Небрежный взмах кистью в сторону. Значение: *котьмар мед луоз* (будь, что будет) [ПМА 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Указательные жесты

Указательные жесты выделяют предмет, ориентируют собеседника в пространстве [Стернин 2004: 120].

Выпрямленная рука с выпрямленным указательным пальцем, направленная на объект (рис. 28). Иногда сопровождается словами



Рис. 28. Указательный жест

«*тйни со*» (вот это). Значение данного жеста – конкретизация неназванного или точно неопределённого прямого дополнения. Как отмечают респонденты, данный жест нарушает этикетные нормы, принятые в общении, поэтому его употребление детьми резко пресекается старшими: «*Пичи дырьям маме шуылэ вал: чиньыен, пе, возъматон – со урод сям. Адями шоры чиньыен уг яра возъматыны. Со кышкатылйз на толзэь шоры, пе, чиньыен*



Рис. 29. Подзывание к себе

возьматїд ке, чиньыед сисьмоз» (Когда я была маленькая, мама мне говорила, что показывать пальцем – это плохая привычка. Нельзя указывать пальцем на человека. А ещё она пугала, что если будешь указывать пальцем на луну, то палец сгниёт) [ПМА, 2012. Якшур-Бодьинский район, д. Зеглуд]. В данном примере наряду, с принятыми этикетными нормами, респондент упоминает и запреты на некоторые жесты, отсылающие к мифологии и запретам, связанным с традиционной культурой и мировоззрением, почитанием светил и сакральных объектов: *«если будешь указывать пальцем на луну, то палец сгниёт»*.

Указывая на тот или иной предмет или направление, удмурты могут мотнуть головой в нужную сторону или направить свой взгляд. Данный жест применяется тогда, когда нужно тайно передать информацию собеседнику [ПМА, 2010. г. Глазов, Ижевск, Можга].

Помахивание кистью на себя согнутой в локте руки (рис. 29). Интерпретация данного жеста во многом зависит от контекста: он может обозначать *«Лык татчы»* (Пойди сюда) или сопровождаемый словами, например, *«Ой, пӧсь туннэ!»* (Ой, жарко сегодня!) указывать на то, что собеседник испытывает дискомфорт из-за жары.

Риторические жесты

Риторические жесты «имеют усилительный характер, они акцентируют внимание на содержании разговора, отдельной части высказывания или текста в целом, могут подчёркивать ритмический рисунок высказывания, коммуникативно значимое членение речи» [Стернин 2004: 120]. В ходе исследования были зафиксированы некоторые риторические жесты, распространённые среди удмуртов, записаны пояснения об их использовании и значении.

Горизонтальный взмах линии ребром ладони у шеи (рис. 30). Значение жеста: слова собеседника надоели и слушающий не желает больше ничего слышать. Таким образом удмурты показывают, где находятся



Рис. 30. Значение жеста – слова собеседника надоели



Рис. 31. Жест, означающий, что слова собеседника надоели



Рис. 32 Удивление

слова собеседника, а именно – «оседают» в горле. Жест используется в качестве усилителя эффекта фразы: *кылэмпотостэм* (человек, которого не хочется слушать), *тани татын тынад кыльёсыд!* (твои слова вот здесь уже!). Жест распространён среди респондентов всех возрастов [ПМА, 2011–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Отмахиваются от собеседника рукой, при этом поворачивают голову в сторону, противоположную собеседнику (рис. 31). Жест обычно сопровождается словами: *эн зуль* (не болтай), *куррег гиддэ пытса* (закрой свой курятник; в знач. *закрой рот*), означает недовольство собеседником и нежелание слушать его дальше. Жест распространён среди респондентов всех возрастов [ПМА, 2011–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Удары раскрытыми кистями рук по бёдрам (рис. 32), сопровождаемые словами: *улод-вылод, та'чезэ уд адзы* (жизнь проживёшь, а тако-го не увидишь); *маке ёвёл со?!* (да неужели?!);



Рис. 33. Жест «Зуб даю»



Рис. 34. Досада

куасьем макесыд ик куаляк тилиськоз! (высохшее бедро напроць разломится!); *Остэ, быри!* (Господи, пропадаю!). Значение жеста: сильное удивление. Жест преимущественно используется женщинами-удмуртками пожилого и старшего возраста, реже к нему прибегают мужчины [ПМА, 2011–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Большим пальцем руки имитируют выдёргивание зуба, а затем проводят им горизонтальную линию по шее (рис. 33). Жест аналогичен высказыванию «зуб даю», используется, чтобы уверить собеседника в выполнении просьбы при любых обстоятельствах. Данный жест преимущественно используется в молодёжной среде.

Выпрямленные средний и указательный пальцы кисти направляются на свои глаза, потом отводятся в сторону глаз собеседника. Значение жеста зависит от вербального контекста: «смотри мне в глаза», «я тебя запомнил» или «я за тобой наблюдаю».

Используется в молодёжной среде, практически отсутствует у мужчин и женщин среднего возраста, не применяется пожилыми.

Несильный удар кистью по лбу. Значение: вспоминание забытого. Употребляется преимущественно мужчинами среднего возраста, а также молодёжью. Практически не встречается среди пожилых.

Выражение досады – человек обеими руками хватается за голову (рис. 34) со словами *«ойы-ойы, мар гинэ карод на / луоз ни»* (ой, что же теперь делать / будет).

Игровые жесты

Игровые жесты носят шуточный характер, используются для игры, развлечения [Стернин 2004: 120]. Перечисленные ниже жесты зафиксированы во всех исследуемых районах, преимущественно в молодёжной среде.



Рис. 35. Игровой жест

Высунутый язык (рис. 35), сопровождаемый звуками «бе-бе-бе», используется в детской и молодёжной коммуникации в зависимости от контекста сообщения может обозначать хвастовство перед собеседником, попытку высмеять его. С помощью этого же жеста ребёнок может продемонстрировать своё неприязненное отношение к получателю сигнала.

Воздушный поцелуй (четырьмя расправленными пальцами касаются губ, затем ладонь поворачивают в сторону собеседника и дуют). Обычно с помощью этого жеста прощаются. Значение: заигрывание. Данный жест используется только в кругу близких друзей и родственников, более характерен для девушек и женщин среднего возраста.

Не используется в коммуникации пожилых людей.

К игровым жестам можно также отнести *передразнивание походок людей, разнообразные гримасы*. Подобным образом не только дети, но порой и взрослые пытаются вызвать смех окружающих.

Жест «коза» (рис. 36). Рука имитирует рога – указательный палец и мизинец выпрямлены, остальные – сжаты. Жест сопровождается словами



Рис. 36. Игровой жест Коза

«буки-буки, лекало» (буки-буки, забодаю). Используется взрослыми в играх с малышами.

Необходимо отметить, что респонденты пожилого возраста к подобным жестам практически не прибегают, поскольку считают это неприемлемым: «*Мынам сыче выросьёс сярысь кылэме ик өвёл*» (Я про такое поведение даже не слышала) [ПМА, 2010. Павлова В. П., д. Шайтаново]; «*Мойы*

мурт бен точно тодмотэм адямилы кылзэ поттыса уз возьматы! Ма асладъёсылды но, кыззы-о возьматод? Йонтэм со» (Пожилой человек уж точно незнакомому человеку язык показывать не будет. Да даже и своим как язык высунуть и показать? Неправильно это) [ПМА, 2003. Савина А. С., с. Пыбья].

Вспомогательные жесты

Вспомогательные жесты используются в качестве помощи собеседнику в конкретной ситуации [Стернин 2004: 121]. Таковыми являются *подача руки мужчине*, когда женщина выходит из транспорта, или *помощь при открытии двери машины*, когда она садится в нее. Данные жесты характерны для городских удмуртов. Сельские мужчины-удмурты отмечают, что обычно они пропускают женщину вперед и открывают ей дверь



Рис. 37. Хождение под ручку

при входе в помещение, дверь автомобиля открывают только в том случае, если она не смогла это сделать самостоятельно, а также предлагают помощь, когда женщина несёт тяжёлую кладь [ПМА 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском, Игринском, Кезском, Вавожском, Увинском, Алнашском, Малопургинском, Можгинском районах].

Типично женским жестом, по мнению всех опрошенных респондентов, считается *хождение под ручку (кумбырскыса ветлыны)* (рис. 37). Так обычно ходят подружки (вне зависимости от возраста), дочь с матерью и т. д. В понимании сельских удмуртов пожилого и среднего возраста немислимо подобное хождение мужчины и женщины, не состоящих в браке или не являющихся близкими

родственниками. Это вызывает двусмысленное толкование, осуждение и подозрение со стороны окружающих.

Среди молодёжи считается допустимым, если влюблённые ходят, взявшись за руки, хотя респонденты старшего возраста (особенно сельские) относятся к этому негативно, считая, что это распущенность и не стоит демонстрировать свои чувства.

Мужчинам допускается братья под руку лишь в том случае, когда один оказывает другому помощь. Данный жест имеет две разновидности. Первая, когда мужчина держит другого под локоть – *кунултыса нуыны*. Вторая, когда мужчина, оказывающий помощь, перекладывает руку собеседника через своё плечо, придерживая её своей рукой, а другой рукой обхватывает область талии, таким образом у собеседника появляется возможность опереться на своего помощника (*зыгыртыса нуыны*).

Магические жесты и действия

Мотивацией использования магических жестов обычно являются суеверия [Стернин 2004: 121]. Так, в удмуртском коммуникативном пространстве особой магической силой наделяются трёхкратно выполняемые действия, чаще всего производимые через левое плечо. «Трёхкратность восходит к магическим представлениям числа “три”, олицетворяющем триаду божеств и трёхчастное деление мира» [Владыкин 1994: 65]. Левая сторона в удмуртском коммуникативном пространстве соотносится с «отрицательными пространственными представлениями» [Владыкина 1997: 253]. Согласно представлениям респондентов, там сидит шайтан / чёрт / нечистая сила [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (Дебёсский район). Л. 45].

Особым магическим значением наделяются плевки. Данное представление восходит к ритуалам народной медицины удмуртов, когда произношение большинства заговорных слов завершалось троекратным плевком, призванным отогнать болезнь [Панина 2014: 141]. В повседневной коммуникации в разных контекстах плевки выполняют разные функции. Например, плевком может быть вызван естественной физиологической потребностью, когда в рот попадает инородный предмет. В общении с другим человеком однократный плевком в его сторону символизирует нежелание продолжать контакт. Но если плевком производится символически и троекратно в сочетании с особыми вербальными формулами,

то он приобретает магическую силу. *Плевков в левую сторону*, сопровождаемый словами, проклинающими неудачу, *лешак басьтон* (леший тебя заberi, аналог. рус. чёрт побери!) более характерен для взрослых – тем, кому за тридцать. Молодые обычно просто плюют и произносят при этом «*чёрт побери!*». Значение жеста: огорчение, досада [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. В контексте похвалы кого-либо символический трёхкратный плевков через левое плечо, сопровождающийся фразой *Син медаз усыы* (Чтобы не сглазить) / *Пельыз медаз кылы* (Чтобы уши его не слышали) приобретает магические свойства и призван уберечь от сглаза того, о ком идёт речь. Молодёжь в таком случае может слегка прикусить язык [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Если кошка перебежала дорогу, то во избежание неприятностей водитель обычно три раза плюёт через левое плечо [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах], иногда данный жест сопровождается троекратным поворачиванием в левую сторону головного убора, [ПМА 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Кезском, Глазовском районах]. Пешеход ограничивается троекратными плевками [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Считается, что плевки также могут уберечь от дурного воздействия злых духов *кутись* и *ишана* или духов болезней. Согласно удмуртским верованиям, все враждебные человеку духи способны «схватить» (*кутыны*), в результате чего человек может заболеть [Владыкина 1997: 252]. Одним из оберегов от подобного пагубного воздействия являются плевки. Если человек споткнулся на ровном месте или случайно ударился, то необходимо плюнуть три раза на то место, где это произошло, чтобы уберечь себя от дальнейших неприятностей [ПМА, 2016. Кельдышева Н. К., д. Верхняя Слудка]. Если «сходил по нужде» в лесу, то необходимо также после этого три раза плюнуть на землю, чтобы не подхватить никаких болезней» [ПМА, 2013. Зафиксировано в Глазовском, Балезинском, Дебёссском районах]. Беременные женщины плюют три раза, сопровождая жест фразой *излы мертан мед луоз* (букв. соизмеримо камню пусть будет; в знач. *чтобы неприятность отскочила как от камня*), когда видят человека или живое существо с врождённым уродством. В данном случае это делается для того, чтобы малышу не передался увиденный физический недостаток [ПМА, 2011–2019. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском, Кезском районах].

Постучать обеими руками по деревянной поверхности. Считается, что подобный жест защищает от сглаза, иногда он может сопровождаться

трёхкратными плевками через левое плечо. Стук одной рукой по деревянной поверхности, когда речь идёт о характеристике человека, в молодёжной среде носит оскорбительный характер. Так, собеседника обвиняют в умственной неполноценности: *«тупой, как дерево», «деревянный»*.

Между тем есть ситуации, когда запрещается стучать по поверхности предметов. Например, нельзя стучать по столу. По мнению удмуртов, стол считается святыней дома, поэтому оскорбительное отношение к нему не допустимо: *«жӧкез мыжгад ке, шудэд кошкоз, шуо»* (нельзя стучать по столу: счастье уйдёт), *«жӧке мыжгась мурт жугиськись луэ»* (тот, кто стучит по столу, будет драчуном) [Владыкина 1992: 138]. Современные респонденты дают этому два объяснения: *«Дэлэтэз уз луы»* (пользы от приёма пищи не будет) [ПМА, 2011. Зфиксировано в Балезинском, Кезском районах]; к бедности и к семейным ссорам [ПМА, 2019. г. Ижевск].

При посещении больницы, чтобы не возвращаться в качестве пациента, выходя из больницы, принято три раза легонько *постучать пяткой* об дверь [ПМА, 2015. Балезинский район, с. Пыбья].

Чтобы не взглянуть новорожденного, посторонние люди и родственники, зашедшие в дом и желающие посмотреть на малыша, *касаются печи*. С этой же целью золой ставят точку на лбу малыша. По мнению Т. Г. Владыкиной, печь в сознании удмуртов – это первооснова дома, символ семейного очага, уюта, тепла и добра, способный защитить домочадцев [Владыкина 1992: 138]. Данное коммуникативное поведение было зафиксировано среди удмуртов центральных и северных районов республики.

У северных удмуртов принято проходить мимо неприятелей, держа *кукиш* в кармане (рис. 38). Кукиш представляет собой жест, когда пальцы руки сжаты в кулак так, что большой палец просунут между указательным и средним. Считается, что он может отразить все дурные мысли и проклятия неприятеля, уберечь от сглаза. [ПМА, 2011–2012. Зафиксировано в Балезинском, Игринском, Увинском, Алнашском, Малопургинском районах].

Наиболее распространённым жестом является *троекратное осенение себя крестным знаменем* [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Если жест сопровождается словами *«Остэ, Инмаре, остэ»* (аналог. рус. Господи, помилуй и спаси), то значение его – призыв о помощи. Если жест сопровождается словами-заверениями, значит, используется с целью заверить собеседника в правдивости своих слов.



Рис. 38. Кукиш (фига)



Рис. 39. Жест скрещенные пальцы

Жест «скрещённые пальцы» (рис. 39) – указательный и средний пальцы одной руки переплетены, остальные прижаты к ладони. Значение жеста: защита от божественного гнева за какой-либо неблагоприятный поступок, от неприятностей, на удачу. Данный жест часто использует молодёжь. Считается, что если ты скрестил пальцы, руки или ноги в тот момент, когда врѣшь, грех пройдёт мимо тебя. В ходе беседы с подростками данный жест может стать сигналом о попытке ввести собеседника в заблуждение, обмануть его [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано среди молодёжи во всех исследуемых районах].

Жаргонные и асоциальные жесты



Рис. 40. Жест агрессии

Жаргонные и асоциальные жесты заменяют вербальную инвективу во время разговора. Умение адекватно интерпретировать подобное невербальное поведение участников коммуникации может помочь избежать неприятных ситуаций.

Размахивание вверх поднятым кулаком (рис. 40), пожилые люди могут помахать палкой. Жест сопровождается инвективной лексикой или словами, которые характеризуют собеседника с наихудшей стороны. Таким образом удмурты выражают свою злобу и недовольство [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано среди молодёжи во всех исследуемых районах].



Рис. 41. Намек на соитие

Фига (в удм. *кукиш, шииш*) означает, что просьба собеседника не будет выполнена. Иногда он сопровождается словами *пельэстэ адзод* (уши свои увидишь), *шиш тынд* (шиш тебе). Данный жест используется и в детской коммуникации, но носит характер дразнилки [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано среди молодёжи во всех исследуемых районах УР].

Пальцы левой руки сжаты так, что образуют трубочку, в которую просовывают указательный палец правой руки (рис. 41). Значение данного жеста – намёк на соитие. Такое же значение имеет и другой не менее распространённый жест, когда согнутыми в локтях руками и тазом выполняются поступательные движения назад-вперёд [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано среди молодёжи во всех исследуемых районах].



Рис. 42. Жест агрессии

Ребром ладони одной руки ударяют по сгибу другой у локтя, кисть которой сжата в кулак (рис. 42). Жест характерен лишь для молодёжи. Означает выражение агрессии, русский аналог вербального: «да пошёл ты...». Как считает большинство респондентов,

данный жест, скорее всего, заимствован из западной, преимущественно американской, культуры через средства массовой коммуникации – телевидение, кино [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Не менее распространённым в среде удмуртской молодёжи является следующий жест, когда *средний палец выпрямлен, остальные сжаты в кулак* (рис. 43). Выражает агрессию, сопровождается словами *fack you* (с англ. да пошёл ты...) или *факнись* [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано среди молодёжи во всех исследуемых районах].

Жест, указывающий на половые органы или ягодицы, обычно сопровождается у старшего поколения словами «*Вот тыныд!*» (букв. вот тебе!), у молодёжи иногда – «*Побарабай*». Используется в спорах, как последний аргумент, когда собеседник доведён «до предела» [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано среди молодёжи во всех исследуемых районах].

Большой палец поднят, мизинец выпрямлен, остальные пальцы сжаты (рис. 44). Жест уточняет тему разговора. Первоначально данный жест употреблялся в значении «пойдём, выпьем». Сегодня он чаще используется в значении: перезвони мне / я тебе позвоню.

Легкий удар пальцами кисти по шее; движение, имитирующее опрокидывание рюмки или стакана (рис. 45). Значение жеста: выпивка. Распространён среди людей среднего возраста и молодёжи [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Говорить что-то, не разжимая зубов; зубы и губы сильно сжаты. Значение жеста: гнев, раздражение, презрение [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в г. Ижевске, г. Глазове, Алнашском, Малопургинском, Увинском, Вавожском, Балезинском районах].

Негативно расценивают человека, *держащего руки в карманах во время разговора* с людьми старше его по возрасту или выше по статусу. Данный жест особенно раздражает в случае, когда ребёнок совершил проступок и стоит таким образом перед взрослым, отчитывающим его. В такой ситуации жест воспринимается как вербальный сигнал «*а мне всё равно, что в лоб, что по лбу*» [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Глазовском районах].



Рис. 43. Жест агрессии



Рис. 44. Значение жеста – я тебе перезвоню



Рис. 45. Значение жеста – выпивка

Таким образом, из выше перечисленного следует, что невербальные знаки, используемые в удмуртском коммуникативном пространстве, носят ярко выраженный эмоциональный и общечеловеческий характер. По ним можно определить, какие эмоции испытывает удмурт в данный момент, какую информацию сообщает своему собеседнику. Проанализированный материал ещё раз доказывает: мнение о том, что современные удмурты мало жестикулируют, ошибочно. Это всего лишь сложившийся стереотип. Они часто прибегают к невербальной коммуникации, используют её как основной приём: *«Ещё как жестикулируют! Вон бабки как удивляются сильно: по бёдрам хлопают, “Остэ, быри!” говорят. А о молодёжи я вообще молчу. Те сегодня очень активно жестикулируют, посмотрят всяких фильмов и видео – и только в путь. Я вот, например, тоже, иногда ведь не можешь сразу слово на русском вспомнить, и вот уже начинаешь руками объяснять»* [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (г. Ижевск). Л. 9].

Наиболее употребительными жестами удмуртов, по мнению респондентов, являются утвердительный кивок головой, отрицательный поворот головы, используемые как совместно с вербальными сигналами, так и без них, а также пожатие плеч, заменяющее реплику *«уг тодіськы»* (не знаю). Все жесты имеют небольшую амплитуду и занимают небольшое место в пространстве. Большинство из них производится руками, прижатыми к туловищу, и потому не выходит за пределы персонального пространства. Чаще всего жесты исполняются двумя руками, движения которых синхронны. В процессе наблюдения установлено, что жестикуляция в основном сосредотачивается у груди и вокруг тела. Практически все движения носят эмоциональный характер. Коммуникативное пространство удмуртов богато невербальными средствами, выражающими ласку, доброжелательность, приветствие, отказ, несогласие, недовольство, гнев, удивление.

Едва ли не все жесты могут употребляться автономно, без вербального сопровождения, так как легко понимаются в контексте, но, несмотря на это, в коммуникативном акте ими стараются пользоваться умеренно, порой даже избегают их (особенно в общении с представителями старшего поколения, в официальной среде). Замечено, что у удмуртов вначале следует слово, а потом в ход идут жесты, исключением являются ситуации, когда собеседники находятся на расстоянии и у них нет возможности докричаться друг до друга: *«Мон малпасько, удмуртёс азьло верало, собере гинэ жестикулировать каро для ещё большей эмоциональности,*

верам кылъёс сюлме ик мед пырозы шуыса. Ну, а если соос кыдӛкынгес ке ог-огзылӛсь сыло, соку возъмато гинэ на» (Мне кажется, что удмурты вначале говорят, а потом уже жестикулируют для ещё большей эмоциональности, чтобы сказанные слова прямо в сердце попали. Ну, а если они стоят далеко друг от друга, тогда просто показывают только) [ПМА, 2011. Волкова Ф. Л., с. Пыбья].

При этом есть определённые негласные правила употребления невербальных сигналов в удмуртской коммуникации. Так, при общении с малознакомым человеком или незнакомцем удмурты ограничиваются только словами и редко прибегают к жестам: *«Мурт адямиен вераськыку, астэ йыг-йыг возёно. Ерпечка выростьёсын адямиен ог кыл уд шедьты»* (Разговаривая с чужим человеком, нужно держать себя уверенно, без мельтешения. Привычки ерпечки (то есть егозы) не способствуют конструктивному общению) [ПМА, 2010. Павлова В. П., д. Шайтаново]. Есть жесты, которые в подобных ситуациях вообще не принято использовать. Например, недопустимо прикасаться к незнакомцу, и даже в шутку произносить слова, которые хоть как-то характеризуют его личность, употреблять асоциальные, жаргонные жесты. Тем более недопустимо хлопать незнакомого собеседника по плечу, характеризуя его словом *«тӛпӛнь»*, намекая на недогадливость. В данной ситуации актуализируется вопрос о коммуникативном пространстве, к которому удмурты начинают относиться очень трепетно. Очень важно не нарушать незримую, но явно присутствующую социальную дистанцию между собой и собеседником. Об этом должны помнить обе стороны. К примеру, если малознакомый собеседник нарушает личное пространство удмурта, это чаще всего заканчивается тем, что последний прекращает разговор, замыкается в себе или демонстративно уходит: *«Мурт адямилы тыбырдэ ӛвӛл сӛтоно вешаны, бордад йӛтскыллыны но. Ноку но ведь уд тоды, мар со адямилэн йыраз, мар муген со тон борды йӛтскылэ»* (Нельзя незнакомцу прикасаться к спине, да и в целом разрешать прикасаться к себе. Никогда ведь не знаешь, что у него в голове, с какой целью он к тебе прикасается) [ПМА, 2016. Афонина Н. Д., д. Выльгурт]. В данном контексте, запрет прикасаться к спине связан не только с правилами этикета, но и суевериями. Удмуртами этот жест может расцениваться как опасный, поскольку спина воспринимается как менее защищённая часть тела, через которую посредством прикосновения или взгляда можно нанести вред человеку [Владыкина 1992: 133].

По мнению респондентов, жесты являются прерогативой молодого поколения. Пожилые люди прибегают к ним редко, обосновывая это тем,

что в старости человек должен вести себя достойно и быть степенным: *«Мойы мурт вераськыкуз ассэ наж-наж возьыны кулэ, дыртытэк но киосыныз шонатэк, ваньзэ валэктыны. Соку адямиос сое гажало, верам кыльёссэ пелязы поно»* (Пожилой человек должен вести себя в беседе степенно и спокойно, не спеша и без лишней суеты, без размахивания руками всё объяснять. Тогда его люди уважают, прислушиваются к сказанным словам) [ПМА, 2009. Русских А. Г., д. Ю-Тольён].

Кроме того, жестикуляция отвлекает внимание от слов собеседника, из-за неё можно упустить основную мысль диалога или вообще не понять смысл сказанных слов: *«Мар тон киосыныд шонаськод, олань-талань ветлйськод? Со шонамдэ учкыса гинэ, йыры поромиз ни, уг валаськы, мар тыныд кулэ»* (Что ты своими руками размахиваешь и туда-сюда ходишь? Глядя на твоё размахивание руками, у меня уже голова закружилась, не понимаю, что тебе нужно) [ПМА, 2009. Савина А. С., с. Пыбья]. Наверное, поэтому при общении с людьми старшего возраста молодёжь прибегает к жестам только в крайних случаях, когда без них обойтись уже никак нельзя. По их мнению, пожилые люди часто используют взгляд для передачи своих эмоций и усиления воспитательного эффекта сказанных слов, а к жестам прибегают лишь в ситуации крайнего эмоционального напряжения, при этом используют чаще общепринятые жесты.

Что касается гендерных различий в жестах, то здесь тоже есть свои особенности. Например, пожилые люди считают, что девушкам неприлично размахивать руками, активно жестикулировать, громко смеяться и разговаривать. Это показатель нервозности и невоспитанности: *«Нылмуртлы уг яра бадзым куараен вераськыны, кесяськыса. Со лач-лач ассэ возьыны кулэ. Востэм луыны»* (Девушке нельзя громко разговаривать и громко смеяться. Она должна вести себя спокойно. Должна быть скромной) [ПМА, 2010. Максимова Р. И., д. Азаматово].

«Ййонтэм нылмурт гинэ вераськыкуз киосыныз шона» (Только невоспитанная девушка размахивает руками во время разговора) [ПМА, 2011. Ермачева Е. В., д. Юдрук].

В молодёжной среде осуждается использование девушками асоциальных / жаргонных жестов для выражения агрессии. В частности, девушкам недопустимо прибегать к жестам в виде: удара ребром ладони по стигбу локтя другой руки, кисть которой сжата в кулак; резкого притягивания согнутых в локтях рук к себе, при одновременном выдвигении вперёд области таза; лёгкого удара себя по гениталиям со словами *«нобарабай»*.

Эти жесты относятся к разряду наиболее грубых инвектив, они считаются приемлемыми для мужчин, но никак не для женщин, тем более девушек. На практике всё же бывают случаи их использования последними, в основном в алкогольном опьянении и при потере контроля над собой. В целом же, по мнению мужской половины респондентов, девушка должна сдерживать себя и не проявлять на людях агрессию. Среди молодёжи исключение составляет жест *fack you* (средний палец выпрямлен, остальные сжаты), к которому прибегают как девушки, так и юноши для выражения агрессии. Возможно, это связано с тем, что заимствования кажутся более мягкими, и потому не несут на себе отпечаток грубого оскорбления. Необходимо также отметить, что молодёжь часто сопровождает свои жесты заимствованными иностранными или русскими выражениями. Среди лиц старшего поколения они чаще сопровождаются удмуртской лексикой.

Основное предназначение невербальных знаков – передача скрытой информации или пояснение сказанного. Они способствуют пониманию друг друга без слов или с полуслова, несут в себе ярко выраженный эмоциональный характер, распространены среди всех возрастных категорий и активно используются в процессе общения.

Анализ словарей жестов и мимики русской речи [Акишина, Кано, Акишина 1991; Григорьева 2001; Крейдлин 2013] показал, что почти все невербальные знаки, распространённые среди удмуртов, практически не отличаются от знаков русского коммуникативного поведения и большинства людей в целом. Так, например, самую обширную группу составляют общечеловеческие жесты (мимика, кивки головой, помахивание кистью руки при прощании и приветствии, жест просьбы, страха, открытости, указательный жест, движения кистями во время разговора и т. д.). Другой не менее обширной группой жестов являются заимствования (все асоциальные и жаргонные жесты, а также жесты, обозначающие деньги и удачное положение дел, скрещённые на удачу пальцы, имитация выдёргивания зуба при клятве, воздушный поцелуй, жесты, обозначающие реакцию на назойливость собеседника и т. д.). Этому факту можно дать несколько интерпретаций. С точки зрения психологии, невербальная коммуникация прежде всего призвана передавать эмоционально окрашенную и эмоционально значимую информацию. «Очень часто при передаче некой информации человек находится в состоянии аффекта и мало контролирует свои действия, а потому большинство эмоций передаётся с помощью одинаковых жестов, особенно среди людей,

образующих единую коммуникационную среду» [Лабунская 2004: 5]. С точки зрения респондентов, отсутствие типично удмуртских кинемоморфем это и есть самобытная черта удмуртской коммуникации, идеалом которой издавна было стоическое спокойствие. Активная жестикуляция являлась показателем чрезмерной эмоциональности. Во время разговора ей отводилась второстепенная роль, более того человека, активно использующего жесты, останавливали, не дав возможности закончить мысль [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 50].

С точки зрения культурологии, в современном мире можно констатировать усиление процессов интеграции, интенсификацию миграционных потоков и иных типов перемещения (туризм, деловые поездки, международные обмены и т.п.), а также распространение средств массовой коммуникации и глобальной сети Интернет, что позволяет знакомиться с различными культурами, наблюдать за разнообразными моделями поведения, копировать и воспроизводить наиболее «успешные» и понравившиеся коммуникативные стратегии. Выражаясь словами Л. Г. Ионина, сегодня в российской действительности, добавим – и в удмуртской, как её неотъемлемой части, – налицо процесс «культурной инсценировки» [Ионин 2000: 165], что ведёт к активному поиску идеалов, новых культурных моделей поведения. Наиболее ярко процесс культурной инсценировки проявляется в полиэтническом пространстве города и смешанных поселений, где есть возможность сравнить успешность стратегий адаптации к реалиям современной жизни. Это находит своё подтверждение в исследованиях, проведённых сотрудниками и аспирантами Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН. Влияние социального окружения на стратегии коммуникативного поведения отражено в исследованиях ресурсного потенциала удмуртов, проведённом И. Л. Поздеевым [Поздеев. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1637]. Полевой материал, собранный им, свидетельствует о том, что удмурты примеряют на себя модели поведения титульного этноса, который считается успешным. Так, удмурты, проживающие в Татарстане, признаются, что жить в окружении татар нелегко, но с годами вырабатывается коммуникативная тактика, позволяющая им быть не менее успешными, чем татары: *«татары шустрые, потому нужно быть шустрее их», «рядом с татарами и удмурты становятся активными, коммуникабельными, даже в какой-то степени наглыми»* [Там же. Л. 18].

Сходные результаты дало исследование проблем адаптации в поликультурной городской среде, проведённое в 2014 году [Шулакова 2014]. Молодёжь, проживающая на территории Удмуртии, активно включается в городскую жизнь, перенимая стандарты и манеры поведения русского-ворящего населения, составляющее большинство в городах Удмуртии: *«Невозможно в городе жить так же, как в деревне, надо подстраиваться под новые требования, хотя это не значит, что я забываю, кто я и откуда...»*. *«Я могу говорить по-русски и меня все поймут. Для жизни это более чем достаточно»* [Шулакова 2014: 177]. Подтверждается это и нашими респондентами: *«Вот я смотрю на современную молодёжь – они уже другие. Они не как мы, сельские удмурты, “тяп-тяп”, они и разговаривают свободно на русском без акцента, они не полезут за словом в карман, не дадут себя в обиду. Они много “сидят” в Интернете, много читают, не боятся фантазировать, мечтать и воплощать свои планы в жизнь, выступать на людях. И при этом, слава Богу, они не забывают, что они удмурты»* [ПМА, 2016. г. Ижевск].

Кинемы

Кинемы зачастую используются неосознанно. Этнофоры воспринимают их как единственно верный способ действия, не имеющий альтернативы и воспроизводимый изо дня в день на протяжении всей жизни. Некоторые из них постепенно изживают себя, трансформируются, поскольку этого требует изменившийся образ жизни и появление новых технологий. К таким кинемам можно отнести особенности разбрасывания семян во время посева. *«Милемды пичи дыръямы дышетйзы, кизыкы, пе, тани тазы, киез ас палад шонтыса, кидысэз пазыгоно. А али учкиськод ке, ваньзы малы ке но наоборот лэстыо»* (Нас в детстве учили, что во время засева, когда семена разбрасываешь, взмах руки должен быть направлен на себя. А сейчас смотришь, все наоборот почему-то делают) [ПМА, 2010. Русских А. Г., д. Ю-Тольён]. Объясняют данную кинему сакральными представлениями: бросая от себя, человек разбазаривает своё благополучие и свой урожай, а взмах рукой к себе – притягивает благополучие [ПМА, 2010. Русских А. Г., д. Ю-Тольён].

Подобное отмечается в отношении нарезания хлеба: *«Азьло тятмямы ноку но нянь сукыриез туртэн уг ванды вал. Чиге кыныз кусок,*

собере каждоезлы сѣтэ. Со нянь луло как будто. Соин ик, дыр, пѡсь нянез, шаньгиез гурысь поттэм бере, вандыны уг лэзѣ, нянед, пе, уз удалты, шуо. А мон малпасько, со пѡсь нянь шока, тон, пуртэн сое вандыса, вишськод кадъ» (Раньше папа никогда каравай хлеба ножом не разрезал. Отламывал рукой кусок и каждому раздавал. Этот хлеб как будто живой. Поэтому, наверное, горячий хлеб и шаньги, которые только из печи достали, нельзя резать ножом, говорят, хлеб не уродится. Я думаю, что этот горячий хлеб дышит, поэтому, разрезая его ножом, ты его как будто убиваешь) [ПМА, 2003. Савина А. С., с. Пыбья].

«Тяте зыгыртэ вал нянь сукыриеэ гадь бордаз, собере пуртэн вандэ. Пуртсэ нянь вылтї нуэ гадь палаз. Лур-лар кесян нянез ѡз лэзьялэ. А али трос сюлмаськыса уг уло, буханкаез поно жѡк вылэ и вандо» (Папа прижимал хлеб к груди, потом только разрезал хлеб. При этом нож по хлебу двигался в сторону груди. Варварски рвать куски хлеба не разрешали. А сейчас особо не беспокоятся, кладут буханку на стол и нарезают) [ПМА, 2016. Дмитриева А. А., д. Дондыкар].

Подобно тому, как «предмет, находящийся в руке, изменяет жест, превращая его по существу в другой» [Чеснов 1989: 124], так и кинемы при определённых условиях могут приобретать иной социальный смысл. Так, например, деньги и связанные с ними представления накладываю́т отпечаток на действия собеседников в повседневной коммуникации. У удмуртов не принято передавать деньги из рук в руки, их обычно кладут на какую-либо находящуюся поблизости поверхность (стол, стул и т. д.), если такой поверхности нет – кладут в карман, при этом не боясь нарушить личное коммуникативное пространство.

Удмурты иногда не дают деньги в долг. Причиной тому является не скупость, но традиционные представления о том, что это нежелательно делать после заката и запрещено, если в хозяйстве есть приплод (например, отелилась корова) [ПМА, 2012. Зафиксировано в Кезском, Балезинском, Дебѣсском районах]. Скупым считается тот, кто даст денег в долг под проценты. О таком говорят: *«Таид толалтэ лымызэ но уз сѣты»* (такой зимой и снегом не поделится). Эта фраза может относиться и к человеку, отличающемуся скупостью.

Знаниями о кинемах в удмуртском коммуникативном пространстве в большей степени обладают пожилые люди, поскольку у них есть жизненный опыт, они помнят традиционный способ осуществления действия, а потому имеют возможность сравнить как это было и как стало. В среде городских удмуртов и молодѣжи они известны не всем.

2.2. Социальный символизм в удмуртской коммуникации

По мнению Л. С. Выготского, поведение человека в большинстве случаев носит знаковый характер. «Степень знаковости (семиотичности) может существенно изменяться во времени, но знаковость является общим и неотторжимым свойством» [Выготский 1961: 164]. В связи с этим в коммуникативном пространстве каждого народа большое значение приобретает явление социального символизма, который представляет собой «символическое значение, приписываемое социумом определённым предметам и действиям» [Стернин 2004: 119]. По мнению Дж. Г. Мида, материальные предметы и действия, воспринимаемые как символы, являются носителями информации, тем самым позволяют посылать сигнал и считывать реакцию на посылаемый запрос [Мид 2009: 48]. Все символы носят конвенциональный характер [Мид 2009: 49; Парк 2010: 205], потому их использование и сигнификация, адекватность восприятия зачастую ограничиваются рамками конкретной этнической общности [Парк 2010: 205; Тарасов, Школьник 1977: 180]. Благодаря этому социальный символизм зачастую выполняет функцию идентификации личности собеседника [Тарасов, Школьник 1977: 180].

Рассуждая о социальном символизме в удмуртском коммуникативном пространстве Г. К. Шкляев пишет, что традиционно удмурты «для передачи той или иной информации использовали различного рода предметы, специально приспособленные для этого. Они предназначались для того, чтобы избежать неудачи в общении, поддерживать коммуникацию в должных рамках. С помощью деталей поведения, особым образом подобранной одежды у окружающих создавалось определённое впечатление о собеседнике» [Шкляев 1992: 20]. Таким образом в рамках социального символизма предметы, выполняющие утилитарную функцию, превращаются в знаки, несущие информацию о своём владельце.

Далее приведён социальный символизм в общении сельских и городских удмуртов (см. таблицу 1).

Достаточно чётко можно выявить различия между социальным символизмом городских и сельских удмуртов. Сельские удмурты демонстрируют больший, по сравнению с городскими, объём знаний традиций и примет. По-прежнему для селян главными признаками зажиточности и богатства остаются крепкое хозяйство, наличие сельскохозяйственной техники, большого поголовья скота и т. д.

Таблица 1

**Социальный символизм в коммуникации сельских и городских удмуртов
(по материалам опроса респондентов в 2000–2010 годах)**

Социальный объект/субъект	Невербальные символы в коммуникации сельских удмуртов	Невербальные символы в коммуникации городских удмуртов
Высокий социальный статус	красивая модная одежда; хорошие манеры поведения; наличие одного или нескольких высших образований; совершенное владение русским и иностранным языками; большой, добротный дом; иномарка	личный коттедж или многокомнатная квартира в престижном районе, импортный костюм, дорогие часы; обувь, начищенная до блеска; дорогой автомобиль
Низкий социальный статус	старая, грязная одежда; неприятный запах от одежды (запах мочи и прокопчённой, нестиранной одежды); неприятный запах изо рта (вероятно, связан с тем, что человек плохо питается и у него большой желудок); страсти к алкоголю; беспорядок в доме и на территории, прилегающей к нему	старая одежда; квартира без евроремонта в старом доме в не престижном районе; запылённые портфель и обувь
Зажиточность	большой, красивый дом с пластиковыми окнами и обшитый сайдингом; крыша, покрытая металлочерепицей; высокий забор из профнастила; большое крепкое хозяйство (несколько коров, бычков, овец, свиней и т. д.); наличие автомобиля, сельскохозяйственного транспорта (мотоблок, трактор); наличие денежных средств	счёт в банке; иномарка; дорогой сотовый телефон; многокомнатная квартира с евроремонтom; коттедж или дача за городом; вилла за границей; отдых за рубежом

Продолж. табл. 1

Бедность	старая, заношенная одежда; ветхий дом; недостаток денежных средств; отсутствие собственного транспорта; неполноценное питание	езда на общественном транспорте; отсутствие личного автомобиля; съёмное жильё; низкая заработная плата; старая одежда; специфический неприятный запах нестиранной одежды
Деловой пренебрегающий человек	дорогие аксессуары и одежда; наличие дорогих часов и денежных средств; уверенная твердая походка	аккуратная дорожная одежда; иномарка; дорогой сотовый телефон; дорогие часы со швейцарским механизмом; быстрая, стремительная походка; постоянная занятость
Почёт, уважение	желание поздороваться с этим человеком; такого человека люди узнают на улице; стремление односельчан общаться с ним, посадить на самое почётное место за столом; желание подарить ему дорогие подарки, пригласить в гости	такой человек находится на короткой ноге с начальством; хочется зарекомендовать ему себя с хорошей стороны, чтобы он запомнил
Интеллигентность	соблюдение норм этикета; приличное поведение; аккуратная одежда; использование ножа и вилки во время еды; образованность; умение красиво говорить	очки; соблюдение норм этикета (всегда здоровается и прощается, пропускает женщин вперёд и дарит им цветы); непрерывное самообразование; посещение библиотек, музеев, выставок, концертов
Бандит	бритая голова, крупное телосложение, дорогая одежда; тёмные очки, скрывающие глаза; грубость, использование жаргона, «пальцы веером», наличие татуировок на теле	наличие кожаного пиджака, толстой золотой цепочки на шее и печатки на пальце; крупное телосложение; бритая голова; огромная машина; личное оружие и охрана

Продолж. табл. 1

Молодёжность	предпочтение ярких цветов и спортивного стиля в одежде; пиво; шорты; короткие юбки; интерес к гаджетам; наличие спортивного велосипеда или мопеда	спортивная одежда; бейсболки и банданы; интерес к технике, гаджетам; увлечение сноубордом; принадлежность к субкультуре; оголённые щиколотки ног зимой
Демократизм, неформальность	свободное общение со всеми на «ты», шутки	готовность выпить, грызут семечки, спортивный костюм, общение на «ты»
Женственность	стройное телосложение, аккуратная стильная одежда (в основном платья), модная причёска или аккуратно уложенные волосы, хорошие манеры	туфли на высоком каблуке; узкая талия; длинные волосы; нежный голосок
Не женственность	не следит за собой; драчливость; растрёпанные волосы; придиричивость; грубость	длинные ногти, под которыми грязь; грязная одежда; неприятный запах от одежды и изо рта; старая стоптанная обувь; растрёпанные волосы
Ведьма, женщина, владеющая магией	редкие волосы на голове (особенно характерно для женщин, занимающихся чёрной магией), приготовление разнообразных отваров, чёрные глаза, не может выйти из дома, в котором над входной дверью воткнута игла, не может зайти в дом, если над входными дверями есть можжевельник	большой нос с горбинкой, наличие чёрной кошки, чёрные или зелёные глаза, таинственный взгляд, длинные чёрные или седые волосы
Уют, удобство	печь; запах табаней или шанежек; мягкий, удобный диван; чистота и порядок в доме; тепло, исходящее от печки	домашние тапки; халат; диван с телевизором; пижама; камин

Продолж. табл. 1

Дружелюбие	улыбчивость; стремление поделиться тем, что есть; оказать помощь делом и советом	улыбчивость; гостеприимность; стремление оказать помощь словом и делом
Мужское поведение	сигарета во рту; выпивка; грубый голос; резкие жесты; рукопожатие	платит за всех; помогает женщине донести тяжёлую кладь; уступает ей место в общественном транспорте
Траур, похороны	чёрная одежда; грустные лица; кисель; отсутствие острых предметов; тишина; закрытые зеркала	букет из чётного количества цветов; траурные венки; чёрная одежда; лица, убитые горем
Удача, счастье	чешется правая ладонь – к получению денег; чешется правый глаз – к встрече с хорошими знакомыми; прибитая подкова над дверью – к счастью; задержаться дома перед дальней дорогой; встретить мужчину на пути или женщину с полными ведрами – к удачной поездке	чешется правая ладонь – к приобретению чего-либо; «счастливым» билет в общественном транспорте; пятак под правой пяткой – к везению на экзамене
Несчастье, неудача	несчастливое число 13; встретить человека с пустым ведром; здороваться через порог; сидеть напротив угла за столом (на этот счёт существует два мнения: первое – девушка, сидящая напротив угла, 7 лет не сможет выйти замуж. Второе – противоположное, чем острее угол, тем быстрее девушка выйдет замуж, да и муж с «углом», то есть с жильём, достанется)	споткнуться левой ногой; чёрная кошка перебежала дорогу; возвращаться обратно перед дальней дорогой; сидеть за столом на углу

Продолж. табл. 1

Провинциальность	старомодная, нестильная одежда; отсутствие макияжа; наличие акцента (оканье); постоянное удивление (открытый рот); незнание правил этикета (неумение пользоваться вилкой и ножом во время еды); трудлюбие	немодная одежда; огромные сумки; авоськи; женщина в платке; крупное телосложение; лицо с красными щеками; брюки, заправленные в ботинки; едят мороженое зимой
Городской житель	стильная, модная одежда; худое телосложение; стремительная, спешащая походка; лень	худое телосложение; профессиональный макияж; стильная, модная одежда
Распушенность (характеристика женщины)	громкий смех; приставание к мужчинам; короткая юбка; распушенные волосы; яркий макияж; курение	очень короткая юбка в любое время года; демонстративная поза «нога на ногу»; специфическая поза – опершись на стену спиной и согнутой в колене ногой; яркий макияж
Гостеприимство	приглашение в гости; приглашение к столу; щедрое угощение	приглашение в гости; приглашение к столу даже при неожиданном визите; щедрое угощение
Щедрость	нарезание хлеба толстыми кусками; задаривание дорогими подарками по поводу и без повода; угощение гостей даже при неожиданном визите; отправляет гостинцы	задаривание дорогими подарками; предоставление денег в долг
Негостеприимность	отсутствие приглашения в дом; стремление вечно избегать приёма гостей (запирать дом; когда кто-то приходит, не открывать дверь)	отсутствие приглашения в гости; не накрытый стол; грубое общение с теми, кто зашёл в гости без приглашения

Оконч. табл. 1

Аккуратность	опрятный внешний вид	чистая аккуратная одежда; начищенные ботинки; наличие носового платка
Ссора	избегание разговора с собеседником и взгляда в глаза; демонстративное игнорирование собеседника; рассыпать соль, обойти дерево с разных сторон – к ссоре	избегание разговора с собеседником и взгляда в глаза; демонстративное игнорирование собеседника
Приход нежданных гостей	уронить чайную ложку – к приходу ребенка, столовую – взрослого человека, нож – к приходу мужчины; стрекотание сороки на крыше дома; кошка «умывается», обернувшись к двери	уронить ложку – к приходу женщины, нож – к приходу мужчины
Приближающаяся смерть человека	чёрный ворон залетел в окно; птица стучится в окно; лицо жёлтого цвета	птица стучится в окно
Лживость, нечестность	бегающие глаза; избегание взгляда собеседника при разговоре; высокие заборы с высокими воротами – стремление закрыться от соседей со всех сторон	избегание взгляда собеседника при разговоре; постоянные прикосновения к кончику своего носа

Городские удмурты при описании тех или иных социальных признаков делают акцент на общепринятых материальных ценностях. Что касается знания народных традиций и примет, большинство респондентов среднего и старшего возраста ссылается на то, что в годы их молодости им не разрешалось демонстрировать свои удмуртские корни, а сегодня под влиянием городской, преимущественно русскоязычной, среды они забываются [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН РФ Оп. 2-Н. Д. 1598 (Дебёсский район). Л. 29–30].

Социальный символизм во внешности собеседника

В процессе коммуникативного взаимодействия современные удмурты также обращают внимание на врождённые особенности человеческого тела, которые, по их мнению, позволяют считывать информацию о характере собеседника. Пожилые респонденты, проживающие в селе, отмечают, что подобно тому, как особенности человеческого тела даются от рождения, так и характер, судьба человека закладывается в утробе матери. Частично разгадать внутренний мир и судьбу собеседника можно с помощью небольших подсказок-символов, главное – внимательно присмотреться: *«Шуо ук малы ке но, адями вордскиз гинэ, а Инмар солы, певань улонзэ азьпал гожтэм, нош мугораз кыче ке но пус кельтэм. Тйни со пусъёсья валаны луэ, кыче адями тон азьын»* (Говорят же почему-то, что как только человек появился на свет, Бог уже заранее предопределил его судьбу, и на теле оставил метки. Вот по этим меткам можно понять, какой человек перед тобой) [ПМА, 2010. Чиркова В. Е., д. Узей-Тукля].

Практически все респонденты отмечают, что круглолицый человек с румяными щеками физически и морально здоров, обладает добродушным характером. Человек с бледным худощавым лицом считается злым, болезненным и некрасивым. Жёлтое (восковое) лицо говорит о том, что его обладатель сильно болен, возможно, близок к смерти. Ямочки на щеках, появляющиеся при улыбке, свидетельствуют о душевной и внешней красоте собеседника [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Йылсо ангес (острый подбородок) говорит о злом нраве, обладатель такого подбородка может легко обидеть собеседника: *«кылыныз дуринчи кадь шия»* (своим языком как оса жалит) [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Балезинском, Кезском, Глазовском, Вавожском районах].

Считается, что от такого человека ничего хорошего ждать не стоит, любая информация в виде сплетен распространяется от него со скоростью света. Если у мужчины на подбородке ямочка, его первым ребёнком непременно будет девочка [ПМА, 2010. Князева Н. Н., д. Нурызово]. Данный симптом обычно подмечают девушки в своих избранниках.

Широкие промежутки между зубами нижней челюсти свидетельствуют о человеке циничном, склонном к критике [ПМА, 2011. Уракова Ю. П., д. Качкашур].

Синий нос, похожий на сливу (*нырыз слива кадь*), говорит о том, что его обладатель злоупотребляет алкоголем или находится в состоянии алкогольного опьянения [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Также в зависимости от контекста данный символ может расшифровываться как показатель того, что человек сильно замёрз.

По поводу узких губ существуют два мнения. Так респонденты г. Глазова и Глазовского района отметили, что узкие губы – это признак волевого и целеустремлённого человека, который привык добиваться поставленной цели. Респонденты же Кезского, Дебёсского, Балезинского районов считают, что узкие губы – признак злого нрава человека. По мнению респондентов Алнашского района, толстые губы – признак счастливого человека: *«Ымдур ке зёк, шудо шуо»* (Если губы толстые, говорят счастливый) [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759. Конверт № 6. Карточка № 42].

Дрожащие руки чаще всего показатель волнения [ПМА 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Однако они могут дрожать и у человека, находящегося в состоянии похмельного синдрома [ПМА 2010–2011. Зафиксировано в Глазовском, Вавожском, Увинском, Малопургинском районах]. Большие руки с мозолями свидетельствуют о том, что их обладатель привык к тяжёлой физической работе и не боится её [ПМА, 2010–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Большие пальцы рук, выгнутые наружу, – признак мастера на все руки. Девушки, обладательницы таких рук, обычно рукодельницы [ПМА, 2011. Волкова Ф. Л., с. Пыбья]. Руки с длинными пальцами указывают на то, что в данном человеке заложен музыкальный талант. Считается, что из таких людей получаются хорошие гармонисты [ПМА, 2012. Князев Н. В., д. Нурызово].

Большое значение в процессе коммуникации отводится глазам. Все наши респонденты схожи во мнении, что глаза – зеркало души, а потому человек, который держит камень за пазухой, боится открытого

взгляда, направленного в его сторону. На словах обмануть просто, но глаза всегда говорят правду. Подёргивающийся глаз является свидетельством сильного волнения [ПМА, 2010–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Если дёргается / чешется левый глаз – к слезам [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Кезском, Балезинском, Вавожском, Увинском районах]. Красные глаза говорят о случившемся горе, человек плакал [ПМА, 2010–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Голубые глаза по народным представлениям самые слабые. На обладателей таких глаз легко напустить порчу или сглазить. Особое опасение вызывают люди с чёрными глазами, такие могут сглазить (*син уськытыны*); считается, что у большинства колдунов глаза чёрного цвета [ПМА, 2010. Зафиксировано в Кизнерском, Алнашском районах]. В своих исследованиях фольклорист Т. Г. Владыкина отмечает, что в удмуртских сакральных текстах чёрный цвет символизирует потусторонний / нижний мир [Владыкина 2009: 279]. В заговорно-заклинательной традиции, по мнению Т. И. Паниной, основной функцией чёрного цвета является «словесное уничтожение духа болезни путём постановки перед ним невыполнимых условий» [Панина 2014: 163].

Если девушка носит волосы распущенными, то, по мнению респондентов старшего возраста, это свидетельствует о её распущенности. Это признак девушки лёгкого поведения, скромная девушка всегда заплетает, «прибирает» свои волосы [ПМА, 2010. Зафиксировано в Дебёсском, Алнашском районах]. Кроме того, считается, что на девушку с распущенными волосами легко навести порчу, поэтому на волосах обязательно должна быть хотя бы маленькая заколка [ПМА, 2012. Зафиксировано в Балезинском районе]. Скорее всего данный запрет восходит к поверьям, призванным защитить от парциальной вредоносной магии, когда жертву могли околдовать через нечаянно обронённый волос [Владыкина 1997: 242].

Если собеседник чихнул в процессе разговора, значит, подтвердил произнесённую вслух информацию [ПМА 2010–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Ниже приведён ряд примет, которые также несут информацию о собеседнике, но они чаще всего выступают темой для поддержания разговора в интимной беседе между близкими людьми. Так, человек, обладающий большим количеством родинок, располагающихся в незаметных местах, считается счастливым: «*Шудо муртлэн, пе, адзиськонтэм интыяз мenez мед луоз*» (У счастливого человека в незаметном месте родинка должна быть) [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ.

Оп. 2-Н. Д. 759. Конверт № 6. Карточка № 70]. Но если родинка одна и на левой щеке, значит, этот человек несчастлив, ему постоянно не везёт [ПМА, 2012. Зафиксировано в Балезинском районе]. *«Блмыраз менез ке трос, шудтэм шуо»* (Если на лице много родинок, говорят, несчастливый) [Перевозчикова. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 759. Конверт № 6. Карточка № 71].

Любимчика фортуны, по мнению удмуртов, можно определить и по внешнему виду. Такие люди при первой встрече кажутся некрасивыми, а с течением небольшого времени, после знакомства, от них уже невозможно отвести глаз, настолько привлекательной становится их внешность [ПМА, 2012. Зафиксировано в Балезинском районе]. Считаются счастливыми девочки, внешне похожие на своих отцов, и мальчики, похожие на мам [ПМА, 2010–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Немаловажное значение имеет форма большого пальца на ноге, особенно у девушек, поскольку большой палец ассоциируется с характером её будущего мужа. Если палец крупный по сравнению с остальными, значит, муж будет эгоистом и «задавакой». Если он длиннее пальца, расположенного рядом, командовать в семье будет муж, не учитывая мнения жены. Повезёт девушке, у которой большой и соседний с ним пальцы одинаковой длины: характер её мужа будет идеальным. Считается плохим знаком, если у девушки на большом пальце ноги деформирован ноготь: её избранником станет мужчина-женоненавистник [ПМА, 2009–2010. Зафиксировано в Дебёском, Балезинском районах].

Звон в ушах свидетельствует о том, что кто-то говорит о человеке. А вот хорошо говорят о тебе или плохо, можно определить с помощью угадывания собеседником, в каком ухе звенит. Если собеседник угадал, значит, кто-то хвалит или хорошо отзывается, если не угадал – ругают, перебивают косточки [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Глазовском, Кезском, Вавожском, Увинском районах].

Почёсывание как жест имеет свою оценку и «прочтение» в культуре, свои символические значения. Кулак, по мнению удмуртов, чешется к драке; правый глаз – к радости; брови – к слезам, печали [ПМА, 2010–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах]; локоть, пятки чешутся к покойнику [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Малопургинском, Алнашском районах], правая рука – к рукопожатию, левая – к затратам [ПМА, 2010–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Ступня чешется к дальней дороге [ПМА, 2010–2012. Зафиксировано

во всех исследуемых районах]. Относительно носа мнения респондентов расходятся: большая часть сельских жителей считает, что нос чешется к выпивке [ПИМА, 2010–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Горожане интерпретируют это как примету скорой драки, в которой обязательно ударят по носу (хороший нос за неделю кулак чует).

Одновременно красные щёки и уши указывают на то, что человек испытывает неудобство, стеснение и стыд [ПИМА, 2010–2012. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Респонденты среднего возраста говорят, если «горят» уши, значит, человека кто-то обсуждает, если щёки – кто-то вспоминает [ПИМА, 2010–2012. Зафиксировано в Бале-зинском, Глазовском, Вавожском, Кизнерском, Кезском районах]. Среди молодёжи на этот счёт распространена следующая поговорка: *«Горят ушки – вспоминают подружки, горят щёчки – вспоминают дружочки»* [ПИМА, 2012–2013. Зафиксировано в г. Глазове, Балезинском районе].

На основе всего выше сказанного можно сделать вывод, что удмурты не лишены склонности судить о людях по внешнему виду. Хотя большинство респондентов отмечают, что первое впечатление бывает обманчиво, тем не менее порой оно оказывается столь сильным, что впоследствии его бывает трудно изменить даже сознательными усилиями. В молодёжной среде социальный символизм приобретает наибольшее значение, потому что, на их взгляд, от того, как ты себя подаёшь, зависит твоя конкурентоспособность и успешность в жизни:

«Что бы там ни говорили, что провозжают по уму, главное, чтобы душа была, но встречают-то всё равно по одежке. Если ты за собой не следишь, то на тебя никто и внимания не обратит, никто тобой не заинтересуется и не захочет общаться» [ПИМА, 2009. Чирков А. В., п. Балезино].

«Я вот где-то в Интернете читал, что когда ты идёшь устраиваться на работу, можно позаимствовать у своих знакомых дорогие часы и сотовый телефон, чтобы произвести впечатление обеспеченного и ни в чём не нуждающегося человека» [ПИМА, 2012. Никитин Н. Е., с. Водзимонье].

«Сейчас столько говорят об умении правильно одеваться, подбирать себе правильную одежду, наносить макияж, что, честно говоря, об этом трудно не думать. Нужно следить за своим внешним видом, потому что это твоя уникальная визитная карточка» [ПИМА, 2009. Степанова О. В., с. Дебёсы].

«Я была свидетелем того, что ребята в первом классе не хотели общаться со своим одноклассником, потому что у него слишком простой, кнопочный сотовый телефон. Вы представляете?! И это только первый класс, тогда что говорить о подростках и взрослых?!» [ПМА, 2010. Уракова Е. В., г. Глазов].

Степень влияния телесных символов на процесс коммуникации приобретает своё наибольшее значение в сельской местности. Чаще всего знаниями о них обладают женщины, которые переняли их от своих бабушек и мам. Городские удмурты имеют ограниченные представления о телесных символах, объясняя это забвением ими национальных традиций.

Большинство сельских респондентов пожилого возраста акцентировали своё внимание на том, что в процессе коммуникации наибольшую опасность для удмурта представляют сглаз и порча, поэтому они всячески стараются избегать общения с людьми, от которых исходит потенциальная опасность. Если не получается, нужно придерживаться определённых правил: носить при себе булавку, пристёгнутую головкой вниз, или полынь в потайном кармане, женщинам и девушкам – серёжки, крещёным людям – крестик. Во время разговора ни при каких обстоятельствах не давать гладить себя по спине незнакомым людям, держать в кармане кукиш, проходя рядом с человеком, желающим зла [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в Алнашском, Можгинском, Балезинском, Глазовском, Кезском районах].

Таким образом, степень активности удмурта в процессе коммуникации определяют не только невербальные знаки, но и социальные символы. Удмурты-горожане в рамках общения акцентируют своё внимание лишь на языке телодвижений и социальных символах материального происхождения (одежда, аксессуары и т. д.), не придавая особого значения телесным символам и приметам. Последние чаще всего подмечаются респондентами сельской местности, выступая не только в качестве характеристики личности собеседника, но и одной из тем для обсуждения в кругу близких людей. В сельской местности на социальный символизм влияют местные ценности (например, крепкое хозяйство, большое поголовье скота, наличие техники и т. д.) и традиции, которые передаются из поколения в поколение. Особую актуальность социальный символизм приобретает в молодёжной среде, где материальные ценности прочно ассоциируются с социальным статусом, а также являются показателем успешной самореализации.

2.3. Понятие пространства и времени в коммуникативной практике современных удмуртов

Время осуществления действий

В удмуртском коммуникативном пространстве зафиксировано, что любое дело лучше завершать до того, как «сядет» солнце. *«Шунды пуксем бере полдэ миськыны уг яра – шуддэ, ваньбурдэ гуртысь поттійськод»* (Нельзя мыть полы ночью после захода солнца – благополучие и счастье из дома вымываешь) [ПМА, 2012. Иванова Т. В., с. Пыбья]. *«Шунды пуксем бере мерттійськыны уг яра, бакчасиёнэд уг удалты»* (После того как солнце сядет, нельзя ничего сажать на огороде, урожай будет плохой) [ПМА, 2014. Зелянина О. С., Зеглуд]. *«Нельзя выносить мусор после захода солнца – денег дома не будет»* [ПМА, 2015. Осипова С. Г., г. Ижевск]. Также не принято ходить с гостевым визитом, одалживать деньги, рассаду и т. д. Сумерки – это время, которого нужно опасаться. Считается, что если незваный гость приходит во время сумерек, скорее всего он принесёт дурные известия [ПМА, 2011. Зафиксировано в Балезинском, Кезском, Дебёсском районах]. По воспоминаниям пожилых респондентов, после того как начинало смеркаться, детям запрещали бегать, громко смеяться, баловаться. Полагалось вести себя спокойно и не шуметь: *«Жомо-югдо дыръя малы ке шуо, уг яра серекъяны, бызьылыны, йднтэмъяськыны. Особенно пинальёслы. Урод, пе, луоз»* (Во время сумерек нельзя смеяться, бегать, баловаться. Особенно это касается детей. Говорят, что плохо будет) [ПМА, 2011. Докучаева М. И., с. Дебёсы].

Не нужно выходить в дорогу или начинать какое-либо новое дело ровно в 13.00 часов. Объясняется это тем, что в это время только покойников выносят, а потому дело закончится неудачно [ПМА, 2010. Зафиксировано в Балезинском районе]. Подобное же ограничение связано с религиозным праздником Благовещение: *«Выль ужез, пе, Благовещение өвёл кутсконо. Со нуналэ, пе, тылобурдоос карзэс но уг инъяло»* (Говорят, что новые дела не нужно начинать в Благовещение. В этот день даже птицы гнёзда не начинают вить) [ПМА, 2008. Русских А. Г., д. Ю-Тольён].

Ориентация в пространстве

У удмуртов существует представление о границах, разделяющих пространство. В традиционном обществе, в народной мифологии и картине мира в качестве границ, разделяющих пространство на «своё» и «чужое», выступали матица, порог – внутри дома, ворота, изгородь вокруг дома, а также изгородь, ограждающая деревню, то есть мир людей от мира природы, пространства за пределами деревни [Владыкина 1997: 247–249]. С положительными пространственными представлениями была связана правая сторона, с отрицательными – левая. [Владыкина 1997: 253; Виноградов 2015: 44]. Данные представления послужили причиной бытования разнообразных поверий, которые регулировали поведение людей в пределах каждого локуса. Они частично сохраняются в коммуникативном поведении современных удмуртов, и порой воспроизводятся неосознанно. Так, не принято здороваться и передавать вещи через порог. Не принято разговаривать через порог. В этом случае либо хозяин выходит за порог, либо приглашает гостя войти в дом [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Молодёжь и респондентами средних лет подобное ограничение объясняется правилами этикета. Пожилые люди, ссылаясь на слова стариков, объясняют это тем, что, передавая вещи через порог, отдаёшь добро и достаток из своего хозяйства [ПМА, 2011. Кезский, Дебёсский районы]. *«Порог вамен сётэмед дорад ноку но уз берытскы. Кыын сётйид – пыдыныд утчало»* (Всё, что отдано через порог, обратно к тебе никогда уже не вернётся. Отдаёшь руками – ищешь ногами) [ПМА, 2012. Степанов Н. Е., с. Дебёсы]. В сельской местности подобные ограничения регулируют общение соседей, находящихся по разную сторону забора: *«Забор вамен номырдэ өвёл сётъяно – кисьёр луоз»* (Через забор ничего не нужно отдавать – перестанет урожай) [ПМА, 2015. Тронина О. А., с. Пыбья]. Неудачным местом для общения также считается перекрёсток, приграничная межа.

Сохраняется и противопоставление правой и левой стороны. Так, например, в любое помещение необходимо заходить с правой ноги. Здороваясь, подавать правую руку. Во время приёма гостей подавать угощение правой рукой, а во время поминок, напротив, – левой. Все магические жесты выполняются правой рукой – наложение крестного знамения, троекратное постукивание по дереву, во избежание сглаза.

На совершение действий в пространстве оказывает влияние и движение солнца. Считается, что все повседневные действия правильно

совершать по направлению движения солнца (*шундылы нялтаз*), например, здороваться или угощать гостей напитками; мыть окна в доме и т. д.

В удмуртском коммуникативном пространстве чётко прослеживается градация пространства на «верх» и «низ», «*со пал*» (букв. та сторона) и «*та пал*» (букв. эта сторона). Так, удмурты, передвигаясь, не просто идут, они поднимаются или спускаются: *Мон тубало / васькало дорады* (букв. Я поднимусь / спущусь к вам; аналог. рус. Я к вам приду); не просто ходят вдоль берега реки, но если идут по течению – спускаются, если вверх по течению, то поднимаются. В зависимости от того, с какой стороны находятся собеседники, в диалоге обозначают *та пальёс* (букв. те, кто с моей стороны) и *со пальёс* (букв. те, кто с другой стороны).

Таким образом, ориентация в пространстве, время осуществления действий во многом подчиняются традиционным удмуртским поверьям, которые в свою очередь оказывают влияние на коммуникативное поведение.

2.4. Гостинцы и подарки как способ невербальной коммуникации

Согласно К. Леви-Строссу, одним из уровней коммуникации является «коммуникация имущества и услуг», которая подразумевает разные виды обмена материальными предметами и осуществление взаимных действий [Леви-Стросс 1983: 266]. Особенности коммуникации посредством обмена вещей в свою очередь были изучены также М. Моссом и нашли отражение в его работе «Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах», где безвозмездное дарение и система договорных подарков представлены им как один из способов установления коммуникативного контакта, налаживание отношений, знак признательности, показатель престижа, социального статуса и т. д. [Мосс 2011: 150–151].

Опыт обмена подарками и гостинцами имеется и в удмуртском коммуникативном пространстве. Наиболее часто эта традиция встречается во время календарно-обрядовых праздников, гостеваний, а также ритуалов.

Дары, которые приносят с собой гости, а также дары, раздаваемые принимающей стороной, называются *салам* (букв. гостинец). Как отмечает

Е. Я. Трофимова, «гостинец (салам) должен быть не слишком велик, но и не мал. *Бадзым сйлы уг луы* (Большой – ценным не бывает). В традиционном обществе наиболее подходящей считалась замороженная тушка гуся» [Трофимова 1989: 22]. Дары, приуроченные к какому-либо празднику, событию или в благодарность за услугу называют – *кузьым* (подарок).

По мнению современных хозяек, сторона, принимающая гостей, провозжая их, чаще всего отправляет детям гостинцы: «*Пиналгёслы обычно салам келяське. Если пиналгёссэс өз ке басьтэ сьбразы, соку обязательно. Конфет яке пряник понйське, фруктаос мар тыриськод. Пиналгёслы со шумпотон луэ*» (Обычно детям гостинцы отправляют. Если детей с собой не взяли тогда обязательно. Конфеты или пряники отправляют, фрукты можно положить. Для детей это радость) [ПМА, 2010. Козьмина Е. П., п. Лынга]. Гостинцы могут отправлять и взрослым: «*Допустим, адями за рулём. Ваньзы юо, а солы – нельзя. Сыче муртлы бутылка сьбраз обычно келяське. Гуртаз бертоз – юоз, о-о ведь*» (Допустим, человек за рулём. Все пьют, а ему – нельзя. Такому человеку бутылку обычно с собой отправляют. Приедет домой – выпьет, так ведь) [ПМА, 2009. Тронин В. А., с. Пыбья]. «*Кышномуртгёс ог-огзылы пыжиськемгёс келяло. Кин ке маке выль рецепт шедьте ке дак, кызьы уд келя? Каждой хозяйкалэн пыжиськемезлэн мукет шймыз луэ*» (Женщины друг другу отправляют выпечку. Если кто-нибудь ещё новый рецепт найдёт – как не отправишь? У разных хозяек выпечка имеет разный вкус) [ПМА, 2010. Ермачева Е. В., д. Юдрук].

Сами гости тоже приходят не с пустыми руками. В зависимости от события, послужившего поводом для приглашения, принято подбирать разные подарки и гостинцы. Если просто захотелось повидаться с родственниками и особого семейного торжества не ожидается, то обычно берут с собой в качестве гостинца – продукты, которые потом можно будет употребить во время общего застолья: «*Туала куное буи кыын уг ветло. Всё равно маке-маке басьтйське магазиньсь жёк вылэ понон нялтаз: конфет, тортгёс маргёс, печенья*» (Сегодня с пустыми руками в гости уже никто не ходит. Всё равно что-то да в магазине покупаешь, чтобы на стол поставить: конфеты, торты, печенья) [ПМА, 2016. Чиркова Э. А., п. Игра].

На новоселье (*корка пырон*), помимо гостинцев, принято обязательно дарить подарки: «*Корка пырон дырдя кузьмаське вал пыжем нянь яке шаньги. Соосты жёк вылэ понйське, корка пырисьёслэн улонзы мед нянэ луоз, сиёнзы медаз жёк вылысьтызы бырылы. Майтал но чушкон ки миськон азе понйське – чылкыт но жсыкыт мед улозы, пуктэм корказы*

мед кема чидалоз» (На новоселье принято было дарить выпечку: хлеб или шаньги. Их кладут на стол, чтобы у новосёлов жизнь была хлебная, а на столе всегда была еда. Мыло и полотенце кладутся у раковины, чтобы новосёлы жили в чистоте и порядке, чтобы построенный дом прослужил долгие годы) [ПМА, 2009. Волкова Ф. Л., с. Пыбья].

У городских удмуртов в этом случае принято дарить деньги: *«Туала выль квартира басьто ке, со, по любому, ипотекаэк не обошлось. Соин ик обычно коньдон сётиське. Хозяиньёсыз асьэос малпалозы, кытчы соосты поныны. Может, ипотеказэс тырозы, может, кыче ке но кулэ арбери басьтозы. Соос хозяйствозэс всё равно умойгес тодо»* (Сегодня, если покупают новую квартиру, то обязательно без ипотеки это не обошлось. Поэтому обычно дарят деньги. Хозяева сами решат, как их потратить. Может, заплатят платёж ипотеки, может, нужную вещь купят. Они всё равно своё хозяйство лучше знают) [ПМА, 2017. Докучаев В. П., г. Глазов].

Проводы в армию повсеместно являются поводом для встречи родных и близких. В этом случае приглашённые непременно брали с собой полотенце и бутылку с самогоном или купленным алкоголем.

«Армие келяку, чушкон сётиське, куддырья кин ке коньдон сётэ вал. Обычно чушконэз рекрутлэн чыртяз оишське, кылъёс мар вераське» (Во время проводов в армию принято дарить полотенце. Иногда некоторые дарили деньги. Во время дарения полотенце вешается на шею новобранца, произносятся пожелания) [ПМА 2011. Волкова Р. С., с. Пыбья].

«Чушкон сётиськод но вераськод, службаез капчи мед ортчоз, командиръёсыз обижать медаз каре, умой зыёс мед шедёзы. Таза воргорон луыса, мед бертоз» (Даришь полотенце и говоришь, чтобы служба удачно прошла, командиры не обижали, хорошие друзья чтобы попались. Крепким мужчиной чтобы в армии стал) [ПМА, 2010. Чиркова В. Е., д. Узей-Тукля].

«Мынам кылэме вань, мыйыос шуо вал дэра чушкон обязательно мед луоз. Со, пе, вольят, сыче ик рекрутлэн сюресез но мед луоз» (Я слышала, что пожилые говорили о том, что полотенце должно быть обязательно домотканное. Оно ровное, гладкое, чтобы такой же была дорога новобранца) [ПМА, 2011. Поздеева Г. Г., с. Пыбья].

Как вспоминают респонденты северных районов Удмуртии, в 1960–1980-е годы принято было дарить полотенца, вышитые крестиком, вручную. Вышивались они женской половиной родственников (мама, сёстры, тёти, крёстные мамы). В 1990 – начале 2000-х стали дарить полотенца покупные, без вышивки, а также появляются особые полотенца-подарки,

которые украшались рисунками и разнообразными пожеланиями, выполненными шариковой ручкой. Обычно подобные подарки новобранец получал со стороны своих друзей.

В Завьяловском районе новобранцу дарят платки. После того, как юноша получает повестку, родственники и друзья приглашают его в гости. В каждом доме по традиции женщины и девушки дарят новобранцу свой головной платок, как символ того, что его будут ждать в этом доме. После возвращения из армии, юноша возвращает этот платок хозяйке [ПМА, 2019. Рогожникова Ю. Г., д. Троицкое].

Другой набор подарков связан с рождением ребёнка (*пинал пыртон, каша, зубоке ветлон*): «*Пинал пыртонэ ке тонэ ѓтё, обязательно събрад пара чечытуны басьтоно. Пиналлэн, пе, улонэз парай мед луоз. Если тонэ ке кирсное бырьё, соку тыныд жёк вамен пиналэз кутано луоз. Гольык ки вылэ, пе, сое уг яра кутыны, соин ик тэбет яке дйсь пичыльтык басьтоно. Со вылэ пиналэз понозы. Улонэз узыр мед луоз, шуыса дыр*» (Если тебя пригласили на крестины, в качестве подарка обязательно нужно взять две чайные ложки. Они символизируют пожелание, чтобы ребёнок, повзрослев, нашёл себе пару для создания семьи. Если выбрали в крёстные, тогда ребёнка тебе через стол будут передавать, но голыми руками брать его нельзя, поэтому нужно купить либо пелёнку, либо детскую одежду. На это и ребенка положат. Это делается для того, чтобы жил он в материальном достатке) [ПМА, 2012. Русских Н. П., с. Пыбья].

По воспоминаниям респондентов 1940–1960-х годов рождения, на свадьбу в основном дарили подарки, которые так или иначе должны были пригодиться молодым в их самостоятельном хозяйстве:

«*Ну, маро сюанэ сётъяло вал? Басма, посуда, кин мар быгатэ вал. Кин ке ас куэм половиктьёссэ но кузьмаз вал. Егитъёслы со ваньмыз кулэ луэ*» (Что на свадьбу дарили? Ткань, посуду, кто что мог. Кто-то половики ткал и дарил. Молодым это всё пригодится) [ПМА, 2011. Ермачёва Е. В., д. Юдрук].

«*Егитъёслы мар кулэ луоз выль улоназы, сое ик обычно сёто вал. Азьло басьтыны номыр но уд шедьтйськы вал, коньдон но йёскадь ой вал, соин ик кин мар быгатэ вал, сое ик сётэ вал. Мар бен сёто вал: пододеяльникъёс мар, валес котыр сёто вал, басма, чушконъёс, посуда*» (Что молодым пригодится в их новой жизни, это обычно и дарили. Раньше же нечего было покупать, ничего не найдёшь, денег-то не было, поэтому кто что мог, то и давал. Обычно дарили пододеяльники, постельное бельё, отрез ткани, полотенца, посуду) [ПМА, 2010. Волкова Р. С., с. Пыбья].

Сегодня, делаясь размышлениями респонденты, на свадьбу принято дарить конверты с деньгами: *«Со азьло номыр басътыны уд шедьтійськы вал. А али котьмар можно басътыны, коньдонэд гинэ мед луоз. Соин ик, дыр, коньдон кузьмало в основном. Тани милям пимылэн сюанамы олома мында пылесосъёс, кастрюляосысь набор кузьмазы. Кытчы соосты тырод? Особо уг кул но кадъ»* (Это раньше сложно было что-то купить, поэтому старались вещами отдавать. А сейчас-то ведь можно купить что угодно, лишь бы деньги были. Поэтому, наверное, в основном деньгами дарят. Вот у нас на свадьбе сына несколько пылесосов подарили и несколько наборов кастрюль. Куда это всё сложишь? Особенно и не нужны они) [ПМА, 2010. Балезинский район, п. Балезино].

«Большинство молодожёнов сегодня после свадьбы отправляются в свадебное путешествие, поэтому лучше дарить им деньги» [ПМА, 2018. Трофимова Н. В., г. Ижевск].

На день рождения сегодня принято дарить подарки, которые связаны с увлечениями именинника, или деньги, чтобы он приобрёл то, что ему нужно. Как отмечает большинство молодых респондентов, в подарке главное – утилитарность, чтобы подарок пригодился имениннику. Поэтому нет ничего зазорного в том, чтобы спросить у виновника торжества о его мечте, что ему необходимо: *«Чем дарить безделушку, которая будет где-то пылиться, лучше спросить и подарить то, что действительно пригодится»* [ПМА, 2010. Данилова М. В., г. Ижевск]. Таким образом взрослые «заказывают» себе подарок на день рождения. Что касается детей, то для них по-прежнему подарок остаётся сюрпризом. Потому родители и родственники предпочитают проявить максимум изобретательности, для того чтобы порадовать малыша.

Светские календарные праздники также предполагают обмен подарками. Здесь подарки носят символический характер, выступая в качестве знака внимания: *«Подарки, подаренные ко Дню защитника Отечества, на Международный женский день, Новый год, на профессиональный праздник коллегам, обычно бывают чисто символическими и небольшими. Например, ручки, блокноты, мыло и т. д. Тут ведь главное показать, что ты помнишь и не забыл о людях в этот праздник»* [ПМА, 2010. Питилёва Е. В., с. Сюнси].

По воспоминаниям респондентов старшего поколения, на религиозно-обрядовые праздники не принято было дарить подарки, но если приходили гости, то их усаживали за стол и угощали. Так, например, во время святочных гуляний (*вожодыр*) ряженных, зашедших в дом,

старались угостить, отправить им гостинец в виде выпечки, сладостей. До сегодняшнего дня существует поверие, что если ряженные заходят в дом, то они приносят с собой счастье, удачу на весь предстоящий год, а чем щедрее их угостишь, тем богаче будет урожай. На Пасху обычно крёстные родители дарят своим крестникам пасхальное яйцо с пожеланиями счастья и добра. Яйцо в этом случае символизирует возрождение новой, благополучной жизни.

Отдельно стоит упомянуть о похоронно-поминальных обрядах. Так, с поминок и похорон гостинцы не отправляют. Если идут на похороны, то обычно с собой берут выпечку и алкоголь. Допустимо давать присутствующим символические «подарки», например, носовики на память об умершем. Тем, кто обмывал покойного, копал могилу и тем, кто помогал семье в организации похорон, чаще всего дают либо деньги, либо полотенце.

«Похоронные мыныку, обычно пыжос басьтиське съёрад. Мынам кылэме вань, что со пумысен тесто пуктыкуд, тествод но уг удалты, шаньгиосыд уг лёпто, колзо кадь луо. Бутылка вина басьтиське на» (Когда на похороны идёшь, то с собой берёшь выпечку. Я слышала, что когда по этому поводу тесто ставишь, тесто не получается, шаньги не поднимаются и не пропекаются до конца. Ещё бутылку берут с собой) [ПМА, 2010. Волкова Ф. Л., с. Пыбья].

«Милям тани гроб вамен лыктэмьёслы носовикъёсты сётъяло. Со носовикъёсты обычно магазиньсь басьто и шуо, что мед, пе, соос лыктэмьёслы лучше уз окме, чем кылёзы» (У нас на похоронах всем присутствующим через гроб дают носовики. Их обычно в магазине покупают и говорят, что лучше пусть их не хватит) [ПМА, 2012. Тронина О. А., с. Пыбья].

«Тем, кто копал могилу, нёс гроб, обычно дают полотенце или деньги, небольшую символическую сумму. Их ещё приглашают потом на поминки» [ПМА, 2018. Копысов С. Н., с. Вавож].

Существуют также дары потусторонним силам и духам иных миров, природы, выполняющим функцию откупа и дающим право на совершение какого-либо действия: *«Тани адыми или пудоживот нюлэскын йыромоме ке, соосты, пе, нюлэсмурт нуллэ и уг лэзыы гуртэ бертыны. Соку мильым пыжоно, но курег пуз пёзътоно. Соосты нюлэскы нуоно но кельтоно отчы. Соку, пе, сразу адыми, но пудо-животъёс но шедё»* (Если человек или домашние животные в лесу начинают блуждать, то, говорят, будто их леший водит и домой не пускает. В таких ситуациях нужно испечь блины и сварить яйца. Унести это в лес и там оставить. Тогда сразу и животные, и люди находятся) [ПМА, 2010. Поздеева Г. Г., с. Пыбья].

Есть предметы, которые не принято дарить, а потому их неприятно получать в качестве подарка. К таковым относятся ножи: *«Пуртъёсты уг кузьмало нокы́че праздникъёслы, сы́че кузьым, пе, уродлы. А если вдруг тыныд пурт кузьмало, соку, пе, кузьмасълы корт коньдон сётоно»* (Ножи никогда не дарят ни на какие праздники, этот подарок не сулит ничего хорошего. А если вдруг всё-таки подарили ножи, то нужно дать взамен металлические монеты) [ПМА, 2011. Поздеева Г. Г., с. Пыбья].

«Говорят, что нельзя дарить часы. Они как будто приближают смерть и отсчитывают последние минуты жизни» [ПМА, 2010. Данилова М. В., г. Ижевск].

«Говорят, что нельзя дарить букет из чётного количества цветов и носки. Это как покойнику. Нельзя дарить носовые платки – это к слезам» [ПМА, 2010. Князева Н. Н., д. Нурызово].

«Мынам кылэме вань, даже если тон выль посуда басьтйд аслыд или кузьмасъкод кинлы ке, сое тырттэм өвёл кельтоно, пушказ маке ке но пононо» (Я слышала, что если ты покупаешь новую посуду себе или даришь кому-то, она не должна быть пустой, в неё нужно что-то положить) [ПМА, 2014. Русских Н. П., с. Пыбья].

Таким образом, подарки и гостинцы являются неотъемлемым компонентом невербальной коммуникации, отражающим особенности этнического менталитета и традиций. Они способствуют становлению, упрочению, а в некоторых ситуациях и возрождению дружеских чувств между коммуникантами. В сознании удмуртов гостинцы обычно ассоциируются с пищей, принесённой в дар. Это бескорыстная форма дара, которая в большинстве случаев не предполагает обязательного сиюминутного ответного гостинца со стороны получателя. Исключением считается случаи, когда гостинцы принесены в посуде, которую нужно вернуть хозяйке: *«Тани пыжиськемез потто ке тэркыын или заготовкаосты банкаосын, со посудаэз берыктыны кулэ, а тырттэм посуда адымылы нокуну өвёл обратно сётоно. Отчы пичьльтык гинэ но марке пононо. Тэркые, кудаз пыжиськем тыныд келязы, пыжиськем ик пононо яке магазиньсь басьтэм ческыт сиён, чай юонъёсты. Если тыныд йёл вайылызы, соку посудае шорем нянь, скаллы шуса, понйське»* (Если выпечку приносят в тарелке или заготовки в банке, эту посуду нужно вернуть, а пустую посуду обратно никогда не возвращают. Туда чуть-чуть да надо чего-то положить. В тарелку, в которой принесли выпечку, кладётся в ответ выпечка или купленная в магазине вкусная еда, что-нибудь к чаю. Если тебе молоко приносили, тогда в посуду

кладётся кусок хлеба в благодарность корове за молоко) [ПМА, 2014. Русских Н. П., с. Пыбья].

Подарки, напротив, выражаясь словами М. Мосса, «обязывают к определенному сроку» [Мосс 2011: 195]. Это находит подтверждение и в удмуртской коммуникации. Получатель подарка должен вручить ответный дар. При этом ответный дар должен быть соразмерен или больше вручённого. В противном случае общественное мнение может «за глаза» осудить нарушителя обмена, назвав его скупым и жадным: *«Вордскем нуналэныд ке тонэ жечкылаз адыми, значит, обязательно сое тоже жечкыламо. Пиналдэ ке жечкылаз со, значит, солэсь но пиналзэ жечкыламо. Подарок ке тыныд кузьмазы, тон но должен подарок кузьманы. А куддыръя вунэйтйське ук, вот соку туж возьыт луэ со адымылы синмаз но учкыны»* (Если тебя человек поздравил с днём рождения, значит, обязательно его тоже надо поздравить. Если он твоего ребёнка поздравил, значит, и его ребёнка надо поздравить. Если тебе вручили подарок, то в ответ ты тоже должен сделать подарок. Иногда забываешь это сделать, вот тогда стыдно становится даже в глаза этому человеку смотреть) [ПМА, 2012. Иванова Т. В., с. Пыбья].

Подарки и гостинцы выступают одним из способов повышения авторитета удмурта в глазах социального окружения: *«Тон адымиослы сётйськод ке, соос но бёрысь сётозы но, юрттозы но»* (Если ты людям отдаёшь, то и они потом тебе и дадут, и помогут) [ПМА, 2019. Корепанова А. П., с. Вавож].

«Приятно же всё равно гостинцы и подарки получать, сразу думаешь, какой человек замечательный, тебя порадовал. Хочется в ответ ему тоже что-то хорошее сделать» [ПМА, 2010. Данилова М. В., г. Ижевск].

Подарки, в качестве которых выступают материальные вещи, в процессе коммуникации зачастую приобретают символическое значение. Например, льняное полотенце, подаренное новобранцу, становится символом дальней и ровной дороги, которая приведёт к успешной службе. Пара чайных ложек, подаренная малышу, – символ будущей жизни в окружении семьи и друзей. Каравай хлеба, преподнесённый новосёлам, – символ материального достатка. Но необходимо отметить, что сегодня символическая сторона подарков предаётся забвению, уступая место утилитарному характеру и деньгам, как универсальному подарку на все случаи жизни.

«Если тебя в гости пригласили на день рождения, крестины или свадьбу, тогда обязательно нужно подарок нести. Самый лучший

подарок сегодня – деньги. Их всегда всем не хватает, их никогда много не бывает» [ПМА, 2010. Буркова Е. М., г. Ижевск].

«Куное съорад пыжиськемъёс мар басътійськод, конфет магазиньсь. А подарок ке нуоно, али уд но валалля, мар басътыны, соин ик коньдон конвертэ понійськод но всё» (Когда идёшь в гости, обычно выпечку с собой берёшь, конфеты из магазина. А если предполагается дарение подарка, то тут сегодня и не поймёшь, что дарить, поэтому кладёшь деньги в конверт и всё) [ПМА, 2012. Тронина О. А., с. Пыбья].

2.5. Ситуативная модель невербального коммуникативного поведения удмуртов

На основе собранных нами невербальных символов и знаков мы попытались построить ситуативную модель невербального коммуникативного поведения современных удмуртов. Более подробно рассмотрим основные параметры их функционирования в культуре.

Взгляд

В удмуртском общении взгляд несёт на себе знаковую коммуникативную нагрузку. Со знакомыми людьми удмурты очень часто ведут беседу лицом к лицу, интенсивно смотрят на собеседника. По народным представлениям, человек, избегающий прямого контакта глазами, либо врёт, либо что-то скрывает. А если он долго смотрит в одну точку, значит, он о чём-то задумался. В то же время, по мнению респондентов, не принято откровенно и пристально рассматривать незнакомца, например, в общественном транспорте, на улице. Это неприлично, поэтому они резко отводят глаза, когда их взгляд встречается со взглядом объекта внимания [ПМА 2011–2019. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

В результате наблюдения нами была замечена привычка удмуртов открыто рассматривать чужие вещи, привлёкшие их внимание (кошелёк, книга, сумка и т. д.), но длится это лишь до тех пор, пока хозяин вещи не заметит такого внимания. Взгляд, после которого можно вступить в контакт, у удмуртов, длится недолго. Обычно, по ощущению респондентов, если взгляд человека задерживается на лице другого в течение

3–4 секунд, то это соужит сигналом того, что у вас что-то хотят спросить / попросить или вас узнали [ПМА, 2010–2011. Зафиксировано в г. Глазове, г. Ижевске, г. Можге]. Допускается указание глазами на какой-либо, чтобы незаметно привлечь внимание на него.

Физический контакт в ходе общения

В удмуртской коммуникативной культуре физический контакт допустим лишь в среде хорошо знакомых людей, родственников, при этом в большей степени – между собеседниками одного пола. По мнению респондентов, физический контакт в пространстве собеседников разных полов может присутствовать лишь в том случае, если между контактирующими имеется большая возрастная разница (один из субъектов годится в матери или в отцы другому), или они являются близкими родственниками. Допустимым он считается и у молодёжи, причём здесь возраст и пол не играют большой роли, на первое место выходит степень знакомства и дружеских отношений.

Среди населения Удмуртии, в том числе удмуртов, широко распространён *ритуал рукопожатия*. Рукопожатие при встрече, прощании, знакомстве является преимущественно мужским жестом, распространённым среди всех возрастов. В неофициальном мужском общении длительность рукопожатия во многом зависит от степени доверительности и приязни общающихся: чем ближе они по духу и мироощущению, чем теснее их родственные связи, тем длительнее рукопожатие. Такое рукопожатие может даже перейти в объятие и похлопывание по спине, но только в том случае, если они родственники или близкие друзья.

Рукопожатие осуществляется между знакомыми людьми, с незнакомыми – лишь во время знакомства. Считается недопустимым мужчине первому подавать руку для рукопожатия женщине. Последняя воспримет этот жест с недоумением, особенно если он будет исходить от незнакомца. Удмурткам подобный ритуал приветствия не очень нравится. Они считают его чисто мужским и не совсем гигиеничным, поэтому предпочитают обходиться простым вербальным приветствием: *«Киын пиосъёс гинэ кадь зечбурьясько. Обычно кишномурт пиосмуртэн озыы уг зечбурьясько. “Зечбур” шуса вазё ог-огзылы но вот. Оло малы вылды. Ну, может, али егитьёс зечбурьясько, но мон уг тодйськы сычезэ»* (За руку вроде бы только мужчины здороваются. Обычно женщина с мужчиной

так не здороваются. Приветствуют друг друга словом «здравствуй» и всё. Даже не знаю почему. Ну, может, сейчас молодёжь так здоровается, но я такого не знаю) [ПМА, 2011. Власова Л. Я., д. Александрово].

«Пиосмурт мыным кизэ жечбурьяськыны мыче ке, мон пыр ас поннам малпасько, миськемын-а со кыыз, өвөл-а. Кудъёсызлэсь даже юрдйсько» (Если мужчина подаёт мне руку для приветствия, я постоянно думаю, мыл ли он сегодня руки. Пожимать руку некоторых я брезгую) [ПМА, 2011. Можгинский район, д. Большие Сибь]. Недопустим ритуал рукопожатия во время похорон, особенно после возвращения с кладбища [ПМА. Зафиксировано во всех исследуемых районах].

Частые физические контакты допускаются в процессе воспитания между детьми и родителями. Так, Г. Е. Верещагин описывал следующим образом контакт отца и ребёнка: «Если дитя в состоянии стоять, отец из ласки к нему качает его таким образом: ставит дитя на ступню своей правой ноги, держа ребёнка за предплечья рук, и попеременно то приподнимает ступню кверху, то опускает вниз; дитя от удовольствия смеётся и хохочет, глядя в глаза отцу, а отец, чтобы развеселить дитя более, слегка посвистывает, когда приподнимает ступню ноги кверху» [Верещагин 1886: 43]. Мать в свою очередь выражает ласку своему ребёнку посредством «трепаний по спинке, глаженья по головке» [Верещагин 1886: 43]. Г. А. Никитина отмечает, что отец мог усадить ребёнка на колени и слегка пошекочивать, делая вид, что играет на гармошке. Телесные наказания являлись крайней мерой, чаще всего прибегали к запугиваниям: «будешь плакать, отдам цыганам / русскому / татарину (бёрдйид на ке, чиганлы яке зучлы, бигерлы сётю)» [Никитина 1997: 28].

Современные удмурты выражают ласку к ребёнку через похлопывания по спине (*тыбырзэ вешан*), поглаживание головы (*йырзэ маялян*), поцелуй (*чупам*). Наказывают чаще всего словесным порицанием или запугиваниями: «Ай-яй-яй, малы тон бёрдйськод? Калыкез токма кышкатйськод. Мар калык тон сярись малпалоз? “Бёрдйсь куянн” шуозы ук» (Ай-яй-яй, почему ты плачешь? Только людей зря пугаешь. Что люди о тебе подумают? Скажут, что ты – плачущий телёнок) [ПМА, 2013. Главатских Г. А., п. Кез]. «Дугды бёрдэмысь, ато тонэ зичы нюлэскы нуоз» (Перестань плакать, а то тебя лиса в лес унесёт) [ПМА, 2009. Степанова Г. А., с. Дебёсы]. «Ойдо дугды ни бёрдэмысь, а то тонэ чиганъёс сьбразы нуозы» (Хватит плакать, а то тебя цыгане заберут) [ПМА, 2010. Кириллов К. И., с. Алнаши].

Телесные наказания, как и раньше, считаются крайней мерой. Обычно это происходит в тех случаях, когда ребёнок сильно провинился. Современные удмурты допускают *шлѣпать детей* по голове, по лицу, по попе, но в пределах разумного:

«Ну, а как не шлѣпнешь, если ребёнок палку перегибает? Конечно, не нужно его калечить, но шлѣпнуть слегка для того, чтобы он понял, что что-то не то делает – это нормально» [ПМА, 2011. Ураков В. В., г. Глазов].

«Туала, шуо ук, пинальѣс борды ѓжыт но, пе, йѓтскылыны уг яра, уг яра соосты ужсатыны. Нош мон малпанъя, кызы соосты улонлы дышетод соку? Соос соин ук азытэмесь будо, мумыоссылэн-бубыоссылэн йыр вылазы тубо, котьма но йыртэмало. Кызы соосты дугдытод? Соос куддыръя кыльѣсты уг валало. Вот соку одйг пол сйтяназ лачкытод, солэн визьмыз сразу ужсаны кутскоз» (Сегодня говорят же, что к детям даже прикасаться нельзя, нельзя заставлять их работать. Но, на мой взгляд, как их жизни учить потом? Они потому и такие ленивые растут, своим родителям взбираются на голову, что попало творят. Как их остановишь? Они иногда и слов то не понимают. Вот тогда один раз по попе шлѣпнешь, у них сразу мозг начинает работать) [ПМА, 2011. Огородникова Е. М., д. Узей-Тукля].

«Мыным папе пыр вералляз: йыртйд ке уг пыры, сйтянтйд пыроз ѓжоггес» (Мне отец всегда говорил: если в голову не лезет, то через попу быстрее поймѣшь) [ПМА, 2016. Андреев А. М., д. Кузубаево].

Прикасаться к собеседнику рукой можно в тех случаях, если общающиеся хорошо знакомы, находятся в дружеских отношениях или являются родственниками. Считаются допустимыми касания кисти собеседника (*китйз кутыны*), взятие его под ручку (*кумбыртыны, кунултыны*), погладить его по плечу. В такой ситуации прикосновение демонстрирует положительное эмоциональное отношение к собеседнику, стремление установить и поддержать контакт с ним, усилить эмоциональное воздействие речи, придать ей характер достоверности и искренности.

Городские удмурты, в отличие от сельских, при ходьбе располагаются очень близко друг к другу, не боятся прикосновений корпусом при поездках в транспорте, в очередях: *«В часы пик, когда общественный транспорт переполнен, уж никуда не денешься, так и стоишь нос к носу, плечом к плечу с незнакомыми мужчинами и женщинами. Неприятно, конечно, особенно когда от рядом стоящего человека воняет либо потом, либо перегаром, либо слишком сильно надушился. Но ведь никуда*

не денешься, приходится терпеть» [ПМА, 2016. г. Ижевск]. Удмурты-селяне, напротив, будут соблюдать дистанцию, стараясь отойти подальше от малознакомого или незнакомого человека: «*Ой, мон уг яратиськы, мурт адыми бордам ик султэ ке, мон обычно палэнгес султыны турскисько. Автобус витъыкум но, остановкаын сьлїсько ке, палэнгес турскисько султыны*» (Ой, мне не нравится, если незнакомый человек рядом со мной становится, я обычно стараюсь отойти в сторону. Когда на остановке жду автобус, тоже стараюсь отойти подальше) [ПМА, 2016. Кезский район, п. Кез].

Тем не менее, и те, и другие терпеливо переносят давку, скученность, не избегают очередей: «*Ма очередьын сьлїське ни! Чидалод ни, особенно больницаын. Отын наоборот матынгес султїське ни, уд но учкїськы, тодмо-а, тодмотэм-а, черёддэ гинэ медам ышты, да медам кыльы очередедлэсь. Ёс борды матынгэс султїськод, ато ведь в наглуу азыпалад пырїсьёсыд но трос луу*» (Ой, в очереди так и стоишь! Терпишь уже, особенно в больнице. Там наоборот поближе становишься, уже не смотришь знакомый или незнакомый, только бы место в очереди не потерять, да свою очерёдность не пропустить. Стараешься встать поближе к двери, а то ведь в наглуу вперёд без очереди многие лезут) [ПМА, 2011. Иванова Т. В., с. Пыбья]. Терпению может прийти конец лишь в тот момент, когда кто-то грубо нарушит установленный порядок. Здесь удмурты могут не сдержат своей агрессии, обрушив её на нарушителя, пытаясь восстановить справедливость, или становятся подстрекателями тех, кто бойчее и находится недалеко от них [ПМА. Результаты наблюдений в Балезинском районе].

Проходя через толпу, городские удмурты редко используют руки: не дотрагиваются до плеч, рук находящихся на их пути незнакомцев, побуждая их пропустить. Принято прокладывать себе дорогу слегка развёрнутым корпусом, выдвинутым вперёд плечом, вербально сопровождая движение просьбой пропустить: «*Обычно просто проталкиваешься, стараешься протиснуться через толпу людей, просишь пропустить. Но сейчас ведь не доорёшься ни до кого – у всех наушники в ушах, пока не толкнёшь и не поймут, что тебе пройти нужно*» [ПМА, 2010. Данилова М. В., г. Ижевск]. Сельские удмурты, оказавшись в толпе, будут стараться обходить людей, не прикасаясь к ним, но, в крайнем случае, когда плотность толпы высокая, их стратегия поведения будет схожа с городскими удмуртами.

В переполненном незнакомыми людьми помещении (особенно на торжествах и приёмах) удмурт чувствует себя неуютно, он замыкается

в себе и старается поскорее найти знакомое лицо: «Мон уг яратійськы ветлыны отчы, кытын мынам тодмоосы уг луо» (Я не люблю ходить туда, где нет моих знакомых) [ПМА, 2015. Можгинский район, с. Большая Уча].

«Ўемгес но мон уг мыніськы отчы, кытын мынам тодмоосы уг луо, мар-о мон огнам отын лэсты. Мыным отын мōзмыт луэ, но мон пыр керпотыса улійсько» (Чаше всего я не хожу туда, где у меня нет знакомых, что я там в одиночку буду делать? Мне там бывает скучно, и я чувствую себя неловко) [ПМА, 2009. Степанов В. П., с. Дебёсы]. Ситуация меняется, если он находится в окружении знакомых: удмурта словно подменяют, он активно общается со всеми, шутит, на душе у него возникает ощущение праздника.

«В поездках и на кораблях представителей западной культуры музыка раздражает, а русским она нравится, так как создаёт праздничное настроение» [Прохоров, Стернин 2006: 160]. В этом удмурты молодого и среднего возраста во многом схожи с русскими, которые также воспринимают музыку как развлечение в дороге. Что касается удмуртов пожилого возраста, ими музыка часто воспринимается как раздражитель и источник головных болей: «Ойы, со музыка шуонзэс включитьто но, ну, шумпото уг. Ай эшио кыче кесяськыто на сое! А отын мелодиез но ѓвѓл тырк-тырк йыгам сяна, кырзасез но кырзаны нѓжсяса уг быгаты, стихи кадь вера, сю пол одно и тоже повторить каре. Кыче со кырзан? Йыр гинэ солэсь висыны кутске. Лучше чал-чал ул но вот» (Ойы, ведь включают это то, что они музыкой называют, и радуются. А ведь ещё на полную громкость включают! А там и мелодии-то нет, кроме того, что тырк-тырк стучит, даже певец не может протяжно петь, как стихи рассказывает, сто раз одно и то же повторяет. Какая это может быть песня? Голова только от этого болеть начинает. Лучше бы в тишине жили) [ПМА, 2011. Уракова Ю. П., д. Качкашур].

Манипуляция предметами

Манипуляции предметами во время разговора воспринимаются по-разному, в зависимости от контекста. Так, например, если человек во время разговора смотрит в глаза, что-то говорит, но при этом продолжает мять листочек бумаги, разгибать или сгибать скрепку и т. д., – это признак сильного волнения [ПМА. Зафиксированов в Кезском, Глазовском,

Алнашском районах]. В остальных случаях манипуляции с предметами будут восприниматься как неуважение к собеседнику, незаинтересованность в общении. Особенно негативно расценивается использование сотового телефона, например, «залипание в телефоне», постоянная отправка сообщений и т. д.: *«Мон малпанъя, адыми телефонзэ поттїз ке и отын маке чиньыеныз нюръя, отчы учке, значит, со озьы возьматэ, что солы телефонзэ интереснойгес потэ, чем вераськон. Со телефонзэ большегес яратэ, чем муртэз, кудїныз со вераське»* (Я думаю, что, если человек вытащил свой телефон во время разговора и там начинает что-то пальцем нажимать, туда смотрит, значит, он так показывает, что ему телефон интереснее кажется, чем беседа. Значит, он телефон больше любит, чем человека, с которым общается) [ПМА, 2016. Главатских М. В., п. Кез].

«Мон трос ар кузя дышетїсь луыса ужай, так вот мон верало, пиналын вераськыку, со ас ужьёссэ лэсьтэ ке: суреда, телевизор учке яке тефоназ бугырьяське, тодэ – со тїледыз уг кылы. Озьы ик бадзьым муртїёсын но, если соос тїледыз сак уг кылдїсько синме учкыса, а телефонїёсынызы выро, мукет пала учко – соос тїледыз уг кыло» (Я много лет работала учителем, так вот я скажу, что если вы с ребёнком разговариваете, а он при этом продолжает заниматься своими делами, например, рисует, телевизор смотрит или в телефоне своем копается, знайте – он вас не слышит. Так и со взрослыми, если они вас внимательно не слушают, глядя в глаза, а с телефонами возятся, смотрят в другую сторону – они вас не слушают) [ПМА, 2010. Максимова Р. И., д. Азаматово].

«А я вот иногда, когда мне разговор уже надоел, специально начинаю в телефоне копаться или делаю вид, что мне позвонили, лишь бы только от меня отстали» [ПМА, 2017. Сычугов К. А., п. Балезино].

Выбор места общения

По признаниям респондентов, выбор места общения обычно не принципиален, так как ты никогда не знаешь, где застанет разговор двух собеседников: *«Чемысь адымиен вераськыны срочно кулэ луэ ке, соку кытын тон сое шедьтїд, отын ик вераськиськод»* (Часто, когда нужно срочно поговорить с человеком, где ты его застанешь, там и разговариваешь) [ПМА, 2012. Ураков В. С., г. Глазов]. *«Ма кылды тупаз ке, уд ни малпаськиськы, кытын вераськиськод»* (Если увлеклись разговором, то уже не думаешь, в каком месте ты разговариваешь) [ПМА, 2012.

Князев Ю. В., д. Нурызово]. *«Ну, чѐмгес, конечно, мон уг бырйиськы юри инты, но, например, туалет дорын вераськыса сылыны со туж неприятно, дыр, луоз»* (Зачастую я, конечно, не выбираю специальное место для разговора, но, например, стоять и разговаривать возле туалета будет очень неприятно) [ПМА, 2009. Кизнерский район, д. Безменшур]. Но в одном респонденты единодушны, что самое лучшее место общения – за столом. За ним все сидят на одном уровне, все могут видеть лица друг друга. Трапеза за столом уходит на второй план, главным становится процесс общения: *«Ой, куноос лыктоно ке, ну, хозяйкае кутске ук дасяськын, всё пѐра, пѐра, медам, пе, калыкмы кѐтсы сюмаса кошке, ваньзылы, пе, мед тырмоз. А мон пыр малпасько, куное сиськыны гинэ-а мара ветло? Овѐл ук! Адскыны шуыса лыкто, вераськыны, тодыны, кыче мар мукетъёсыз уло»* (Ой, когда гости должны прийти, ну моя хозяйка (жена) начинает готовиться, всё стряпает и стряпает, дескать, чтобы люди голодными от нас не ушли, чтобы всем всего хватило. А я вот всегда думаю, люди только покушать в гости к нам ходят что ли? Нет ведь! Повидаться приходят, поболтать, узнать, как у других дела) [ПМА, 2010. Степанов Н. Е., с. Дебѐсы]. Поэтому приглашение в гости всегда воспринимается как демонстрация большого уважения к собеседнику.

В поездах дальнего следования, в транспорте принято поддерживать разговор с попутчиком, особенно если это знакомый человек. При этом молодѐжь отмечает про своих сверстников: *«Часто бывает так, что живѐшь-живѐшь в одной деревне и даже не здороваешься с человеком, просто проходишь мимо, как будто даже не знакомы, но стоит встретиться где-нибудь в другом городе или в одном транспорте, когда куда-то далеко едешь, всё – с тобой как с лучшим другом начинают общаться»* [ПМА, 2016. Никитин Н. Е., с. Водзимонье]. Общение обычно идёт негромко, так, чтобы не мешать другим пассажирам.

У городских и сельских удмуртов не принято разговаривать с человеком, который находится в ванной или туалете (в том числе общественном), хотя в принципе запрет не является категоричным, поэтому допускается его нарушение: *«Я думаю, что разговаривать с человеком, который справляет нужду в туалете – крайняя степень невоспитанности»* [ПМА, 2016. г. Ижевск]. *«Адями туалетын ке нуке, соин обычно уг яра вераськыны, мунчоын ке со пылаське, тоже ведь, ѓслэн сопалаз сылыса, уд вераськы. И то кемагес ке нуко мунчоын-а, туалетын-а, вазьылъськод соослы, лулозь-а шуыса»* (Если человек сидит в туалете, то обычно с ним не разговаривают, когда в бане моется, тоже ведь не

будешь говорить с ним, стоя за дверью. И то, если подольше засиживаются в бане или в туалете, уже спрашиваешь, живые ли ещё) [ПМА, 2010. Игринский район, д. Сеп].

Молчание

Молчание играет не последнюю роль, поскольку несёт в себе знаковую коммуникативную нагрузку. В начале XX века об «удмуртском молчании» писал В. В. Лебедев: «...когда подъезжаешь от русского города к удмуртской деревне, видишь страшную немоту <...>. Народ сотни лет не мог сказать своего слова <...>. И если он молчал, то это не от отсутствия в нём способностей. Это молчание характеризует не удмуртов <...>, а прежде всего тех, кто покорил удмуртов. Это молчание умели создавать» [Лебедев 1957: 144–145]. Вслед за В. В. Лебедевым тему «удмуртского молчания» в одном из своих исследований затронул В. Е. Владыкин, объясняя этот феномен влиянием складывающихся неблагоприятных внешних обстоятельств, которые народ был не в силах изменить: суровые климатические условия, болезненное включение в систему Российского государства в XV–XVI веках, массовая христианизация XVIII века, «после Октября 1917 г. – мощный всплеск этничности и период разочарований, 30–40-е гг. – эпоха репрессий, внутренних и внешних войн, когда нарождающаяся удмуртская интеллигенция была почти полностью выкошена под корень, в XX в. удмурты оказались меньшинством населения Удмуртии; начало XXI в. – смена исторических декораций, полная переоценка ценностей, утрата, попытка в одночасье перекроить свою внутреннюю сущность» [Владыкин 2002: 29]. «Не в силах изменить – возразить – сказать, они замыкались в себе, уходили в молчание» [Там же: 30]. Со временем у народов, проживающих по соседству, сформировались гетеростереотипные представления об удмуртах, как людях неразговорчивых, внимательно выслушивающих своего собеседника. Так, современные респонденты из числа крышен Граховского района Удмуртии отмечают: *«У меня внук в Татарии живёт, приехал учиться в Асаново. Он говорит: “Я, бабушка, в Татарстане в магазин зайду, там татары всё тыр-тыр-тыр, тыр-тыр-тыр делают. А в Асаново приезжаю, да, там такая тишина! Зайдёшь в магазин – никто не разговаривает, слышно даже, как муха летает”*. Вот я с ним согласна, удмурты у нас в Удмуртии тихие и затюканные» [ПМА, 2018. Граховский район, д. Новый Тыловый].

Татары, характеризуя удмуртов, подчёркивают в них такие черты, как *«забитость и малоразговорчивость, производящие впечатление того, что удмурты что-то втихаря замышляют, и где-нибудь исподтишка подставят»* [ПМА, 2009. Балезинский район, д. Кестым].

По мнению же самих удмуртов, молчать они будут в том случае, если хотят уклониться от разговора или не доверяют собеседнику. Обычно молча выслушивают человека, занимающего высокий социальный статус, а также информацию, вызывающую у них негодование и отрицательные эмоции: *«Оло малы, вылды, ми, удмуртьёс, сычеесь? Вось карыны мукетьёслы ум быгатйське. Милемды ултйяло, нош ми весь чидаса улйськом, пал кыл но пумит вераны ум быгатйське. Весь кышкаськом. Со кышкам-мылэсь ик, вылды, ум вазылыське, ву жуземъёс кадъ сылйськом»* (Даже не знаю, почему мы, удмурты такие? Нас унижают, а мы всё терпим, даже слово против сказать не можем. Всё боимся. Наверное, из-за страха и не можем ответить, как воды в рот набрали, так стоим) [ПМА, 2010. Селивёрстова Т. П., д. Сеп]. Иногда молчание в коммуникативном процессе может быть связано с осознанием услышанного, мысленном поиске аргументов для поддержания беседы. Оно может быть и сигналом конца или исчерпания коммуникативной темы, необходимости перехода к другой.

Молчание и выдержка – два качества, которые высоко ценятся удмуртами. По словам респондентов старшего возраста, иногда лучше промолчать, ибо оно – молчание – дороже золота: *«Ческыт ымдэ малы кой карод?»* (Для чего вкусный рот делать невкусным?) [ПМА, 2017. Балезинский район, с. Пыбья]. Таким образом, впечатление об удмуртах, как о скромном, сдержанном и молчаливом народе, имеет под собой реальные основания. По этому поводу удмуртский писатель В. Ар-Серги высказался: *«Верёвка хороша – длинная, а речь – короткая»*, – говорят удмурты, невероятно ценящие короткую и ёмкую фразу» [Ар-Серги 2006: 70].

В коммуникативном поведении удмуртской молодёжи паузы воспринимаются как признак того, что человеку либо нечего сказать, либо тема разговора ему не интересна: *«Обычно молчишь, когда уже больше нечего сказать или просто надоело разговаривать»* [ПМА, 2010. Чирков Д. А., п. Игра]. Такая ситуация в молодёжной среде обычно вызывает некоторую неловкость, поэтому часто служит сигналом к завершению коммуникативного акта либо к смене темы: *«Я, когда понравившуюся девушку приглашаю на прогулку, то всегда переживаю, о чем мне с ней разговаривать? Надо же вот что-то такое сказать, чтобы и её заинтересовать, и в то же время самому не опозориться. Короче, я всегда по этому поводу*

загоняюсь, что наступит момент, и нам не о чём будет поговорить» [ПМА, 2016. Эрекеев Ф. А., д. Баграш-Бигра].

Что касается респондентов старшего и среднего возраста, по их мнению, молчание в диалоге необходимо для того, чтобы дать собеседнику возможность «перевести дух», осмыслить полученную информацию и определиться со своей точкой зрения на неё: *«Адямиос тонэ мед валалозы шуыса, вераськоно лад-лад, дыртытэк»* (Чтобы люди тебя понимали, говорить нужно логично, не спеша) [ПМА, 2011. Ермачёва Е. В., д. Юдрук].

Уважение и неуважение

Анализ интервью и бесед, проведённых с респондентами, позволил выявить следующие черты поведения вежливого человека, который с уважением относится к своему собеседнику: при входе всегда пропускает собеседника или гостя вперёд себя; уступает место старшим по возрасту; придерживает дверь; умеренно использует жесты при разговоре; говорит не спеша, не повышает интонацию и не перебивает собеседника; не нарушает коммуникативную дистанцию и не прикасается к собеседнику; смотрит в глаза при разговоре, не отвлекаясь на посторонние предметы, если ему позвонили во время разговора, то он извинится, прежде чем взять трубку [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (Балезинский район). Л. 56].

Поведением, демонстрирующим неуважение, является: избегание глаз собеседника; игнорирование его протянутой руки; чрезмерная жестикация или периодическое обращение взгляда на часы во время разговора (по мнению респондентов, данный жест является показателем того, что человеку либо надоело с вами разговаривать, либо он спешит и не желает вас больше слушать); постоянное отвлекание на звонок сотового телефона или ответы на SMS-сообщения во время разговора с собеседником; плевки в сторону собеседника; переход дороги перед идущим человеком [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (Балезинский район). Л. 56].

В целом же респонденты и северных, и южных районов Удмуртии единодушны во мнении, что, если малознакомый человек не симпатичен и по каким-то причинам вызывает антипатию, они не будут открыто демонстрировать своё отношение к нему, предпочтут скрыть свои чувства, проявив знаки уважения хотя бы по минимуму.

Темп общения

По мнению респондентов, темп общения зависит от того, на каком языке говорит удмурт и от особенностей его темперамента: *«По моим ощущениям, если деревенский удмурт, который уже в возрасте, начнёт разговаривать на русском языке, то он делает это медленно, с большими паузами, вставляя после каждого слова: “Кызыы ай со?” (Как это?), “Ойы, кылзэ вунэти” (Ой, слово забыл). Молодёжь разговаривает быстрее»* [ПМА, 2010. Буркова Е. М., г. Ижевск].

Темп речи городских удмуртов на русском языке определяется респондентами как средний: русский язык для них язык повседневного общения, и они привыкли говорить на нём: *«Я уже много лет живу в городе, по роду профессии много приходится общаться с людьми. Чаще всего, конечно, говорю на русском, он для меня уже давно стал родным. Я даже на русском языке уже думаю. Ну, наверное, у всех городских удмуртов темп разговора на русском средний, не слишком быстро, вроде, говорят, но в то же время не так медленно, как, например, москвичи разговаривают. Зато я замечаю, если городской удмурт начинает говорить на удмуртском, то обычно медленно и с паузами говорит»* [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (г. Ижевск). Л. 18]. Удмурты-горожане отмечают, что сельского удмурта можно выделить из толпы по его речи: при разговоре он растягивает гласные звуки и «окает».

Темп общения сельских и городских удмуртов на родном языке во многом зависит от объёма и эмоционального качества информации, которую необходимо передать, а также промежутка времени, за который она должна быть изложена. Чем меньше времени и выше эмоциональная окрашенность информации, тем быстрее темп речи. Эта черта особенно заметна в женской коммуникации, что касается мужчин, темп их речи средний и менее эмоционален: *«Кышноос как кутскозы ук тратькетыны! Уд но дугдыты соосты: верало, верало, верало. Мужикъёс озыы ноку но уг верасько, соос лад-лад, дыртытэк»* (Женщины как начнут тарыхтеть! Остановить их уже невозможно: болтают, болтают, болтают. Мужчины никогда так не разговаривают. Они логично и не спеша говорят) [ПМА, 2009. Степанов Н. Е., с. Дебёсы]. По мнению наших респондентов, темп речи на родном языке у южных удмуртов более быстрый, чем у северных: *«Ой, со лымишор удмуртъёс бигерьёс кадъ верасько: жог-жог, въздаськытэк, суч-сач соослэн верамын-кельтэмын, всё, дальше кошкиллям»* (Ой, эти южные удмурты говорят быстро, не стесняясь,

суч-сач сказали – оставили, всё, дальше пошли) [ПМА, 2016. Асыллова Е. П., д. Верхняя Слудка]. Любопытно, что гости, приезжающие в Удмуртию из других регионов России, и общающиеся с удмуртами отмечают их быстрый темп речи: *«Я когда услышал в первый раз, как удмурты разговаривают, был удивлён. Это ж так быстро! Похоже, в Удмуртии и русские подстроились под удмуртов и переняли их темп речи. Ну, уж очень быстро все разговаривают»* [ПМА, 2018. Шабаев А. М., г. Ульяновск].

Ориентация на собеседника

Пример коммуникативного поведения, зафиксированный И. Н. Смирновым при изучении культуры удмуртов и практик коммуникации, наглядно показывает, что при общении удмурты в конце XIX века, ориентируясь на собеседника, копировали его жесты и мимику: *«Можно рассказывать вотякам какие угодно небывлицы, и они примут их за чистую правду, если рассказчик будет вести речь серьёзно. Если рассказчик рассмеётся над своим враньём или засмеются его товарищи, тогда и вотьяк засмеётся нелепому рассказу»* [Смирнов 1890: 252]. Ориентироваться на собеседника в процессе общения и на мнение окружающих людей удмуртов приучали с детства. Детям внушали, что за их жизнью неустанно следит зоркое общественное мнение, от которого нельзя скрыть никакую ошибку и никакой проступок. Так, Л. С. Христоролюбова, анализируя удмуртские традиции пишет: *«<...> тае озьы уз каре, адямиос серекъялозы <...>. Будійсь муртэ сереме усемлэсь кепыраны дышетылйзы... Азьтэмдэ шодйзы ке, серекъялозы <...>. Котьмае но калык кадъ кароно, шуылйзы, калык кадъ луид ке, сереме уд усыы»* (<...> это так не делай, люди засмеют <...>. Взрослеющего ребёнка приучали бояться общественного осмеяния... Почувствуют твою лень – тебя осмеют <...>. Всё нужно делать как люди, если ты будешь такой же, как все, ты не будешь осмеян людьми) [Христоролюбова 1995: 68]. Об ориентации удмуртов на общественное мнение пишет в своих исследованиях Г. А. Никитина: *«Общественное мнение руководило действиями жителей деревни, заставляя их поступать так, как принято, как положено»* [Никитина 1993: 121].

По признаниям современных удмуртов, ориентация на собеседника, а также желание произвести на него хорошее впечатление, боязнь попасть впросак, остаётся актуальной и до сегодняшнего дня: *«Милемды озьы воспитать каризы, дыр. Пыр шуо вал ук: озьы эн лэсьты, калык*

мар шуозы, озьы эн вера, мар тон сярись калык малпалозы. Вот ми и будіймы, весь калык сярись малпаськом, а мар соос шуозы, а мар соос малпалозы. Соин ик номре лишнойзэ өвёл верано, номре лишнойзэ өвёл лэсьтоно. Ачид сярись малпаськы в последнюю очередь, а если тон ачид сярись малпаськиськод ке, всё, тон – эгоист, тон астэ гинэ яратіськод. Тіни зүчъёслы ведь по фиг мар соос сярись малпало, соос уг възьдасько: султо, верало, кулэ ке соослы – лэсьто. А ми пыр кышкаськом мукетызлы вöсь карыны, кышкаськом янгыше усьыны» (Нас, наверное, так воспитали. Постоянно говорили: так не делай, что люди скажут, так не говори, что о тебе люди подумают. Вот мы и выросли, постоянно о людях думаем, а что они скажут, а что они подумают. Поэтому ничего лишнего не говорим, ничего лишнего не делаем. О себе думай в последнюю очередь, а если ты о себе думаешь, значит, ты – эгоист, ты только себя и любишь. Вон ведь русским по фиг, что о них думают, они не стесняются, встают и говорят, если надо – делают. А мы постоянно другим боимся больно сделать, боимся совершить ошибку) [ПМА, 2015. Главатских В. С., п. Кез].

Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин, делаясь итогами наблюдений за коммуникативной практикой русских, отмечают, что собеседники часто не дают друг другу «сохранить лицо» особенно в споре, оставляют собеседника проигравшим, открыто торжествуя победу: «Здесь не обязательно после бытового спора или дискуссии успокаивать собеседника, обращать внимание на его чувства» [Прохоров, Стернин 2006: 223]. Удмурта, в отличие от русского, втянуть в спор не просто: он предпочтёт молчание, не будет оспаривать чужое мнение. Большинство наших респондентов (особенно северные удмурты) отмечают, что в споре часто не находят нужных слов, и потому просто молчат, а после раздумываний, на ум приходят веские доводы, которые помогли бы им отстоять свою позицию, но уже бывает поздно. Кроме того, воспринимая любой конфликт как источник негативных эмоций, внутренне очень тяжело переживаемых, удмурты стараются скрыть своё несогласие с чем-либо или с кем-либо в общении с незнакомыми людьми, в малознакомой городской среде, а также в официальной обстановке: *«Монэ начальнике куаретэ ке, мон номыр но вазьылыны уг дійсьтійськы, кулэ кылъёсты чөмгес уг шедьтійськы. Бөрись, конечно, малпасько, тазы но тазы шуоно вал, нош мар на?»* (Когда меня мой начальник ругает, я не решаюсь ему что-то сказать в ответ, просто потому, что в нужный момент не приходят в голову нужные слова. Потом, конечно, думаю, что можно было так сказать и вот так, но что уж?) [ПМА, 2016. г. Ижевск].

Коммуникативное поведение удмуртов (особенно сельских) является ориентированным на собеседника. Венгерский исследователь П. Домокош, анализируя менталитет удмуртов сквозь призму национального фольклора, даёт этому следующее объяснение: «... удмурты более всего воспринимают мир через чувственные и эмоциональные образы, что порой превращается в легковерие. Данное мировосприятие переносится и на сферу социальных отношений, становится психологическим фоном для развития взаимоотношений между людьми» [Домокош 1993: 181]. Что же касается собеседников отличной от удмуртов национальности (особенно русских), они расценивают удмуртское «нежелание спорить» негативно, определяя его как неумение постоять за себя, беспринципность [ПМА, 2017. Базинский район, д. Андреевцы].

Коммуникативный эгоцентризм

В общении удмурт, как и любой другой человек, заинтересован в соблюдении своих интересов и задач, но в силу скромности не всегда может напрямую заявить о них: *«Мыным мае кулэ луэ ке, мон ёмгес но уг дйсьтйськы сое курыны. Родняосылэсь но уг дйсьтйськы, нош мурт адямиослэсь тем более»* (Если мне что-то нужно бывает, я зачастую стесняюсь это просить. Даже у родственников стесняюсь, не говоря уже о незнакомых людях) [ПМА, 2011. Ефремова Н. М., д. Новая Бия]. Городские удмурты, констатируя у сельских подобную особенность поведения, считают, что им частично удалось её преодолеть: *«Живя в городе, у меня уже нет стеснения, я лучше лишний раз спрошу и попрошу, чем буду голову ломать, как это сделать, и усложнять себе жизнь, хотя вот тут рядом можно спросить и тебе помогут»* [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УРО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (г. Ижевск). Л. 19].

Если необходимо что-то попросить, то удмурты начнут разговор издали, считая, что в начале необходимо расположить собеседника к себе, войти в доверие к нему, а потом уже говорить о своей проблеме, просьбе и т. д.: *«Мне в детстве ещё так объясняли, что прежде чем попросить что-то, нужно поговорить о погоде, о самочувствии, о делах, а потом только говорить, что тебе нужно. Объясняли это очень просто: просить сразу у человека то, что тебе надо, – это показать ему своё неуважение, что он тебе нужен только потому, что тебе от него что-то нужно. И ведь ещё, может быть, у человека какие-то*

нехорошие обстоятельства, поэтому, может, и с просьбой нужно по-временить» [ПМА, 2017. Сычугов К. А., п. Балезино]. В связи с этим необходимо отметить, что коммуникативное поведение удмуртов нельзя назвать эгоцентричным.

Стремление к постоянству круга общения

Удмурты старшего и среднего возраста любят круг друзей, проверенных временем. Именно их они приглашают к себе на все торжества и праздники, делятся с ними своими радостями и невзгодами. Ими они интересуются в разговоре с новыми знакомыми: «*Аръёс ортчыса, оскымон зыъёс гинэ кылё, кудъёсыныз тон ёош улон секытъёсты ортчид, кудъёсыз сярыйсь сюлмаськыса но малпаськыса улійськод. Соосты ик тон куное ётиськод, соосын ёош сиськиськод-юиськод* (С годами остаются только проверенные друзья, с кем ты прошёл жизненные трудности, о ком ты думаешь и переживаешь. Именно их обычно и в гости приглашаешь, с ними вместе ешь и пьёшь. Другие уже не нужны бывают) [ПМА, 2010. Хохряков В. Ф., д. Лудошур]. С новыми знакомыми они менее общительны, поскольку ещё не знают, чего от них ожидать: «*Алигес тодматскем адямилы ванъэз, конечно, уд вера. Кин тодэ, кы́че со?*» (Человеку, с которым ты недавно познакомился, конечно, всё не расскажешь. Кто знает, какой он на самом деле?) [ПМА, 2017. Волкова Т. Н., д. Нурызово]. Молодёжь также привязана к старым знакомым, но не прочь завести и новые знакомства, и новых друзей: «*Ну вот, если по молодости знакомиться не будешь, то потом ещё когда?!*» [ПМА, 2013. Семенов К. Н., п. Кизнер].

Коммуникативный самоконтроль

Фиксация ошибок в удмуртской коммуникативной практике ослаблена. Удмурты, общаясь между собой на родном языке, обычно не следят за правильностью речи и не исправляют речевые ошибки: «*Кызыы верай – озыы верай, главное, ведь валамы ог-огместы*» (Как сказал – так сказал, главное, что друг друга поняли) [ПМА, 2009. Махнёв А. Я., д. Узей-Гукля]. Единственное, на что они могут обратить внимание в процессе коммуникации – это различия между северным и южноуд-

муртским диалектами. В этом случае собеседники заостряют внимание на том или ином слове, чтобы уточнить правильность его понимания. Иногда столкновение двух диалектов приводит к коммуникативным недоразумениям. Так, этнограф Л. С. Христюлова стала свидетельницей подобного случая, который произошёл в разговоре между северной и южной удмуртками: *«Северная удмуртка решила сделать южной комплимент, подчеркнув красоту её полных ног: “Тынад пыдыд кыз” (У тебя ноги полные). На что южная, обидевшись, ответила: “А тынад бадяр-а мар-а?” (А у тебя клён что ли?)»*. [Устное сообщение Л. С. Христюловой, кандидат исторических наук, этнограф УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН]. У северных удмуртов слово *кыз* имеет значение «полный», а у южных – «ель». В целом же, отношение к речевым ошибкам можно назвать снисходительным, главное, – чтобы тебя правильно поняли.

Степень фиксации ошибок усиливается, если удмурт говорит на русском языке. Это характерно как для городских удмуртов, так и для сельских. В данной ситуации едва ли не каждое произнесённое слово подлежит мысленному анализу с точки зрения правильности произношения, поставленного ударения и передачи желаемого смысла: *«...это же вначале надо на удмуртском подумать, потом в голове перевести на русский, ещё думают, правильно ли сказали, ударение туда ли поставили, окончанием там какое, например, пошёл или пошла»* [ПМА, 2009. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (г. Ижевск). Л. 9]. Очень часто удмурт извиняется, если что-то не так сказал, ошибки ставят его в неловкое положение, внутренне глубоко переживаемое. Именно поэтому в беседе, споре, дебатах удмурт занимает пассивную позицию, особенно, если слабо владеет языком. В таком случае он предпочитает промолчать, нежели отстаивать собственное мнение и интересы: *«Куддыръя огзэ малпасько веран, нош жуч кыллы мукетсен порме. Ну, соку коты куректэ ни ук! Малы верай?! Малы верай?!»* (Иногда думаю одно, но на русском говорю, и смысл получается другой. Ну, и расстраиваюсь же я тогда! Зачем сказал?! Зачем сказал?!) [ПМА, 2017. Эрекеев Ф. А., д. Баграш-Бигра]. Подобная модель поведения имеет свои основания. Как отмечают сельские респонденты, в большинстве случаев допущенные ими ошибки при коммуникативном контакте с русскими вызывают со стороны последних насмешки и обидные комментарии [ПМА, 2010. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598 (с. Дебёсы). Л. 11].

По поводу исправления ошибок в речи представителей других этносов, говорящих на удмуртском языке, мнения респондентов разделились.

Большая часть призналась, что не исправляют ошибки своих собеседников: *«Монэнным зучёс вераськыны кутско ке удмурт кылын, мон солы туж шумпотійсько. Кыче отын янгышъёсты тупатъялод? Мыным соос мусо пото»* (Если со мной русские начинают говорить на удмуртском языке, я этому очень радуюсь. Какие там ошибки исправлять? Мне они кажутся милыми) [ПМА, 2018. Глазовский район, д. Качкашур].

«Мон ноку но янгышъёсты со учыре уг тупаты. Мон сыче адямиосын восхищаюсь. Тани ми доры иностранецъёс удмурт кылмес дышетыны лыкто, соослы со интересно, о-о ведь? А милям адямиослы-удмуртъёслы со даром но кулэ ёвл» (Я в таких случаях никогда не буду исправлять ошибки в речи этих людей. Я такими людьми восхищаюсь. Вот к нам иностранцы едут наш удмуртский язык изучать, им он интересен, так ведь? А нашим людям он и даром не нужен) [ПМА, 2018. г. Ижевск].

Другая часть респондентов, напротив, считает неприемлемым коверкание родного языка: *«Мон сразу дугдытійсько сыче адямиез. Ну, уг кельшы мыным, куке мынэсьтым кылме пожало»* (Я сразу останавливаю такого человека. Ну, не нравится мне, когда мой язык загрязняют) [ПМА, 2018. г. Ижевск].

Наблюдения показали, что коммуникативный самоконтроль может быть утрачен в ситуации, когда удмурт испытывает сильные негативные эмоции (страх, гнев, ненависть), а также как следствие «зеркальной реакции» на провоцирующее поведение собеседника (повышение тона, грубость собеседника и т. д.).

Коммуникативная реакция

Степень контролируемости реакции так же, как и искренность, меняется в зависимости от того, в какой обстановке, с кем и на каком языке приходится говорить удмурту. Наименее контролируемой, а значит, и более эмоциональной речь удмурта становится, если он говорит с родственниками и близкими друзьями в привычной для себя обстановке, на удмуртском языке. Здесь эмоции плещут через край, активно используются как мимика, так и жесты, особенно при споре. Удмурт демонстрирует хорошее настроение, если слова собеседника ему понравились, и не скрывает негативного отношения к информации, которая не пришлась по душе.

В процессе беседы обязательным компонентом считается внимание. Оно передаётся разнообразными сигналами, подтверждающими приём и понимание информации: поворот тела в сторону говорящего, поддержание зрительного контакта, кивание головой, сопровождаемое утвердительными вербальными сигналами «*озьы-озьы*», «*бен / бон*», «*о-о*» (в знач. *да*) либо сигналами удивления: кивками головой в вертикальной плоскости, мимикой удивления, хлопками ладонями по бёдрам, которые также сопровождаются вербальными сигналами.

Перебивать собеседника допускается только в крайних случаях, если на то есть веская причина. Недопустимым, даже оскорбительным считается, если младшие перебивают старших, также удмурт не решится перебить человека, обладающего более высоким социальным статусом. В таких ситуациях остаётся только терпеливо дожидаться окончания разговора. Не будут перебивать удмурты незнакомых людей, русскоговорящих и иностранцев. По словам респондентов, при острой необходимости они осмелятся перебить разговор сородичей по языку.

В целом же удмурты активно перебивают друг друга во время спора. Близких и хорошо знакомых людей могут перебить жестом: легонько дотронуться кистью до кисти собеседника или сделать кистью маховое движение в горизонтальной плоскости. При этом оба жеста обычно сопровождаются вербально: «*Сыл ай*» (Постой-ка), «*Дугды ай*» (Остановись-ка) [Зафиксировано во всех исследуемых районах]. Если же спор превращается в словесную перебранку, и правила этикета и вежливости уходят на второй план, собеседники перебивают друг друга, не дают сказать ни слова, демонстрируя таким образом, что мнение собеседника их не интересует, так же, как и его личность.

Прерывание разговора допустимо, если собеседник слишком назойлив и болтлив, либо в ситуации спешки и отсутствия времени на разговор.

Реакция удмурта на конфликтное коммуникативное поведение собеседника – громкость голоса, грубость интонации и др. – проявляется на первых порах в виде вопроса *Малы тон мон шоры кесяськиськод?* (Почему ты на меня кричишь?). Это наиболее распространённая модель реагирования в знакомой для удмурта среде, где все равны и чаще всего говорят на удмуртском языке. Подобные попытки модификации поведения собеседника практически не применяются, если он занимает более высокий социальный статус и не говорит на удмуртском языке. Грубое нарушение норм речевого этикета, если оно демонстративно, интенсивно или длительно по времени вызывает у удмуртов зеркальную реакцию:

они тоже повышают громкость и высоту голоса, в нём проявляются нотки раздражения и т. д.

Активность вмешательства удмурта в конфликт, который происходит между третьими лицами, увеличивается пропорционально степени знакомства с ними. Если третьи лица приходится родственниками, предпринимаются разнообразные попытки, чтобы смягчить, уладить конфликт, погасить страсти и успокоить ссорящихся: *«Тодмотэм адямиос кызы кызы пырод? Асьэос соос умойгес тодо, кин виноватэз. Нош чыжы-выжыосы ке тышкасько, татын уд чуда, дыр, палэнын слыны. Чемгес но успокоить карыны турскиське соосты»* (Это как можно вмешиваться в отношения незнакомых людей? Они сами лучше знают, кто из них виноват. Ну, а если родственники ссорятся, то тут не выдержишь в сторонке стоять. Чаще всего стараешься их успокоить) [ПМА, 2015. Витвинова Е. Л., д. Большая Уча]. Но при этом считается недопустимым вмешиваться в конфликт между мужем и женой, если только дело не дошло до рукоприкладства: *«Муж и жена – одна сатана. Кызы соос виски пырод? Соослэн нимаз семьязы, соос асьэос умойгес тодо, мар соослы кулэ и кызы кулэ. Но жугиськыны ке кутско, соку соосты дудытоно»* (Муж и жена – одна сатана. Как в их отношения влезать? У них отдельная семья, они сами лучше знают, что им надо и как надо. Но вот, если начинается драка, тогда нужно останавливать) [ПМА, 2009. Степанова Г. А., с. Дебёсы].

Говорить о том, что тема разговора неинтересна, в удмуртском коммуникативном пространстве считается допустимым только в крайних случаях, например, если собеседник надоел, или у слушающего нет времени. В остальных случаях удмурт будет терпеливо слушать собеседника, либо показывать отсутствие интереса с помощью невербальных сигналов: мимикой невнимания, длительными паузами, прерыванием зрительного контакта, будет отвлекаться на какие-либо посторонние предметы и т. д.

Реакция удмурта на речевые ошибки собеседника сдержанно-протительная. Не принято ни вербальными, ни невербальными способами демонстрировать, что собеседник сделал ошибку. В противном случае это может быть воспринято как попытка унижения собеседника, как подчёркивание его низкого интеллектуального уровня. Обычно удмурты выслушивают собеседника до конца, а все свои замечания делают «за глаза», через третьих лиц: *«Нет, конечно. Как это? Человек же тебе рассказывает что-то важное, а ты ему в этот момент такой: ой, ты*

ударение не туда поставил. Неприятно же. Пусть говорит, как может» [ПМА, 2013. Г. Глазов].

«Ну, вераськыку ик, дыр, солы уд вера, берло можно куке но вераны» (Ну, во время разговора уж точно не скажешь, потом можно будет когда-нибудь сказать) [ПМА, 2011. Максимов Н. К., д. Азаматово].

Объём общения

По мнению респондентов, диалог с эмоционально окрашенными, развёрнутыми и продолжительными репликами может продолжаться долго лишь в том случае, если у удмурта нет срочной работы, и он беседует с хорошо и давно знакомым человеком: «*Куддыр бакчаын уждэ быдэстид ке, соседэныд дыртытэк час но мар но вераськыса сылйське улон сярись, хозяйство, ужъёс сярись*» (Иногда, когда на огороде работу заканчиваешь, с соседом час и больше не спеша разговариваешь о жизни, о хозяйстве, о делах) [ПМА, 2014. Князева М. И., п. Балезино]. С мало-знакомыми людьми удмурты предпочитают занять позицию слушающего, поэтому живущие по соседству с ними татары, русские и др. считают, что удмурты умеют выслушать чужие проблемы, вникнуть в их суть и дать ценные советы: «*Говоришь что-нибудь удмуртам, а они стоят и прям в глаза смотрят и так внимательно слушают, как будто им это очень интересно. И советы ведь толковые могут дать*» [ПМА, 2017. Балезинский район, д. Андреевцы].

По признанию респондентов, они не любят «трепать языком» попусту, говорят всегда кратко и по делу, ибо убеждены, что главной целью монолога является передача информации: «*Мар токма омырез зуркатод? Верад по делу, тонэ кыллызы, валазы – и ладно. Ойы, мон что ведь уг яратйськы трос верськисъёсты, особенно со депутатъёсты! Ой, верало, верало. Сю пол одно и то же вералозы, лучше, верам интые, уждэ лъсты вал*» (Зачем зря воздух сотрясать? Сказал по делу, тебя услышали, поняли – и ладно. Ой, как я не люблю болтунов, особенно депутатов. Ой, говорят, говорят. Сто раз одно и то же скажут, лучше вместо того, чтобы болтать, дела бы делали) [ПМА, 2015. Русских Е. С., д. Ю-Тольён].

В целом необходимо отметить, что, по справедливому замечанию Г. Е. Крейдлина, невербальные знаковые системы любого этноса имеют много общего: «они состоят из знаков, объединённых в структуру

с помощью различных отношений, служат для передачи информации и имеют свою сферу употребления» [Крейдлин 2004: 229]. Так, невербальная коммуникация, используемая удмуртами в общении, состоит из языка телодвижений, жестов, мимики, поз и социального символизма, все они используются для передачи или получения информации о собеседнике. Наиболее ярко и активно невербальный компонент используется в кругу знакомых людей, в привычной обстановке: обилие эмоциональных жестов, искренне выражающих настроение собеседников, их отношение друг к другу, здесь не принято прятать камень за пазухой и «надевать маску» на лицо. Что касается коммуникации с малознакомыми людьми в непривычной обстановке, она прямо противоположна первой ситуации. Удмурт словно надевает на себя маску, скрывающую истинное лицо и не дающую возможность раскрыться. В связи с этим у представителей других этносов, проживающих по соседству (татары, русские, кряшены), возникает двойное восприятие удмуртов: с одной стороны, о них складывается впечатление как о внимательных, чутких, умеющих слушать и не перебивающих собеседников, с другой – как о скрытных людях, которые исподтишка готовы подставить в любой момент. Большинство удмуртов, осознавая и признавая свою закрытость и неумение выступать на публике в общественных местах, даёт такому поведению отрицательную характеристику, считая, что именно это мешает им занимать лидирующие позиции в обществе, часто приводит к ухудшению, а иногда даже к разрыву коммуникативных связей.

Многие жесты и мимика удмуртов схожи с русскими. Возможно, это результат тесного и долгого соседства народов или результат культурной инсценировки, поскольку часть респондентов-удмуртов (особенно молодёжь) отмечает в русских положительные черты, помогающие им стать лидерами, отстаивать свою точку зрения, так почему бы не заимствовать у них эту модель поведения, чтобы быть такими же успешными.

Также необходимо отметить, полисемантичесность знаков невербальной коммуникации, которая прослеживается в том, что один и тот же знак несёт в себе разную информацию в зависимости от контекста его использования. Так, например, *фига* (*кукиши*) может обозначать отказ в просьбе собеседника, а может представлять собой защиту от сглаза и нечистой силы.

Глава 3.

ПИСЬМЕННАЯ И ЦИФРОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Общение посредством текстовых сообщений: письмо, открытка, телеграмма

Письмо и открытку часто относят к фатическому типу невербального общения, поскольку они «выполняют функцию контактоподдерживающих единиц коммуникации, представленных этикетными и ритуальными формами» [Зайцева 2011: 122]. По мнению респондентов, в отсутствие сотовой связи и Интернета именно этот тип коммуникации был наиболее популярен: *«У нас же сотовых телефонов раньше не было и машин тоже толком не было, всё на автобусах ездили друг к другу. Ещё и хозяйство большое было, на кого скотину оставишь? Поэтому часто друг к другу не ездили, редко виделись с родственниками. А хочется ведь узнать, что там, как они поживают. Вот мы все активно и переписывались. А иначе ведь никак было»* [ПМА, 2016. Семёнова Л. Л., д. Адам].

В письмах передавалась преимущественно личная информация. Они представляли собой развёрнутый рассказ, составленный по всем правилам эпистолярного жанра и характеризующийся «устойчивой тематической, композиционной и стилистической выдержанностью» [Курьянович 2008: 45]. По воспоминаниям респондентов, посредством писем знакомились, находили друзей по интересам. Родственники, а также возлюбленные, вынужденные находиться в разлуке, делились своими новостями, радостями, заботами: *«Раньше же парни по два года служили, сотовых телефонов не было. Вот бывало, сидишь и пишешь ему, как живёшь, чем занимаешься, как сильно по нему скучаешь. Потом отправляешь уже письмо и ждёшь ответа с нетерпением»* [ПМА, 2014. Игринский район, с. Факел].

«Ой, как мама письма-то с фронта ждала! Это же словами не передать! А как она радовалась, когда они приходили» [ПМА, 2016. Афонина Н. Д., д. Выльгурт].

По воспоминаниям респондентов, писали письма родственникам в основном на удмуртском языке. Что касается друзей по переписке, то выбор языка зависел от национальности адресата: *«С удмуртами переписывались на удмуртском, с теми, кто не понимал – на русском»* [ПМА, 2016. Семёнова Л. Л., д. Адам].

Открытки, в отличие от писем, передавали менее личную информацию, поскольку в большинстве случаев отправлялись без конвертов и написанный текст был на виду. Чаще всего они были приурочены к событиям светского календаря: Новый год, День защитников Отечества, Международный женский день и т. д. Их принято было отправлять на события личного или семейного характера: дни рождения, свадьбы, юбилеи. В этом случае, если время было ограничено, то высылали и телеграммы с поздравлением. Получателями открыток становились не только жители разных частей страны, других регионов, но и соседи, односельчане. Выбирали открытки, ориентируясь на свой вкус, но при этом учитывали и особенности и предпочтения адресата.

«Когда выбираешь открытку, всё равно подбираешь её на свой вкус. В первую очередь обращаешь внимание на рисунок. Например, если открытка предназначена ребёнку, то стараешься, чтобы на ней был детский рисунок – мультяшки, зверюшки. Если зрелой женщине – то цветы, букеты, бабочки. Если знаешь, что любит ромашки, то подбираешь уже с ромашками» [ПМА, 2019. Русских Н. П., с. Пыбья].

Поскольку раньше открытка не предполагала готового текста-поздравления, то особое внимание уделялось наполнению её содержанием, в котором можно условно выделить несколько тематических блоков. Первый – заглавная строчка-обращение, её чаще всего старались выделить другим шрифтом (писали более крупными буквами) и другим цветом. Второй тематический блок – поздравительный текст, который придумывали сами или переписывали из специального сборника с поздравлениями. Подбор текста также учитывал социальные роли и статусы адресатов. Третий блок – указание адреса отправителя и получателя, дата. В связи с этим, Л. В. Бутылская отмечает, что «в открытках, написанных от руки, всегда видится неподдельное проявление любви, уважения, признательности, симпатии адресанта к адресату. Даже когда текст поздравления заимствуется из Интернета или сборника поздравительных

текстов, автор ищет более подходящие пожелания именно для этого адреса» [Бутыльская 2014: 13].

«Раньше же открытки нужно было самим подписывать, поэтому важно было подписать красиво и ещё оригинальное поздравление придумать. Интернета не было, поэтому покупали книги с поздравлениями. Читаешь все поздравления и смотришь, которое больше подойдет. Красиво и старательно переписываешь. Потом пишешь адрес свой и адрес человека, которому отправляешь. Иногда просто от себя подписывали: здоровья, счастья, любви, семейного благополучия, всего самого наилучшего» [ПМА, 2019. Тронина О. А., с. Пыбья].

«Первую строчку с именем человека писали красной пастой, остальной текст синей или черной. Иногда, чтобы текст криво не написать, по линейке простым карандашом линии чертили, потом их стирали. Позже уже в старших классах я чертила иголкой. Такие линии не очень заметны и стирать их не нужно» [ПМА, 2014. Русских Т. С., п. Балезино].

«Мы, когда маленькими были, открытки на все праздники маме, папе, бабушкам и дедушкам делали своими руками, из цветной бумаги на уроках труда. Сами их подписывали, как могли, и дарили» [ПМА, 2017. Русских Ю. Н., г. Ижевск].

По мнению мужчин-респондентов, если письма одинаково ждали как мужчины, так и женщины, то открытка – это женское предпочтение. Женщины любили их получать больше, чем мужчины. *«Я думаю, что открытки больше любят женщины. Маме отправишь, бывало, сёстрам, тётям. Мужчины менее сентиментальны, поэтому они не заморачиваются с открытками. Ну, а письма – это другое дело, тут уж не только женщины, но и мужчины ждут. Особенно когда в армии служили, очень сильно ждали писем из дома, от родных»* [ПМА, 2019. Русских Н. А., с. Пыбья].

Помимо открыток и писем, как отмечалось, если сообщение было срочным, присылали телеграмму: *«Если надо было срочно что-то передать, то обычно телеграмму посылали. Это вот как современные эсемески. Телеграмма – это очень короткое сообщение, там же за каждый символ платили, поэтому и знаки препинания даже обычно не ставили. Я вот в Глазове училась, папа умер, так мне в Глазов телеграмму прислали»* [ПМА, 2019. Чиркова Э. А., п. Игра].

Что касается выбора языка, то здесь действует то же правило, что и при переписке посредством писем. Исключением является телеграмма. По признаниям респондентов, её всегда писали на русском языке.

Таким образом, письма, открытки и телеграммы были особым видом письменной коммуникации. И если письма предполагали передачу сугубо личной, интимной информации в развёрнутом виде, то открытки и телеграммы были открытыми, а потому содержали минимум личного текста. Открытки во все времена расценивались и расцениваются как средство фатического общения, знак особого внимания. Раньше почтовая открытка была более персонифицирована (отправитель сам подписывал её, подбирая слова и пожелания). Современная же, напротив, становится «унифицированной: приобретается уже с полностью готовыми надписями, “автором” лишь остается уточнить “от кого – кому” и поставить дату» [Курьянович 2008: 46]. С появлением же сотовой связи и Интернета популярность писем, открыток и телеграмм на бумажных носителях практически сходит на нет. Респонденты объясняют это тем, что подобная переписка затратная по времени и деньгам: *«Это ж надо сходить в магазин, купить открытку или конверт. Потом прийти домой, подписать открытку, написать письмо, снова идти на почту, чтобы это всё отправить. Уходит слишком много времени и денег, куда проще и дешевле позвонить, SMS-сообщение отправить, а ещё лучше в социальных сетях написать и красивую картинку прикрепить к поздравлению»* [ПМА, 2017. Тронина М. П., д. Верх-Четкер].

Общение посредством телефонной связи

Появление телефонов сводит на нет переписку посредством почты. Телефонная связь входит в обыденную коммуникацию удмуртов постепенно. Как вспоминают респонденты, раньше телефоны были стационарными и стояли не у каждого дома. В связи с чем допускалось приходить домой к односельчанам или соседям, у которых есть телефон, чтобы позвонить.

«Раньше телефоны стояли не у каждого дома. Во-первых, потому что это было дорого и не всем по карману. А, во-вторых, не каждому в дом могли его провести, то столб с телефонной связью не там стоит, то просто точки телефонной нет. Поэтому для того, чтобы позвонить нужно было идти к односельчанам или выходить к соседям. Иногда, если звонили на соседский телефон, то просто в стенку стучали, звали к телефону» [ПМА, 2019. Русских Н. А., с. Пыбья].

«Я, когда училась в институте, помню, у нас там был телефонный автомат. К нему по вечерам выстраивалась очередь из студентов-

первокурсников, все же по началу по дому скучали, всем хотелось позвонить. Мы покупали телефонные карточки с единицами времени и по ним звонили» [ПМА, 2019. Никитина Г. А., с. Шаркан].

Разговаривать по телефону было очень волнительно, поскольку пользовались им на селе не каждый день.

«Я, когда маленькой была, очень сильно волновалась, когда кому-то нужно было позвонить, потому что не знала, как это сделать. Постоянно у мамы спрашивала, а что мне сказать. Мама объясняла, что нужно позвонить, поздороваться, потом узнать, как у человека дела, чем он там занимается, после уже можно спрашивать, что хотела» [ПМА, 2019. Зелянина О. С., д. Зеглуд].

В 2000-х годах в обиход постепенно начинают входить мобильные телефоны, которые удобно было носить с собой. Первоначально сотовая связь и сам мобильный телефон стоили достаточно дорого, поэтому пользовались только в ситуациях крайней необходимости.

«Вот раньше мы по почте друг другу открытки посылали, поздравляли с праздниками. Потом, когда сотовые телефоны появились, стали друг другу сообщения отправлять, потому что звонки были дороже. Писали очень коротко и по сути. А ещё всех родственников и друзей поздравляли со всеми праздниками через эсэмески» [ПМА, 2010. Данилова М. В., г. Ижевск].

С распространением телефонов, сервис которых позволяет выходить в Интернет, коммуникация посредством SMS-сообщений сужается.

«Я отправляю SMS-сообщение только в том случае, если мне нужно что-то срочное передать, а человека нет в социальных сетях, и он не берёт трубку. Пропущенный звонок он может не заметить, а вот текст сообщения прочитает» [ПМА, 2017. Тронина М. П., д. Верх-Четкер].

«Сегодня эсэмески не выгодно посылать, много денег уходит. Это уже крайний случай, когда Интернета нет» [ПМА, 2015. Коровин Д. М., с. Бураново].

«Я отправляю обычно SMS-сообщение начальнику, потому что, если звонить, то можно ему помешать. Вдруг он на совещании. Иногда отправляю SMS-сообщение своему мужу со списком нужных продуктов, когда он на работе, чтобы заехал и купил всё по пути с работы» [ПМА, 2010. Данилова М. В., г. Ижевск].

«Ой, мон со эсэмесьёсты уг валаськы. Ладно, тау, звонить карыны быгатійсько» (Ой, я эти эсэмески не понимаю. Ладно, спасибо, звонить могу) [ПМА, 2019. Чиркова Э. А., п. Игра].

«А мне кажется, что сегодня эсемесками пользуются только магазины, банки, разнообразные службы. Людям сейчас проще отправить сообщение в социальных сетях. Весь мир уже там зарегистрирован, большинство сейчас только так можно найти» [ПМА, 2019. Кузнецова А. С, г. Ижевск].

Таким образом, в личной коммуникации к SMS-сообщениям прибегают преимущественно только в тех случаях, когда у адресата нет возможности воспользоваться Интернетом или по какой-либо причине он не отвечает на телефонный звонок. Текст сообщения отличается краткостью и содержит конкретную просьбу, знаками препинания чаще пренебрегают. Есть мнение, что адресат может игнорировать телефонный звонок, ссылаясь на то, что не заметил его, но не сможет не обратить внимание на SMS-сообщение. В официальной сфере к SMS-сообщениям прибегают, когда обращаются к вышестоящим лицам. В тексте соблюдаются все принятые в устной коммуникации нормы вежливости, а также знаки препинания. Текст SMS-сообщения, как отмечают респонденты, в основном пишется на русском языке.

Коммуникация в пространстве Интернета: электронная почта, социальные сети, мессенджеры

С появлением Интернета письма приобретают виртуальный характер. Как показывают наблюдения, сегодня электронной почтой пользуется преимущественно молодёжь и частично работающие люди среднего возраста. По признаниям большинства респондентов, она необходима не для личной переписки, а для того, чтобы зарегистрировать аккаунт или отправить официальные письма:

«У меня есть электронная почта, но я ни разу личных писем через неё никому не отправлял. В основном она мне раньше была нужна для того, чтобы зарегистрироваться в социальных сетях, например, завести профиль “ВКонтакте”. Но вот сейчас даже для этого она не нужна, потому что на номер телефона везде можно зарегистрироваться» [ПМА, 2015. Коровин Д. М., с. Бураново].

«Я работаю в школе и мне электронная почта нужна по работе. Веду в основном официальную переписку. Например, на электронную почту часто приходит информация о курсах повышения квалификации, информационные письма о разных конференциях, как для педагогов, так

и для детей. Детские работы и мои на различные конкурсы по электронной почте отправляю. Тут она незаменима. Для личной переписки я преимущественно использую социальные сети и мессенджеры» [ПМА, 2018. Никитин А. А., с. Пыбья].

Совершенствование технологий, способствующее расширению функций сотовых телефонов, а также появление новых гаджетов приводит к популяризации общения посредством разнообразных мессенджеров: ICQ, Viber, WhatsApp, Skype и т. д., а также социальных сетей «Одноклассники», «ВКонтакте», Instagram и т. д. По признаниям респондентов, наступает время, когда можно не просто слышать собеседника, но и видеть его, где бы последний ни находился.

«Милем со азыло фантастика кадь потэ вал. Кыззы озы любой интымысь звонитьтод, и не просто вераськод адямиен, тон сое ещё и адждо. А каль со тйни, спокойно вераськиське но, адзиське но» (Нам это казалось фантастикой. Как это ты с любого места будешь звонить, и не просто разговаривать с человеком, но ещё и будешь его видеть. А сейчас это уже в порядке вещей: спокойно разговариваешь, а ещё и видишь) [ПМА, 2017. Волкова Ф. Л., с. Пыбья].

«Милям начальникмы ужын вераз ваньмызэн, пе, мед луоз смартфон и ваньмызэн мед установить каремын “Ватсап”. Со “Ватсапе” келя сообщениоссэ-указаниоссэ. Со туж удобно, ваньзы тодо, ваньзы аджо, ваньмыз в курсе» (У нас начальник на работе всем сказал, чтобы смартфоны приобрели, на которых должен быть установлен «Ватсап». Он на «Ватсап» отправляет сообщения-указания. Это очень удобно: все знают, все видят, все в курсе) [ПМА, 2018. Балезинский район, с. Пыбья].

Что касается молодёжи, то для них мессенджеры и социальные сети, посредством которых можно отправить личные сообщения и осуществлять видео- и аудиозвонки, воспринимаются как «банальная повседневность», куда больший интерес вызывают фотографии и видео, которые снимаются на телефон и выкладываются на страницы аккаунтов.

«Сейчас интереснее рассматривать фотографии и видео, чем длинные тексты читать. По времени не так затратно, да и сразу видно, что автор не врёт, а действительно был очевидцем события, посетителем конкретного места» [ПМА, 2017. Эрекеев Ф. А., д. Баграш-Бигра].

«Сегодня модно выкладывать видео, на котором ты танцуешь под популярную песню. Я тоже хочу. Снимаю видеоролики, но мне пока нельзя их выкладывать в Интернет, потому что я ещё маленькая. Но когда я вырасту, я хочу быть блогером. Буду везде путешествовать и снимать

это на видео и ещё буду разные игрушки распаковывать и слаймы делать» [ПМА, 2019. Русских Д. Ю, г. Ижевск].

Что касается языка общения, по признаниям респондентов, текстовое общение посредством мессенджеров и социальных сетей происходит в основном на русском языке, поскольку интерфейс гаджетов не очень удобен для набора удмуртских текстов. Это в свою очередь приводит к тому, что свой родной язык оказывается менее востребованным: *«Мон сообщениосты в основном на русском ваньмызлы гожъясько. Потому что озыы жоггес пӧрме, пока тон удмурт букваосты утчаськод, Т9 тыныд дыбырак зӱч кылын гожтоз»* (Я сообщения в основном на русском всем пишу. Потому что так быстрее получается, пока ты ищешь удмуртские буквы, Т9 тебе быстрее напишет на русском языке) [ПМА, 2018. Кадесников А. И., д. Новая Бия].

Таким образом, благодаря появлению новых технологий возможности коммуникации расширяются, а сам коммуникативный процесс приобретает иной характер. Так, социальные сети и мессенджеры позволяют оперативно обмениваться сообщениями, ориентируя коммуникантов на «мгновенное общение». Если происходит задержка в получении ответного сообщения, то большинством респондентов это расценивается либо как пренебрежение, либо как некомпетентность в заданном вопросе. В случае восприятия молчания за знак пренебрежения, коммуникантом будет направлено повторное сообщение с просьбой уточнить причину нежелания продолжать общение.

Стираются границы между личной, интимной стороной жизни и публичной. Коммуниканты выкладывают на публичное обозрение личные фотографии, снимают видео, ведут «онлайн трансляции», касающиеся значимых и повседневных событий своей персонально-биографической жизни. Постепенно общение приобретает визуальный характер. Подобное коммуникативное поведение молодого поколения зачастую наталкивается на недоумение со стороны пожилых людей.

«Разве можно вот так вот на всеобщее обозрение выкладывать фотографии? Я этого не понимаю. Говорят, что через фотографии знающие люди что только не делают! И порчу наводят, и любовные привороты делают, и слезить могут. А эта молодёжь ни о чём не думает, им лишь бы себя показать. Вот я какой, и там-то я был и то-то я делал и дети-то у меня особенные» [ПМА, 2018. Корепанова А. П., с. Вавож].

Порой молодое поколение прислушивается к наставлениям старших и выкладывает фотографии, например, своих детей со смайликами вместо лица. Это делается для того, чтобы люди, просматривающие профиль, не смогли взглянуть ребёнка.

Благодаря тому, что человек постоянно находится «на связи», ему в любое время могут отправить сообщения, в том числе и касающиеся решения рабочих вопросов во вне рабочего времени. Само же общение посредством Интернета зачастую теряет свою эмоциональность, превращаясь в обмен сообщениями, в которых эмоции передаются с помощью «смайликов».

Что касается языка общения, то большинство исследователей признаются, что переписка ведётся преимущественно на русском языке или на русском языке с применением отдельных удмуртских слов. По мнению исследователя К. Пишлэгера, проанализировавшего пользовательские стратегии удмуртов в «ВКонтакте» и Instagram, в Интернете преобладает явление, обозначаемое как «суро-пожо» (букв. смешано, смешанная [речь]), то есть «переключение или смешение кодов, типичное для всех би- и мультилингвов» [Пишлэгер 2017: 96]. Подобное языковое поведение подвергается критике со стороны профессиональных лингвистов, журналистов и языковых активистов. Но вместе с тем, по мнению исследователя, даёт возможность большинству удмуртоговорящих пользователей, не владеющих литературным удмуртским языком, научиться писать на нём [Там же].

Глава 4.

АНАЛИЗ ВЕРБАЛЬНЫХ СИМВОЛОВ МЕТОДОМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА

Коммуникативное поведение – это сложный социальный феномен, в котором участники выступают не только как носители социальных ролей, исполнение которых подчиняется принятым в обществе нормам, но и как представители этноса, носители веками сформированных стереотипных представлений. Более того, как утверждает специалист по межкультурной коммуникации филолог О. А. Леонтович, сам язык принимает активное участие в процессе формирования и закрепления стереотипов: «постоянное повторение одних и тех же фраз, со временем приобретающих устойчивость на уровне языка, приводит к тому, что их значение оседает в подкорке головного мозга, а восприятие их происходит автоматически, без участия сознания» [Леонтович 2005: 238]. Так, стереотипы, влияя на сознание людей, вступающих в процессы коммуникации, заставляют собеседников выбирать определённые стратегии коммуникативного взаимодействия, от которых в свою очередь зависит результат общения как межличностного, так и межнационального [Аксёнова, Давыдова 2003: 3]. В представленном исследовании под этническим стереотипом мы будем иметь в виду «складывающееся в ходе межэтнического общения представление о своём собственном и чужих народах, содержащее ценностное отношение к ним» [Бромлей 1983: 182–183].

В основу анализа вербальной семантики в данном разделе заложена методика построения семантического пространства русских фразеологизмов, разработанная и апробированная доктором психологических наук В. Ф. Петренко. Она представляет собой «один из методов экспериментальной семантики. С его помощью большое число переменных сводится к меньшему количеству независимых величин, называемых факторами. В результате проведённого анализа исследователю удаётся построить субъективные семантические пространства,

которые позволяют исследовать специфику мировосприятия, мироощущения, межличностного восприятия» [Петренко 2005: 93]. Выбор данной методики обусловлен тем, что стереотипные представления имеют яркую эмоциональную окраску, которая порой не осознаётся самими носителями, а зачастую бывает скрыта и от учёного, опирающегося на этнографические методы исследования. «Построение же субъективного семантического пространства позволяет выявить то, что недоступно на описательном уровне, а сам исследователь получает возможность анализа глубинного структурного восприятия, которое в свою очередь является основой регулирования поведения индивида в общении» [Бочкарева 2014: 158].

Цель проведённого нами эмпирического исследования заключалась в выявлении стереотипных установок современной удмуртской молодёжи применительно к выбору коммуникативных стратегий в общении с представителями разных этносов.

Анкетированием была охвачена молодёжь из трёх северных (Балезинский, Кезский, Игринский) и трёх южных (Алнашский, Можгинский, Малопургинский) районов Удмуртской Республики. Выбор был обусловлен тем, что именно в этих районах, согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., проживает наибольшее количество удмуртов. А также желанием выявить особенности коммуникативных предпочтений разных локальных групп удмуртов.

При выборе респондентов главным критерием стала национальная принадлежность. Все опрашиваемые – удмурты в возрасте от 16 до 25 лет. Мы остановились на данном возрасте по нескольким причинам. Во-первых, согласно возрастной классификации американского геронтолога Дж. Биррена, это возраст «ранней зрелости», когда индивид активно осознаёт себя в качестве носителя определённой культуры, в том числе и этнической [цит. по: Гамезо, Петрова, Орлова: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/gameso_vostrast]. Во-вторых, по мнению Г. А. Аксяновой и С. С. Давыдовой, «молодёжная среда наиболее чувствительна к любым изменениям в социуме. Этой возрастной категории присущи наиболее ярко выраженные взгляды и стереотипы, что обусловлено и психологическими, и возрастными особенностями общей в стране социокультурной ситуации в период развития этого поколения молодёжи» [Аксянова, Давыдова 2003: 3–4]. В-третьих, это обучающиеся среднепрофессиональных и высших учебных заведений, а также молодые специалисты, которые большую часть времени проводят в городском поликультурном

и полиэтническом пространстве, но при этом полностью не оторвались от сельской, преимущественно моноэтнической, среды.

Всего заполнено 600 анкет, из которых 300 анкет заполнены выходцами из южных районов Удмуртии, 300 анкет из северных.

Предложенная респондентам анкета (см. Приложение 2) была составлена и обработана под руководством специалистов Института педагогики, психологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». В качестве экспериментального материала отобраны фразеологизмы, наиболее часто употребляемые в молодёжной коммуникации: *парсь* (в знач. *нечистоплотный*), *ульча чача* (в знач. *болтливый*), *быжтэм зичы* (в знач. *хитрый, лживый*), *комак* (в знач. *корыстный*), *бурсийсь пороз* (в знач. *ворчун*), *миськем сяртчы* (в знач. *чистоплотный*), *востэм* (стеснительный), *туливить* (в знач. *неугомонный*), *йыртэм чорыг* (в знач. *рассеянный*), *каньыл аядми* (в знач. *простой / добродушный человек*), *кузили* (в знач. *работяга*), *небыт скулэм* (в знач. *добродушный / незлобивый*), *чупырес аядми* (в знач. *деятельный / энергичный*). Для построения семантического пространства степень сходства фразеологизмов косвенным образом оценивалась через соотнесение их к ролевым позициям: «Я», «Мой друг», «Мой идеал», «Мой враг», «Удмурт», «Татарин», «Русский». Соответствие фразеологизмов каждой ролевой позиции просили оценивать по семибалльной шкале (3, 2, 1, 0, -1, -2, -3). Здесь оценка 3 означала полное отнесение качества, описываемого фразеологизмом, к ролевой позиции, а оценка -3 – полное отрицание этого качества для данной ролевой позиции. Индивидуальные матрицы испытуемых суммировались в одну общегрупповую матрицу по каждому району. В итоге факторная обработка матрицы корреляций позволила выявить коррелируемые, взаимосвязанные фразеологизмы и описать содержание ролевых позиций через набор базисных категорий факторов.

Обобщённые данные обрабатывались с помощью компьютерной программы SPSS 17 for Windows. Для верификации проведённого исследования данные, полученные из анкет, были сопоставлены с информацией из бесед и интервью респондентов.

В результате нами было получено два наиболее эмоционально окрашенных фактора, которые мы условно обозначили как «нравственные устои» (Ф 1) и «социальная позиция» (Ф 2). По мнению наших респондентов, именно они оказывают исключительно сильное влияние на коммуникативные процессы.

Стереотипные представления удмуртской молодёжи северных районов Удмуртии

Стереотипные представления удмуртской молодёжи Игринского района

Диаграммы семантического пространства, построенные по результатам факторного анализа респондентов Игринского района Удмуртии, дали следующие результаты. Единое семантическое облако занимают такие категории, как «удмурт», «друг», «русский», «идеал». Для их нравственных устоев характерны стеснительность, упорство в отстаивании своей позиции, не перерастающее в навязывание своих интересов и своей точки зрения. В них отмечается такая черта, как деловитость, любовь к труду, рассудительность. Они просты в общении. Данному семантическому облаку несколько противопоставлены категории «татарин» и «враг». Они располагаются близко друг к другу, но не являются единым семантическим облаком. В них все перечисленные выше черты выражены гораздо меньше. Интересно расположение категории «я», обозначающей представление респондентов о самих себе. О самих себе они отзываются как о лживых, ленивых, ворчливых, в какой-то степени корыстных и рассеянных людях. По диаграмме мы видим, что эти черты в них не являются доминирующими, но в коммуникативном поведении всё же присутствуют.

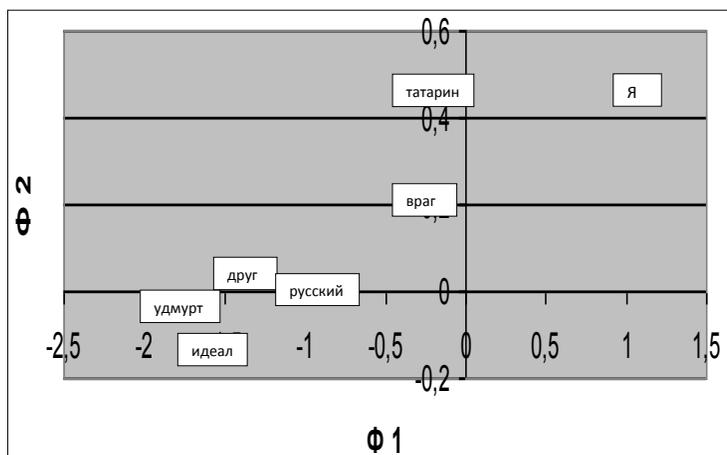


Диаграмма 1. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Игринского района

Что касается второго фактора «Социальная позиция», согласно оценкам респондентов, наиболее активными являются категории «я» и «татарин». Их социальная активность порой перерастает в неугомонность; они деловиты, обладают высокой работоспособностью, рассудительностью. В то же время в них присутствуют такие черты, как корыстность и лживость, что свидетельствует о способности опуститься до обмана, чтобы защитить собственные интересы. Недалеко от них располагается категория «враг», в ней вышеперечисленные черты однозначно присутствуют, но выражены гораздо меньше, чем в категориях «татарин» и «я».

Близки по своим характеристикам категории «русский» и «друг». Они характеризуются как социально активные люди. Они деловиты, шустры, болтливы, неугомонны и рассудительны. Им свойственна некоторая степень корысти и лживости, но выражены данные черты минимально. Недалеко от этих категорий располагается «удмурт». Респондентами отмечается, что в нём присутствуют простота, перерастающая в простодушие, нежелание отстаивать свои интересы, ворчливость, рассеянность и стеснительность. Причём в категории «идеал» они выражены ещё ярче.

Семантическое облако, которое составляют категории «удмурт», «русский», «друг», «идеал», говорит о том, что игринские удмурты в качестве друга предпочли бы русского и удмурта, поскольку, по их представлениям, они близки к категории идеальный человек. Отдалённость категорий «я» и «идеал» свидетельствует об отсутствии у опрашиваемых склонности идеализировать себя.

Стереотипные представления удмуртской молодёжи Кезского района

Семантическое пространство удмуртов Кезского района в рамках фактора «нравственные устои» объединило категории «удмурт», «идеал», «друг». Для представителей этих категорий характерна простота в общении, отсутствие высокомерности, рассудительность; они любят работать; в общении им присуща конкретика. Наряду с этим, они очень скромны и добры. Близость этих категорий говорит о том, что в качестве друга кезские удмурты предпочтут удмурта. Недалеко от этих категорий располагаются «враг» и «русский». По словам наших респондентов, они обладают вышеперечисленными чертами, но менее выраженными. Объяснить положительную оценку, данную «врагу», можно тем, что эта категория вызвала недоумение при заполнении анкеты. Респонденты ссылались на то, что как таковых врагов у них нет, а потому они даже не могут охарактеризовать их.

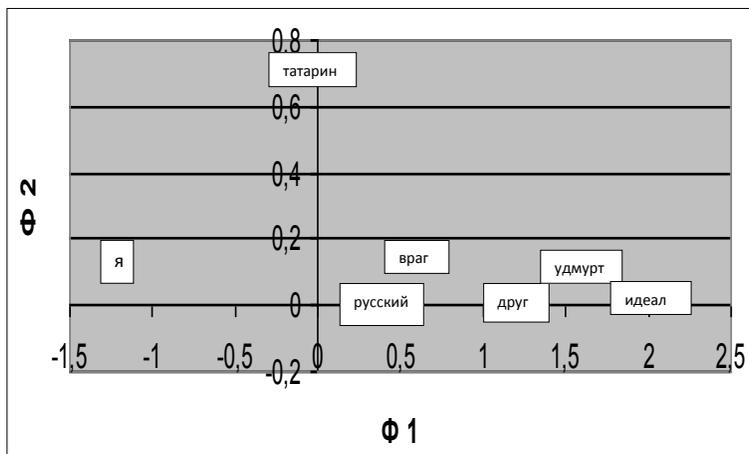


Диаграмма 2. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Кезского района

«Татарин» характеризуется как неугомонный, шустрый, болтливый, при этом он и лжив, и корыстен. Как старшими респондентами в интервью, так и молодёжью в анкетах было отмечено, что татарин ленивый, он не любит работать сам, предпочитает, чтобы за него это делали другие. Интересно, что, характеризуя себя, респонденты отметили те же черты, которые были приписаны татарам, при этом они в них выражены ярче, чем в татарине. Из всех вышеперечисленных категорий самый социально активный – «татарин». Он отстаивает свою точку зрения, вплоть до навязывания её другим. Обладает высоким интеллектом и рассудительностью, которая включается только при наличии личной выгоды. Что касается «врага», «я», «удмурта», «друга», «идеала», данные черты в них выражены слабо. «Русский» характеризуется как ленивый, склонность к активной социальной позиции в нём проявляется лишь тогда, когда это касается его личных интересов. Преследуя свои корыстные цели, может пойти на обман. Несмотря на это, он прост в общении, и с ним легче найти общий язык, нежели с «удмуртом» и «татаринном».

Стереотипные представления удмуртской молодёжи Балезинского района

Анализ анкет респондентов Балезинского района выявил три чётко выраженных семантических облака. Одно из них объединило категории «друг» и «идеал». С точки зрения нравственных устоев, для них харак-

терна доброты, отзывчивость, это люди не высокомерные, рассудительные. В обществе занимают активную социальную позицию, любят быть в центре внимания, разговорчивы. Им присуще трудолюбие. Другое семантическое облако объединяет категории «удмурт», «русский», «я». «Удмурт» характеризуется как обладатель высоконравственных устоев: он добр, прост в общении, рассудителен, всегда готов протянуть руку помощи. Категория «я» располагается недалеко от удмурта, поскольку респонденты отметили в себе такие же черты. Необходимо отметить, что «удмурт» располагается ближе к «идеалу», чем «я», поскольку все вышеперечисленные черты в самих респондентах выражены не так ярко.

Для «русского», который занял место недалеко от категорий «удмурт» и «я», также присущи черты идеального человека, но наряду с этим, в нём проявляются корысть, лживость, ворчливость. Они не являются доминирующими, но, тем не менее, с ними нельзя не считаться. «Русский» в меру активен и трудолюбив, любит поговорить и привлечь к себе внимание с помощью разговоров.

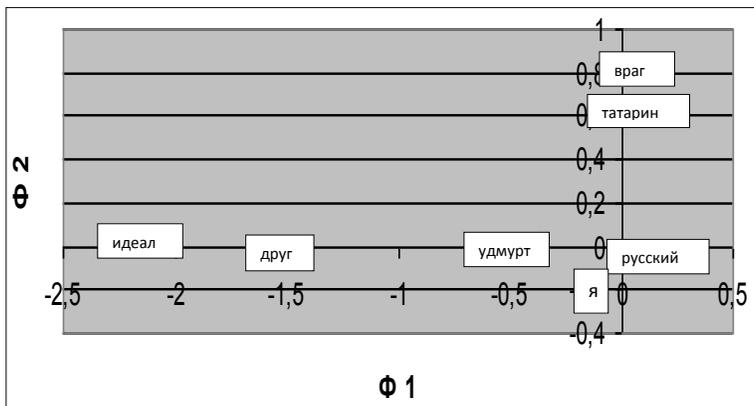


Диаграмма 3. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Бalezинского района

Противопоставлены всем этим категориям представления о «татари-не» и «враге». По мнению респондентов, они корыстны, могут обмануть ради своей выгоды, чрезмерно болтливы, ворчливы. Занимают активную социальную позицию. Способны постоять за себя, а в случае собственной выгоды – за своего ближнего. Они чрезмерно рассудительны. Их рассудительность порой может перерасти в холодную расчётливость.

Стереотипные представления удмуртской молодёжи южных районов Удмуртии

Стереотипные представления удмуртской молодёжи Малопургинского района

Анализ анкет, заполненных респондентами южных районов, дал несколько иные результаты. Так, диаграмма, составленная по стереотипным представлениям жителей Малопургинского района, показала следующее. Единое семантическое облако составили близкие по духу три категории – «друг», «идеал», «удмурт». Для их нравственных устоев характерна скромность, причём «идеал» скромнее, нежели «удмурт» и «друг». Они просты в общении, добры и вежливы, отзывчивы, помогут в трудную минуту. В разговоре немногословны, всегда говорят только по делу, не любят сплетничать. Респонденты дали неоднозначную оценку при характеристике активности занимаемой социальной позиции двух категорий – «идеал» и «удмурт». В случае острой необходимости и «идеал», и «удмурт» могут вести себя бойко, стойко и активно отстаивать свою позицию. В повседневной жизни все эти качества будут выражены слабо. Относительно «друга» была отмечена активность, умение говорить и убеждать людей в своей правоте, неутомимость, однако все эти черты в нём выражены слабо. Близость вышеупомянутых категорий указывает на то, что в качестве своего друга респонденты предпочтут удмурта, так как с ним легче всего найти общий язык. Данная категория является для них идеальной не только в статусе собеседника, но человека вообще.

Категория «я» занимает отдельную позицию, не совпадая ни с «удмуртом», ни с «татаринном», ни с «русским». С точки зрения нравственных устоев респонденты оценили себя как корыстных, лживых, ворчливых, ленивых. Подчёркивая тем самым свою неидеальность. С категорией «удмурт» их сближает только социальная позиция. Они будут вести себя бойко только тогда, когда им это будет необходимо и жизненно важно, в остальных случаях предпочтут промолчать, заняв пассивную позицию.

В категории «русский» малопургинцы подчёркивают нечистоплотность, склонность к сплетням, болтливость, лживость, недовольство всеми, кроме себя, эгоистичность. Они занимают активную социальную позицию, шустры, неутомимы. В своих интересах могут и солгать, не обязательны.

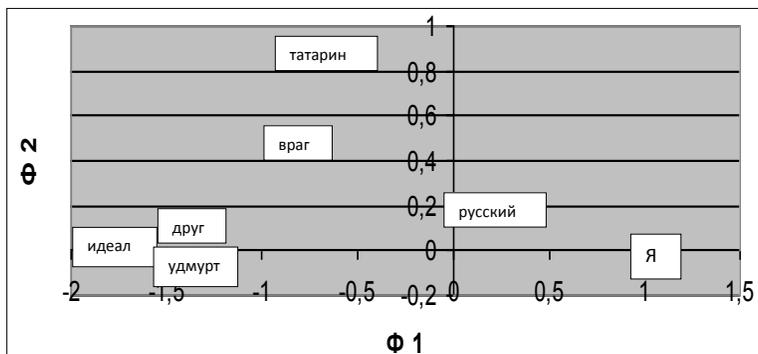


Диаграмма 4. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Малопургинского района

Интересно, что по нравственным устоям категории «русский» и «я» совпадают, причём респонденты подчёркивают, что такие негативные качества, как корыстность, лживость и ворчливость выражены в них ярче, нежели в «русских». Категория «татарин» наделяется рассудительностью и коварством. Он действует исподтишка, болтлив и лжив. При этом очень шустрый и активный. Категория «враг» наделяется теми же чертами, что и категория «татарин», но не совпадает с ней.

Стереотипные представления удмуртской молодёжи Алнашского района

Согласно стереотипным представлениям удмуртов Алнашского района, самые приспособленные к современной жизни люди – это татары: они активны, деловиты, предприимчивы. Способны очень быстро сориентироваться в сложившейся социальной ситуации, приспособиться к её изменениям, могут много и красиво говорить. Их ораторское мастерство часто перерастает в изворотливость, благодаря которой они всегда выходят сухими из воды. Этот народ рассудителен. Говоря об их достоинствах, многие респонденты подчёркивают ум, сообразительность и находчивость. Любят работать, причём любую работу всегда облегчают себе до максимума.

Категория «врага» оценена неоднозначно. С одной стороны, он простой в общении, рассудительный человек, очень активный, деловой, стеснительный и даже мягкотелый (характеристика *небыт сюлэм* у южных удмуртов аналогична рус. мягкотелый), но с другой – лживый

и болтливый. Возможно, это связано с тем, что у молодёжи возникли определённые трудности при оценке данной категории. Они ссылались на то, что у них вообще нет врагов, и даже если они с кем-то поссорятся, обычно после недолгого промежутка времени следует примирение. Зато данная ими характеристика полностью соответствует тому, что говорили взрослые респонденты о категории «враг». В частности они подчёркивали, что обычно такие люди с виду бывают достаточно милыми, отзывчивыми, разговорчивыми. Склоняя собеседника к беседе, они выуживают из него нужную информацию, а затем используют её в своих корыстных целях. Саму суть этой категории отражает поговорка «при тебе – по тебе, без тебя – о тебе».

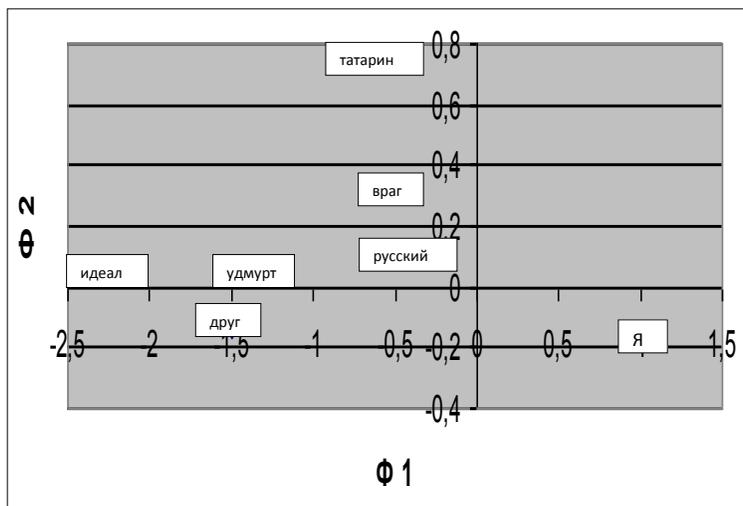


Диаграмма 5. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Алнашского района

Категория «русский» наделена рассудительностью, болтливостью, неугомонностью, чистоплотностью. Это люди, занимающие активную социальную позицию, они могут постоять за себя, но при этом им свойственна такая черта, как стеснительность. Они болтливы и неугомонны. Близко друг к другу расположились категории «идеал» и «удмурт»: они активные, деятельные, рассудительные, просты в общении, но при этом стеснительны и скромны. Активность их социальных позиций низкая,

что свидетельствует об отсутствии стремления к лидерству и преобладании желания быть одним из многих. «Друг» представлен как человек активный, рассудительный, но в то же время очень стеснительный. Ему свойственны определённая корысть, мягкотелость, рассеянность, склонность к лени. Категория «я» по фактору социальной активности находится практически на одном уровне с категорией «друг». Это значит, что респонденты оценили себя как мягкотелых людей, которым трудно отказать своему собеседнику в чем-либо, даже если это им доставит некоторые неудобства. Выделили в себе такие черты, как стеснительность, рассеянность; из нравственных качеств – корысть, лживость, ворчливость и болтливость.

Стереотипные представления удмуртской молодёжи Можгинского района

На диаграмме Можгинского района отчётливо видны два семантических облака. Одно из них объединяет категории «враг» и «татарин». С точки зрения социальной активности респонденты охарактеризовали их как трудолюбивых, рассудительных, активных, деловых, шустрых. Что касается нравственных устоев, они лживы, корыстны, ворчливы, чрезмерно болтливы. Причём все перечисленные черты в татарине выражены ярче, чем в категории враг.

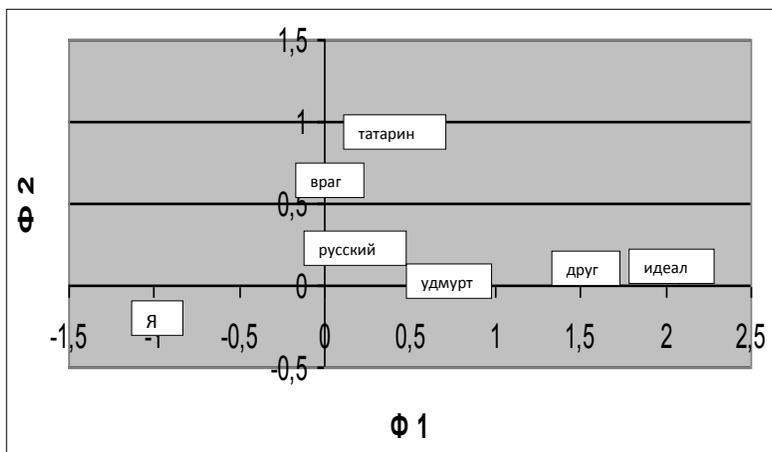


Диаграмма 6. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Можгинского района

Второе семантическое облако объединило категории «удмурт», «друг», «идеал». По представлениям респондентов, идеальный собеседник – это простой человек, он не зазнаётся в процессе общения, добрый и отзывчивый, рассудительный. Он должен быть чистоплотным и внешне опрятно выглядеть, уметь поддержать разговор, но не быть болтливым, занимать активную социальную позицию, но без навязчивости. Идеальный собеседник в меру корыстен и лжив, в противном случае, им как альтруистом попросту все начнут «пользоваться». Такую же характеристику респонденты дали категории «друг». Что касается «удмурта», он тоже в меру активен и деловит, рассудителен. Его нравственным устоям абсолютно не соответствуют такие понятия, как лживость, ворчливость и корысть. «Удмурт» всегда очень добр, отзывчив, трудолюбив. В общении простой, не зазнаётся, не пытается поставить себя выше собеседника, при этом очень стеснительный и неугомонный. Если в голову придёт какая-то идея, он не успокоится, пока её не осуществит. «Русский» занимает среднюю позицию между двумя семантическими облаками. Он далёк от идеала, но и не враг. Более лжив, корыстен, разговорчив, «не полезет за словом в карман». Занимает активную социальную позицию, может постоять за себя и свои интересы, но его активность намного ниже, чем у «татарина». По стереотипным представлениям, «русский» близок к «удмурту». Что касается категории «я», она противостоит всем перечисленным категориям и не совпадает ни с одной из них. С точки зрения социальной позиции респонденты охарактеризовали себя как неугомонных, болтливых, ворчливых, рассеянных – полный антипод «идеалу». В то же время они ассоциируют себя с категорией «удмурт», благодаря доброте, отзывчивости, скромности и просте в общении, стеснительности.

Таким образом, проанализированный материал, собранный среди этнотерриториальных групп удмуртов, свидетельствует о противоречивости проектного и реального коммуникативного поведения удмуртской молодёжи. Несмотря на утверждения юношей и девушек о том, что стереотипы весьма условны и не должны влиять на процесс коммуникации, сами они обладают чётко сформированными стереотипными представлениями, влияющими на выбор их коммуникативной стратегии. Так, удмурт характеризуется как человек стеснительный, трудолюбивый, руководствующийся чувством альтруизма, которое сильно доминирует над корыстью. Практически на всех диаграммах категория «удмурт» располагается рядом с категорией «идеал», «друг». Это говорит о том,

что респондентам проще найти общий язык с представителями своей национальности: кто, как не человек, говорящий с тобой на одном языке, обладающий схожим менталитетом, может выслушать и понять тебя. Как отмечают сами респонденты, удмурт прост в общении и рассудителен, поэтому с ним легче всего найти общий язык, а, следовательно, проще вступить в коммуникативный контакт: *«Мон малтамъя, удмурт удмуртэз валалоз, ноку но уз уськыты сереме, маке мыдлань верамед понна, унижать уз кары, потому что со ачиз сыче ук»* (Я думаю, что удмурт удмурта всегда поймёт, никогда не будет смеяться над неправильным произношением, не будет унижать, потому что он сам такой же) [ПМА, 2012. Коровин Д. М., с. Бураново]. *«Мукет городэ лыктійськод ке, кытын нокыче тодмод но өвёл, удмурт адямиез адзиськод ке, сюлэм ук каньыл луэ, аслад чыжы-выжыед кадь со потэ»* (Когда приезжаешь в другой город, где нет никого из знакомых, увидишь удмурта, и на сердце легко становится, он воспринимается уже как родственник) [ПМА, 2015. Алнашский район, д. Старая Шудья].

Татарин, по мнению удмуртской молодёжи, общителен, порой даже болтлив, легко идёт на контакт. Будучи человеком бойким, никогда не полезет за словом в карман. Всегда действует лишь во благо себе, а потому будет помогать кому-то лишь тогда, когда увидит собственную выгоду. Он очень шустрый, всегда и везде успевает, чаще других оказывается в нужном месте в нужное время, умеет приспосабливаться к быстро меняющейся социальной среде, умеет отстаивать своё мнение и интересы. Он рассудителен настолько, что порой это качество плавно переходит в холодный и трезвый расчёт. Трудолюбив, работая на себя, при этом способен рационально организовать свой рабочий процесс. Татарин далёк от идеала: он слишком изворотлив.

Респонденты реже склонны выбирать татар в качестве друзей, хотя и отмечают, что этот народ хорошо приспособился к современной жизни. Доказательством тому является их социальная активность, занимаемые высокие должности в органах власти. Поскольку большинство опрошенных не знают татарский язык, особенности коммуникативного поведения этого народа часто вызывают раздражение. Например, внутреннее негодование и возмущение вызывает громкий разговор на татарском языке в общественных местах. В связи с этим среди удмуртов, как северных, так и южных районов, бытуют присказки: *«Бигерьёс куинь кузя ке, отын базар ни»* (Если три татарина вместе, там уже базар) [Зафиксировано в Балезинском районе], *«Бигерьёс удмуртьёстэк улыны уг быгато»*

(Татары без удмуртов жить не могут) [Зафиксировано в Алнашском районе], «Удмурт, пе, ыж вордэ, бигер шуба нуллэ» (Удмурт овец разводит, а татарин шубу носит) [Зафиксировано в Кезском районе].

Русский, по мнению респондентов, – активный, шустрый, хотя в этом качестве уступает татарину: несколько лжив и корыстен, но ему не чуждо и чувство альтруизма; рассудительный, открытый для общения. На большинстве диаграмм молодёжи, проживающих в северных районах Удмуртии, данная категория располагается рядом с «другом», «идеалом» и даже «я». Это говорит о том, что респонденты находят в русских много схожих черт в коммуникативном поведении, а, следовательно, им легче найти общий язык с представителями этого этноса. Они не прочь видеть их в числе своих друзей. Данная позиция не вызывает удивления хотя бы потому, что молодые удмурты северных районов республики сегодня активно оперируют русским языком не только в межэтнической коммуникации, но и в общении между собой. В то же время респонденты отмечают в русских такие черты, как лживость и изворотливость, поэтому в процессе межэтнической коммуникации удмурты будут «осторожничать и держать ухо востро».

Идеальный собеседник, по мнению и северных, и южных удмуртов, должен быть добрым, отзывчивым, не высокомерным, разговорчивым, но не болтливым, в меру скромным. Южные удмурты сюда добавляют ещё такие черты, как лживость и корысть, но ровно в той мере, какой эти качества могут помочь отстоять свою точку зрения, заработать авторитет в современном обществе.

Категория «враг» фактически на всех диаграммах получает неоднозначную оценку. С одной стороны, это простой в общении, стеснительный и даже добрый человек, а с другой – лживый, корыстный, болтливый и нечистоплотный. Возможно, данную ситуацию можно объяснить тем, что у большинства респондентов, по их признанию, нет врагов, а все конфликтные ситуации обычно быстро разрешаются примирением. Нельзя не заметить, что неоднозначная оценка молодёжи совпадает с мнением большинства старших респондентов, которые в ходе интервью отмечали, что обычно враги с виду люди доброжелательные, разговорчивые и вежливые. Они входят в доверие и выуживают необходимую информацию, которую впоследствии могут использовать в своих интересах.

Как молодёжь, так и старшие респонденты отмечали, что у понятия «враг» нет и не может быть национальной принадлежности, потому что данный статус человек приобретает при определённых обстоятельствах,

например, совершении неблагоприятных поступков, стремлении навредить другому и т. д. В связи с этим необходимо отметить, что близкое расположение на диаграммах категории «враг» и «татарин» является лишь показателем того, что коммуникация с представителями этой национальности не всегда складывается удачно, и в общении с ними удмурт никогда полностью не раскроется, предпочтёт о многом умолчать, а иной раз даже избежать контакта. В связи с этим отметим, что в коммуникативной лексике удмуртов, особенно северных, можно обнаружить немало негативных вербальных символов, связанных с татарами, например, *бигер голоша кадь* (как татарская галоша, аналог. рус. некрасивый), *бигер кышно* (татарская жена, аналог. рус. сварливая, болтливая женщина).

Большинство же старших респондентов из южных районов Удмуртии отмечали, что им легче найти общий язык с татарами, и доверяют они им больше, чем русским. Данную закономерность можно объяснить особенностями истории удмуртского народа. Северным удмуртам легче найти общий язык с русскими, так как они раньше, чем южные удмурты, начали контактировать с ними, раньше вошли в состав Российского государства, образ жизни русского и удмуртского крестьянства во многом совпадал, сходными были и их эстетические представления. Южные удмурты в своем историческом развитии достаточно долгое время находились в сфере влияния тюркоязычного мира (Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство), что предопределило интенсивные хозяйственно-бытовые и этнокультурные взаимодействия между ними, в силу которых и межэтническая коммуникация, например, с татарами, у них до сих пор остаётся дружественной [Владыкин 2002: 24].

Необходимо также отметить, что молодёжь в отличие от людей пожилого возраста признаёт условность авто- и гетеростереотипных представлений. У последних они выражены чётко и являются более устойчивыми, и закреплёнными на уровне вербальной лексики: *шузи-мази пор кышно* (бестолковая марийская женщина; аналог. рус. дура); *пор визь* (ум марийца; аналог. рус. недалёкий, дурачок); *бигер йыр* (татарская голова, аналог. рус. корыстный человек); *кудзем зуч кадь* (как пьяный русский, в знач. *бессвязно, непонятно говорящий человек*); *бигер кышно – лек пушнер* (татарка – злая крапива; в знач. *злая женщина, способная больно ранить своим словом*). Подобное явление было описано американским социологом Р. Э. Парком на материалах, собранных в результате многократных поездок по США. Исследователь считает, что сложившиеся стереотипные представления, имеющие негативную окраску,

обосновывают тем, что речь на незнакомом языке, а также поведение человека, говорящего на этом языке «в одних случаях оставляют у нас порой в виде осадка чувство фрустрации и замешательства. В других случаях это побуждает нас не к определённой деятельности, а к смутному эмоциональному протесту или безотчётному сопротивлению. Это эмоциональное выражение беспокойства, умножаемое и усиливаемое зеркальным влиянием разума на разум, может в итоге принять форму социальной мозговой бури» [Парк 2010: 210].

Возможно, подобные закрепившиеся стереотипы также связаны с бытующим в удмуртском коммуникативном пространстве представлением о том, что к чужаку всегда нужно относиться настороженно, особенно к человеку, который говорит на другом языке. Считается, что чужак в семью ничего хорошего не принесёт. Данная мысль находит своё подтверждение в произведениях художественной литературы [Кедра Митрей 1926; Байтеряков 2003]. Подобного мнения придерживаются и наши респонденты: *«Мума шуылїз вал, тодмотэм мурт ёсад йыгаське ке, солэсь удмурт кылын юано: “Кин отын?”. Пумитад удмурт кылын ик ке тыныд вазизы – ёстэ усьты. Урод аядями удмурт кылын уз вераськы»* (Мать говорила, что когда к тебе в дверь стучится незнакомый человек, его на удмуртском нужно спросить: «Кто там?»). Если ответ получишь на удмуртском языке – дверь открывай. Плохой человек на удмуртском не разговаривает) [ПМА, 2009: Русских А. Г., д. Ю-Тольён].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммуникативное поведение в традиционном удмуртском обществе регламентировалось религиозно-мифологическими представлениями, поверьями, традицией, обычаями, а также общинным укладом жизни и обычным правом. Оно было представлено моделями и правилами поведения, регулируемыми общине людей разного возраста, пола и социальных статусов. Знания о правилах коммуникативной культуры хранились старшим поколением, которое через разные культурные и социальные институты передавало их молодым.

Исследователи XVIII века не ставили перед собой задачи описания коммуникативного поведения удмуртов, тем не менее, обращали внимание на особенности менталитета и этнически специфические способы поведения, среди которых выделяли сдержанность в выражении эмоций, флегматичность, лаконичность, открытость, благочестивость и смиренность. В XIX – начале XX века отмечаются изменения в коммуникативном поведении: наблюдается тенденция к этническому обособлению, преобладание боязливости, подозрительности.

Этническая специфика коммуникативного поведения современных удмуртов особенно ярко проявляется в вербальном общении. Именно язык, являясь главным компонентом, определяющим этническое самосознание, не только делит удмуртское коммуникативное пространство на «своё» и «чужое», но и позволяет идентифицировать собеседника. Поскольку для современного удмуртского общества характерно двуязычие, существует и своя система употребления удмуртского и русского языков (а в некоторых ареалах татарского или марийского). Так, в сельской местности одним из факторов, влияющим на выбор языка, является возраст. Для общения с пожилыми людьми преимущественно прибегают к родному – удмуртскому языку. Иначе это может расцениваться как невежливость, незнание языка, восприятие собеседника как «чужака». Иногда обращение молодёжи к пожилым на русском языке вызывает у последних чувство недоумения и обиды. Языком общения в публичной

сфере может быть как русский, так и удмуртский, или оба языка одновременно. Но в ситуациях официального общения, в общественных местах и в городской среде преимущественно используют русский язык, так как он выступает в качестве языка межнационального общения.

Следование традиционным правилам коммуникативного поведения наиболее ярко проявляется в ритуальной сфере: при погребальных и поминально-умиловительных обрядах, принятии новорожденного в семью родственников, обрядах, связанных с новосельем, проводами в армию. Согласно представлениям респондентов, эти события являются своеобразными поворотными моментами, от которых зависит дальнейшая судьба человека, а потому к ним нужно относиться со всей серьезностью, опираясь на знания и опыт предшествующих поколений. В связи с этим в ритуальной сфере поведение индивида регламентируется традиционными представлениями и обычаями.

Традиционные представления в вербальной коммуникации сохраняются в отношении пожеланий и слов-оберегов. Для большинства респондентов они обладают такой же степенью реальности, как предметный мир. Сохраняется мнение, что пожелания с негативной оценкой, которые приравниваются в удмуртском коммуникативном пространстве к инвективе, являются не просто оскорбительными, но и могут нанести определённый урон адресату. Противодействовать им можно с помощью слов-оберегов, произнесённых в ответ. Пожелания с положительной оценкой, часто употребляемые в процессе повседневного общения и в некоторых обрядах, выполняют функцию поддержания коммуникативных контактов и укрепления социальных связей.

В удмуртском коммуникативном пространстве прослеживается и чрезвычайная зависимость от общественного мнения. Действующее правило, согласно которому репутация родителей распространяется и на их детей, а по поведению детей судят о родителях, пробуждает стремление зарекомендовать себя с лучшей стороны в глазах общественного окружения. Возможно, именно поэтому сохраняется повышенная чувствительность к оценке со стороны других людей.

Наряду с сохранением традиционных форм поведения, происходит и их трансформация. Данную тенденцию можно проследить на примере гостеваний. Практически ушла в небытие традиция, когда гости одного дома считались гостями всех родственников, живущих рядом. В настоящее время гостепосещения чаще проходят в узком семейном кругу. Исключение составляют свадьбы, юбилеи и провода в армию.

По этим поводам обычно собирают широкий круг родственников и друзей. Что касается юбилеев и свадеб, то их предпочитают проводить в заведениях общественного питания – кафе, ресторанах, столовых и т. д.

Частично изменилась традиция подбора подарков. Респонденты старшего возраста отмечают, что раньше подарки несли глубокий символический смысл и регламентировались традициями. В период дефицита дарили тот товар, который удавалось купить. Сегодня же в изменившейся экономической ситуации предпочтение отдаётся деньгам, как универсальному подарку.

Анализ невербальной коммуникации показал, что она имеет ярко выраженную эмоциональную основу и выступает в качестве средства воздействия на собеседника, усиливающего вербальные формулы во время общения. Для выражения определённой эмоции характерны свои кинемоморфемы. Их применение различается по половозрастному принципу. Жесты, характерные для молодёжи, не используются среди лиц старшего возраста; считающиеся предпочтительными для мужчин (особенно выражающие агрессию), порой вовсе неприемлемы для женской половины населения. Необходимо отметить, что исследователи XVIII–XIX столетий выделяли в качестве распространённой кинеморфемы рукопожатие при приветствии. По словам респондентов, рождённых в первой половине XX века, удмурты практически не прибегали к жестам во время общения, поскольку такой тип поведения не приветствовался старшим поколением. Современные же удмурты (особенно молодёжь) обладают более разнообразным экспрессивным репертуаром, прибегают к использованию жестов как в официальной, так и в неофициальной обстановке.

Невербальное поведение удмуртов регулируется разнообразными традиционными поверьями, сохранившимися до сегодняшнего дня, стереотипными представлениями о должном поведении полов. Нарушение этих негласных правил вызывает недоумение, неприятие, создаёт препятствия в общении. Так, недопустимо нарушать личную пространственную границу в общении с незнакомым и малознакомым человеком, гостю недопустимо проходить в дом за порог без приглашения хозяев, передавать предметы через символическую границу и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что невербальный язык является широко распространённым, и потому понятными для большинства удмуртов, тогда как вербальные формулы имеют локальный характер. Они бывают понятны лишь в конкретном месте и определённой ситуации, например,

в коммуникативном пространстве нескольких деревень. Могут различаться и на мезоуровне – среди северных и южных удмуртов. Но обозначенные различия не создают непреодолимых затруднений в процессе общения тех и других. Что касается кинем, то они в основном выделяются лишь пожилыми людьми 1920–1940-х годов рождения, поскольку это поколение помнит традиции, чтит их, руководствуется ими в своей повседневной жизни, а также имеет возможность сравнивать, как было и как стало.

В мимике предпочтение отдаётся взгляду, который становится не только средством передачи информации, но и показателем её достоверности. В целом же мимика удмуртов совпадает с общепринятой. Поскольку её используют при трансляции эмоционально окрашенной информации, которая обычно сопровождается состоянием аффекта. В таких ситуациях мало кто контролирует свои действия, а потому большинство эмоций передаётся с помощью одинаковых жестов, особенно среди этносов, живущих по соседству и образующих единую коммуникативную среду.

Письменная коммуникация, как и устная, осуществляется на двух языках. Интересно, что при написании развёрнутого письма предпочтение отдавалось удмуртскому языку, при составлении телеграмм – русскому. Мужчины отдавали предпочтение письмам, считая открытки менее значимыми. Женщины любили отправлять и получать как письма, так и открытки.

Появление новых средств коммуникации внесло некоторые изменения в повседневное общение удмуртов. Так, стационарные телефоны устанавливались не в каждом доме, поэтому допускалось приходиться к односельчанам без приглашения для совершения телефонного звонка.

Благодаря распространению новых технологий и Интернета появляются новые аудиовизуальные формы общения: SMS-сообщения, мессенджеры и социальные сети. Это способствует повышению интенсивности общения, осуществлению коммуникативных взаимодействий, несмотря на разделяющее расстояние. Кроме того, Интернет открывает новые возможности для самих носителей языка, которые заключаются не только в возможности перевести устную речь в письменную, но и популяризировать национальную культуру. Так, благодаря Интернет-пространству проекты по популяризации удмуртского языка и культуры приобретают массовый характер. Например, объединение «Куара», созданное инициативной группой удмуртской молодёжи, проводит видеолекции и встречи,

как на русском, так и на удмуртском языках, посвящённые современной и традиционной культуре удмуртов, организует видео- и медиашколы для детей и родителей. Благодаря Интернет-пространству их деятельность получает массовую огласку и широкий круг зрителей.

Таким образом, коммуникативное поведение удмуртов является сложной, постоянно развивающейся системой, которая содержит в себе не только пласт, отражающий традиционный этикет и традиционные удмуртские мифологические представления, но и новые формы и приёмы общения, пополняется новыми коммуникативными практиками, соответствующих духу и реалиям современной жизни.

Изучение коммуникативного поведения остается актуальной проблемой, поскольку появляются новые средства коммуникации, повышается мобильность и усиливаются миграционные потоки. Представленное в данной монографии исследование открывает горизонты для дальнейших научных изысканий в данном направлении, таких как исследование социальных и духовных изменений структуры межэтнической коммуникации в диахроническом аспекте, анализ вербальной и невербальной коммуникации носителей различных диалектов и локальных групп удмуртов, а также виды коммуникаций и их особенностей в ритуально-обрядовой сфере.



Полотенце – традиционный подарок призывнику. Вышивка крестом.
д. Ю-Тольён, Кезский район, Удмуртия. 2018 г.
Фото из семейного архива Н. С. Русских



Полотенце – традиционный подарок призывнику.
Оформление шариковой ручкой.
д. Ю-Тольён, Кезский район, Удмуртия. 2018 г. Фото из семейного архива Н. С. Русских



Проводы в армию. Новобранец с платками – подарками от родных и близких. д. Средний Постол, Завьяловский район, Удмуртия. 2016 г. Фото из личного архива И. А. Умникова



Ритуал касания платками во время обряда проводов в армию. д. Средний Постол, Завьяловский район, Удмуртия. 2016 г. Из личного архива Ю. Г. Рогожниковой



Передача ребёнка крёстным родителям. д. Ю-Тольён, Кезский район, Удмуртия. 2011 г. Фото из семейного архива Н. С. Русских



Проводы в армию. Новобранец с полотенцами – подарками от родных и близких. д. Кечур, Малопургинский район, Удмуртия. 2014 г. Фото из семейного архива М. С. Гасникова



Коммуникативное поведение удмуртов. Балезинский район, Удмуртия. 2013 г. Фото Д. Л. Корнилова



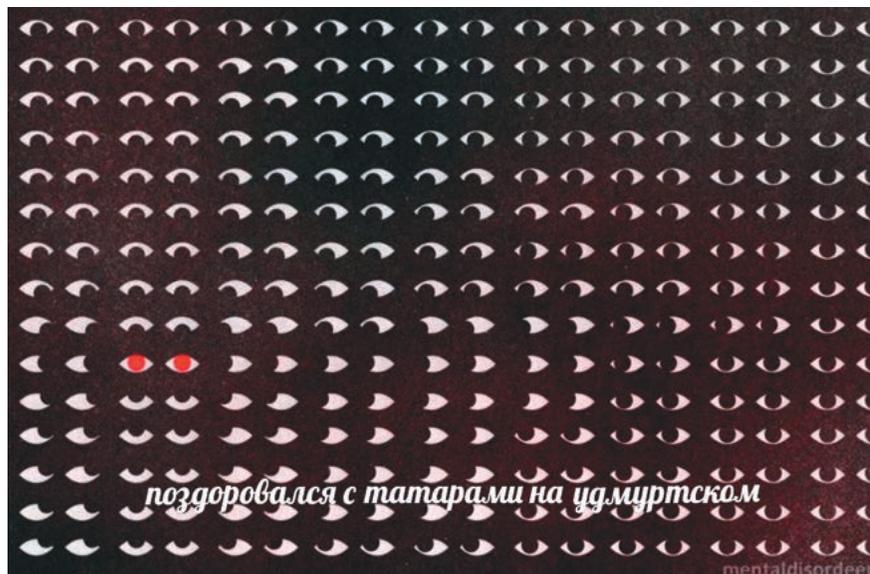
Поза удмурта в бытовой, неофициальной обстановке. Финляндия. 2015 г. Фото Д. Л. Корнилова



Коммуникативное поведение удмуртов. с. Бураново, Малопургинский район, Удмуртия. 2013 г. Фото Д. Л. Корнилова



Демонстрация способа угощения гостей напитками. д. Дубровский, Киясовский район, Удмуртия. 2019 г. Фото Т. Н. Русских



Гетеростереотипные представления о коммуникативном поведении татар.
 Источник: Интернет-сообщество «Удмурт мемъёс».
 URL: <https://vk.com/udmurtmemes> (дата обращения: 09.09.2018)



Реакция удмурта на шутку по поводу его акцента.
 Автостереотипное представление. Источник:
 Интернет-сообщество «Удмурт мемъёс». URL: <https://vk.com/udmurtmemes> (дата обращения: 09.09.2018)



Пример употребления «пустых» присказок (буш веранъёс). («Сынок, я только вчера купила два килограмма конфет... а сегодня их уже нет!» «Опа, лошадь / было и корова». – *Перевод Т. Р.*). Источник: Интернет-сообщество «Эн гуньды». URL: <https://vk.com/engunjdy> (дата обращения: 07.08.2018)



Автостереотипные представления о коммуникативном поведении современных удмуртов. («Сынок, ты почему стал разговаривать на русском?») Мальчик думает на удмуртском: «Да, в садике все разговаривают на русском», но вслух отвечает: «Да, в садике все разговаривают зуч сямен (букв. на русском. – *Перевод Т. Р.*)». Источник: Интернет-сообщество «Эн гуньды». URL: <https://vk.com/engunjdy> (дата обращения: 07.08.2018)



МАР МОН МАЛПАСЬКО

Автостереотипные представления о коммуникативном поведении удмуртов. («Что я думаю». «Что я говорю». – *Перевод Т. Р.*). Источник: Интернет-сообщество «Эн гунды». URL: <https://vk.com/engunjdy> (дата обращения: 07.08.2018)



МАЕ МОН ВЕРАСЬКО

Кукe шуиськод мукет удмуртлы "чырткем", нош со тыныд "здравствуйте"



Автостереотипные представления о коммуникативном поведении удмуртов («Когда говоришь другому удмурту “чырткем” (здравствуй), а он тебе “здравствуйте”»). Источник: Интернет-сообщество «Эн гунды». URL: <https://vk.com/engunjdy> (дата обращения: 07.10.2019)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Васина Т. А., Поздеев И. Л. Материалы полевых этнографических исследований 2014 г. в г. Ижевск, Можга Удмуртской Республики по гранту РГНФ «Ресурсный потенциал удмуртов в различных социо- и этнокультурных средах (номер проекта 12-31-0101011). НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2. Дело 1648. 115 л.

Перевозчикова Т. Г. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции института и УдГУ (под руководством Перевозчиковой Т. Г.) в Завьяловский, Алнашский, Шарканский, Можгинский, Вавожский, Малопургинский, Киясовский, Балезинский районы УАССР (1983 г.). НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2-Н. Дело 759. 697 л.

Поздеев И. Л. Полевые материалы этнологической экспедиции, собранные в Малопургинском районе Удмуртской Республики в августе 2005 г. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2-Н. Дело 1419. 7 л.

Поздеев И. Л. Материалы полевых этнографических исследований, собранные в 2013 году в г. Ижевске, г. Глазове Удмуртской Республики, Кукморском районе Республики Татарстан по гранту РГНФ «Ресурсный потенциал удмуртов в различных социо- и этнокультурных средах (номер проекта 12-31-0101011). НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2-Н. Дело 1637. 27 л.

Русских Т. Н. Этнографическое исследование Глазовского, Кезского, Якшур-Бодьинского, Дебёского, Игринского, Алнашского районов, а также городов Глазова, Ижевска, Можги 2003–2011 гг.: НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Опись 2-Н. Дело 1598. 55 л.

Опубликованные источники

Адямылы ёеч лэсьтыса, ачид но ёечгес луиськод: Удмурт калык пословицаос но поговоркаос. Ижевск: Удмуртия, 1976. 25 с.

Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991. 144 с.

Ар-Серги В. А вы и не спрашивали... Мои засечки удмуртским топором // Луч. 2006. № 4. С. 70–71.

Ар-Серги В. А родной – статья чужим [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2015. № 21. URL: <http://lgz.ru/article/-21-6510-27-05-2015/a-rodnoy-stat-chuzhim/> (дата обращения: 30.03.2018).

Атаманов А., Владыкин В. Їыжы-выжы, семья, гурт кусыпъёсты возьматъсь удмурто-зучо кыллюкам // Кенеш. 2007. № 10. С. 96–111.

Атаманов М. Г. Удмурт нимбугор: Словарь личных имён удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. 396 с.

Атаманов М. Удмурт нимъёс но сямъёс // Молот. 1985. № 7. С. 41.

Байтеряков Н. С. Жин азвесь крезьгурен: Кылбуръёс но поэмаос. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 656 с.

Бехтерев В. М. Вотяки, их история и современное состояние: бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. 1880. № 8. С. 622–654.

Богаевский П. М. Очерк быта сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Посвящается Николаю Николаевичу Харузину. Вып. 3. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. С. 13–64.

Большой психологический словарь [Электронный ресурс] / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: Издательство Прайм-Еврознак, 2007. URL: <https://psychological.slovaronline.com> (дата обращения: 22.01.2019).

Бух М. Вотяки. Этнологическое исследование / Пер. с нем. А. Н. Маркина (Машинописная перепеч. с изд.). Устинов: [б.и.], 1987. 248 с. (Является переводом «Die Wotjaken. Eine ethnologische studie. Helsingfors, 1882).

В вотяках (окончание) // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1888. № 38. С. 4.

В вотяках (продолжение) // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1888. № 33. С. 3.

В вотяках // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1888. № 32. С. 3.

Валишин Р. Г. Инвожо уйшоре но пиштэ. Ижевск: Удмуртия, 1974. 152 с.

Ваткалэн гуръёсыз: Кылбуръёс, поэмаос, басняос, веросьёс, пьесаос, гожтэтыёс, статьяос. Ижевск: Удмуртия, 1992. 320 с.

Вахитов С. Коркалэн шулдырез – ньлпи // Удмурт дунне. 2006. № 35. С. 5.

Вахитов С. Пинал куно // Удмурт дунне. 2006. № 54. С. 5.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края // Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. 14. Вып. 2. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1886. 219 с.

Верещагин Г. Е. К вопросу о происхождении вотяков и их верований (записки этнографа) / В переработке и под редакцией Ф. Стрельцова // Труды. Вып. 2: 1926 год / Научное общество по изучению Вотского края. Ижевск: Издание Научного общества по изучению Вотского края: Удкнига, 1926. С. 8–24.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1.: Вотяки Сосновского края. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 260 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2.: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 200 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3.: Этнографические очерки: в 2 книгах. Кн. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 308 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3.: Этнографические очерки: в 2 книгах. Кн. 2. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 248 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 288 с.

Виноградов С. Н. Фэн-шуй по-удмуртски // Инвожо. 2015. № 2. С. 44–45.

Вотяки // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1859. № 32. С. 215–219.

Вотяки // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1884. № 101. С. 3

Вотяки, их нравы, образ жизни и обычаи // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1885. № 45. С. 3.

Вятские вотяки // Вятские губернские ведомости. 1861. № 10–11. С. 7.

Г. И. В вотяцкой деревне // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1900. № 81. С. 2.

Гаврилов Б. Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урясь-Учинского прихода // Труды IV археологического съезда в России. Т. 2. Казань: Типография Императорского Университета, 1891. С. 80–156.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть I. О народах финского племени. Пер. с немецкого. СПб.: Тип. Шнора, 1776. С. 55–66.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей / предисл. и прим. В. А. Дмитриева. Перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.; изд. 2-е. СПб.: Русская симфония, 2007. 808 с.

Герд К. Люкам сочинениос: куать томен. Т. 3.: Веросьёс, повесть, пьесаос, статьяос, научной ужьёс, гождэттьёс. Ижевск: Удмуртия, 2004. 326 с.

Герд К. П. Вотяк в своих песнях. Гл. 1.: Песни о песнях // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. Кн. 1 / Под ред. К. П. Герд и проф. В. П. Налимова; Науч. о-во по изучению вотяцкой культуры. Удмурт культурез тодон-эскерон боляк М.: Центральное Издательство Народов Союза С.С.Р., 1926. С. 17–40.

Григорьева С. А., Григорьев Е. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.: Языки русской культуры, 2001. 256 с.

Гуменникова А. Чего хочет мужчина удмурт? // Инвожо. 2009. № 7. С. 36–37.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 710 с.

Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск: Удмуртия, 1967. 133 с.

Дзюина К. Н. Средства образного выражения в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1996. 144 с.

Ильин М. И. Похороны и поминки вотяков Белебеевского района Башкирской Республики // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. Кн. 1 / Под ред. К. П. Герд и проф. В. П. Налимова; Науч. о-во по изучению вотяцкой культуры. Удмурт культурез тодон-эскерон боляк М.: Центральное Издательство Народов Союза С.С.Р., 1926. С. 62–68.

Кедра Митрей. Идна-Батыр: 4 йозо трагедия: Удмуртъёслэн поръёсын ожмаськон даурзы. XIV даурын выльм ужьёс. Ижевск: Удкнига, 1926. 80 с.

Кедра Митрей. Мон-А-Чим. Пичи обезьянлэн мадемез. Ижевск: Удкнига, 1927. 39 с.

Кедра Митрей. Секыт зйбет. Проза, поэзия. Ижевск: Удмуртия, 1988. 391 с.

Кедров Ф. Катя: Кылбуръёс но повесть. Ижевск: Удмуртия, 1989. 112 с.

Кибардин Н. Вотяки как предмет исследования (продолжение) // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1897. № 85. С. 5–7.

Кибардин Н. Вотяки как предмет исследования // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1897. № 84. С. 5–7.

Кибардин Н. Из истории сближения вотяков с русскими // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1898. № 22. С. 7–8.

Короленко В. Г. Сборник произведений. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 354 с.

Кошурников В. С. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк // Приложение к Известиям общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете за 1879 г. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1880. 44 с.

Красильников Г. Д. Тонэн кылысько. Повестьёс, очеркёс, статьяос, гож-тэтьёс. Ижевск: Удмуртия, 1978. 247 с.

Кто мы? Пöртмаськон (ряжение) // Мынам Удмуртие. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n2fVh9a4bc8> (дата обращения: 12.01.2012).

Ласточкин С. Е. Вотяки «Туклинского рода» / В переработке и под редакцией Ф. Стрельцова // Труды. Вып. 2: 1926 год / Научное общество по изучению Вотского края. Ижевск: Издание Научного общества по изучению Вотского края: Удкнига, 1926. С. 70–76.

Лебедев В. В. Вятские записки. Киров: Кировское книжное издательство, 1957. 174 с.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб.: Типо-литогр. М. П. Фроловой, 1899. 333 с.

Максимов В. А. Вотяки. Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск: Удкнига, 1925. 126 с.

Малиев М. Антропологический очерк вотяков // Труды общества естествоиспытателей при казанском университете. Т. IV. Вып. 2. Казань: Типография Казанского университета, 1870. 17 с.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Изданием Императорской Академии Наук, 1791. 99 с.

Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН; Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2010. 331 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 943 с.

Островский Д. Н. Вотяки Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. Т. 4. Вып. I. Казань: Литотипография К. А. Тилли, 1873. 48 с.

Очерки воспитания детей у вотяков Вятской губернии // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1892. № 38. С. 3.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. I. СПб.: Императорская Академия наук, 1773. С. 29–51.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I: Древняя религия вотяков по её следам в современных преданиях. Вятка: Губернская типография, 1888. 104 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III: Следы языческой древности в образах произведений устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических). Вятка: Издательство губернского статистического комитета, 1888. 82 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз V: Следы языческой древности в суевренных обрядах обыденной жизни вотяков от колыбели до могилы. Вятка: Губернская Типография. 1890. 68 с.

Пузкар. Художественный фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LGEbvAUnQ6Y> (дата обращения: 12.08.2019).

Пукроков Ф. П. Кизили ныл: Роман, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 312 с.

Разин А. Пиед воргорон луоз-а? // Удмурт дунне. 2006. № 58. С. 5.

Разин А. Пиосмурт ке тон... // Удмурт дунне. 2006. № 43. С. 5.

Рычков Н. П. Журнал или Дневныя записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российскаго государства, 1769 и 1770 году. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770. 190 с.

Савельева А. Нылэз утча ньылпуысь // Удмурт дунне. 2010. № 10. С. 7.

Смирнов И. Н. Вотяки: Ист.-этногр. очерк И.Н. Смирнова. Казань: Тип. Ун-та, 1890. 358 с.

Сравнительный очерк экономического быта и нравственного культа русского и вотского населения в пределах Малмыжского уезда // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1892. № 73. С. 4.

Сравнительный очерк экономического быта и нравственного культа русского и вотского населения в пределах Малмыжского уезда (продолжение) // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. 1892. № 74. С. 3–4.

Удмурт выжыкылъёс: Вотские сказки / Собрал И. Я. Яковлев. Казань: Издательство Казанского вотского издательского подотдела, 1920. 15 с.

Удмурт калык пословицаос, поговоркаос. Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1961. 188 с.

Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов / Авт.-сост. Т. К. Борисов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. 384 с.

Удмуртские народные сказки, мифы и легенды / Сост. Н. П. Кралина. Ижевск: Удмуртия, 2008. 160 с.

Удмуртско-русский словарь. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. 922 с.

Узы-боры. Художественный фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8dekSR9v-Us> (дата обращения: 01.10.2015).

Философский словарь / Под ред. Н. М. Ланды. М.: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.

Munkacsi B. Votjak nepkolteszeti hagyományok. Budapest: Kiadja a Magyar tudományokademia. 1887. 336 с.

Литература

Аксянова Г. А., Давыдова С. С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 164. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. 32 с.

Амичба С. М. Об охотничьем ритуале и языке абхазов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 75–78.

Анисимов Н. В. *Алама / урод ин(ь)ты* 'плохое место' в этнокультурном ландшафте удмуртов: коммуникативный аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 10. Вып. 3. С. 43–55.

Анисимов Н. В. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов: дис. ... док. философии по фольклористике. Тарту: Институт исследований культуры факультета гуманитарных наук и искусств Тартуского университета, 2017. 386 с.

Антонова Н. С. Взаимодействие этнической и языковой структуры в современном обществе // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2012. № 5. С. 157–162.

Армстронг Н. Полное руководство. Язык жестов: Как распознать и истолковать практически любой известный жест / Пер. с англ. В. Г. Панова. М.: АСТ: Астрель, 2007. 222 с.

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

Арутюнян Ю. В., Дробижева, Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.

«А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в) / Под ред. Н. Л. Пушкарёвой. М.: Ладомир, 1999. 861 с.

Балаян А. Р., Шабанов А. Ш. Некоторые особенности коммуникативного поведения азербайджанцев // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 88–92.

Байбурин А. К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Этнографическое обозрение. 1985. № 2. С. 36–46.

Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 63–88.

Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л.: Наука, 1990. 165 с.

Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. М.: Крон-Пресс, 1998. 502 с.

Бажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения) // Этнографическое обозрение. 1978. № 5. С. 3–17.

Бажноков Б. Х. Приём почётного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 179–201.

Боас Ф. Ум первобытного человека. М. – Л.: Государственное издательство, 1926. 154 с.

Бочкарева А. В. Этнические стереотипы: основные методологические подходы к исследованию и особенности использования психосемантических методов: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / Российский университет дружбы народов. М., 2014. 203 с.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.

Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004. 440 с.

Бутыльская Л. В. Коммуникативная полифункциональность русской поздравительной открытки // Учёные записки Забайкальского государственного университета: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2 (55). С. 12–15.

Бухаров В. М. Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 94–101.

Васильев С. Ф., Шибанов В. Л. Под тенью Зэрпала: дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов. Ижевск: Изд. Удм. ун-та, 1997. 304 с.

Васюра С. А. Психология коммуникативной активности человека: Монография. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. 299 с.

Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 2. Воронеж: ВГУ, 2004. 316 с.

Визуальные аспекты культуры–2006: сб. науч. ст. / Под ред. В. Л. Круткина, Т. А. Власовой. Ижевск: ГОУВПО «Удмурт. гос. ун-т», 2006. 324 с.

Викторова Л. Л. Об этнической специфике культуры (на примере некоторых народов алтайской языковой семьи) // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 205–225.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Владыкин В. Е. Естественно-исторические и этнокультурные основания традиционной толерантности удмуртов // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: материалы международной научной конференции: к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: Издательство Института экономики и управления УдГУ, 2002. С. 23–30.

Владыкин В. Е. Мон: О себе и других, о народах и Человеках, и ... Ижевск: Удмуртия, 2003. 398 с.

Владыкин В. Е. «Как слово наше отзовется...» (слово в системе этнокультурной информации) / Многоязычие в образовательном пространстве. Т. 5. К 75-летию Ж.-Л. Моро: французского финно-угроведа, переводчика, поэта. Сб. науч. статей. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. С. 329–336.

Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Удмурты: Историко-этнографический очерк. Ижевск: Удмуртия, 2008. 248 с.

Владыкина Т. Г. Удмуртские поверья в системе этносоциальной регламентации // Традиционное поведение и общение удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. С. 126–170.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 1998. 354 с.

Владыкина Т. Г. Мифология визуального и акустического в коммуникативном поведении удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 2008. № 5–1. С. 83–88.

Владыкина Т. Г. Картина мира удмуртов в зеркале языка // Актуальные проблемы современной фольклористики. Материалы международной научно-практической конференции (Казань, 29 июня 2009 г.). Казань: Алма-Лит, 2009. С. 102–104.

Владыкина Т. Г. Фауна в цветовой символике мифологических представлений удмуртов // Многоязычие в образовательном пространстве: Сб. статей к 60-летию профессора Т. И. Зелениной: В 2 ч. Ч. 1.: Филология. Лингвистика. М.: Флинта Наука, 2009. С. 277–279.

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар–год–берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2011. 318 с.

Волкова М. С., Григорьева М. Н. Идеал женской красоты у финно-угорских народов Поволжья // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: сб. ст. международной научно-практической конференции. Ч. 3. Уфа: НИЦ АЭТЕРНА, 2016. С. 7–12.

Вопросы теории и истории языка: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб.: Изд-во С.-Пб. Ун-та, 1993. 248 с.

Воронцова Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83–86.

Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: АПН РСФСР, 1956. 224 с.

Гамезо М. В., Петрова Е. А., Орлова Л. М. Возрастная и педагогическая психология. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/gameso_vosrast (дата обращения: 18.05.2017).

Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм–Эксмо, 2008. 544 с.

Гибш Т., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М.: Прогресс, 1972. 296 с.

Глухов В. А., Глухова Н. Н. Системная реконструкция марийской этнической идентичности: научное издание. Йошкар-Ола: Стринг, 2007. 186 с.

Головлёва Е. Л. Основы межкультурной коммуникации. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 222 с.

Горелов И. Н. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.

Горелов И. Н. Невербальные компоненты. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. 103 с.

Горелов И. Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвной мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. М.: Молодая гвардия, 1991. 240 с.

Горелова Н. Е. Отношение ко времени в японской и русской лингвокультурах // Вестник МГИМО–университета: Филология. 2014. № 4 (37). С. 306–311.

Грачёва Г. Н. Этнические особенности языка культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 102–121.

Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарная статья в экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М.: РГУ, 1996. С. 136–146.

Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Academia, 2006. 331 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. 640 с.

Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных / Пер. А. Ковалевского. СПб.: Типография Ф. С. Сущинского, 1872. 335 с.

Демидов О. В. Инвективная лексика в СМИ (на примере политического журналистского дискурса) // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 11. № 11. С. 90–94.

Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация базовой эмоции «страх» в мансийском языке (на материале соматических фразеологических единиц) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 4. С. 7–20.

Домокош П. История удмуртской литературы. Ижевск: Удмуртия, 1993. 445 с.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. 288 с.

Душенкова Т. Р. Отражение национального характера в фразеологической картине мира // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Международная научная конференция. Ижевск, 2002. С. 320–327.

Душенкова Т. Р. Куата пуйы – вог пуйы, или отношение к обиде в удмуртском языковом сознании // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Вып. 3. С. 15–24.

Душенкова Т. Р. Секыт кыл vs. Капчи кыл, или представления о слове в удмуртском языке // Когнитивная лингвистика. 2015. № 3. С. 124–132.

Ермушкин Г. И. Особенности коммуникативного поведения эрзя-мордовского народа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. С. 111–116.

Жельвис В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 296–312.

Жельвис В. И. Поле брани. М.: Ладомир, 2000. 349 с.

Жельвис В. И. «Грубость»: проблема классификации лексики // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 109–113.

Заворотищева Н. С. Инвективные обозначения недостатков умственного развития // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. № 3. С. 35–37.

Зайцева Е. В. Культурная обусловленность письменного фатического общения // Вестник Воронежского государственного университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 122–127.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 382 с.

Зевгинцев В. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа [Электронный ресурс] // Новое в лингвистике. Выпуск 1. URL: http://www.clases.ru/grammar/148.new-in-linguistics-1/source/worddocuments/_15.htm (дата обращения: 12. 10. 2011).

Иванова Ю. В. Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 139–153.

Ильясов Ф. Н. Мат в три хода (опыт социологического исследования феномена нецензурной брани) // Человек. 1990. № 3. С. 54–58.

Ионин Л. Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 280 с.

Ишмуратова Л. Н., Махмутова А. С., Фаткуллина Ф. Г., Хисамова Г. Г. Речевая культура личности в условиях билингвизма [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18423> (дата обращения: 09.01.2019).

Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.

Кадар Д. Контуры уральской философии. М.: Academia, 2006. 276 с.

Кардинская С. В. Удмурты об этнической идентичности (опыт пилотажного исследования) // Социс. 2005. № 5. С. 100–105.

Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 томах. Т. 1. Язык. М.: Университетская книга, 2002. 272 с.

Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2009. 312 с.

Китаев-Смык Л. А. Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань) // Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. статей. Челябинск: ЧГУ, 2005. С. 17–21.

Клементьев А. А. Представление удмуртского народа о соседних этносах (на примере сравнения стереотипов о марийцах, русских и татарах) // Иднакар. 2015. № 3 (28). С. 151–156.

Коммуникативное поведение калмыков / Т. С. Есенова, В. В. Горяева, Б. А. Ностаева и др. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2015. 140 с.

Колшанский В. Г. Паралингвистика. М.: КомКнига, 2005. 147 с.

Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: Филологический практикум / Сост. С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова. СПб.: Пропповский центр, 2014. 336 с.

Конечская В. П. Социология коммуникаций. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.

Красильников А. Г. Философия культуры: способ коммуникации как культурообразующий фактор (на материале удмуртской культуры). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2008. 87 с.

Крейдлин Г. Е. Риторика позы // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Яз. славян. культуры, 2001. С. 207–216.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 529 с.

Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А. Семиотика или Азбука общения: Учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2004. 240 с.

Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Яз. славян. культуры, 2005. 224 с.

Кузнецов А. В. Речевой этикет народов Волго-Уралья: Монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 320 с.

Кузнецова Р. А. Идеал девичьей красоты в удмуртском фольклоре и литературе // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. Ч. 3. С. 594–597.

Кузьмина Е. Б. Инвективная лексика как проблема психолого-педагогического дискурса // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4 (5). С. 26–29.

Кулаков А. Е. Междометные инвективы и общие проблемы инвектологии // Известия Саратовского университета: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. № 2. С. 32–34.

Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 3. С. 109–113.

Курьянович А. В. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2. С. 44–49.

Лабунская В. А. Психология экспрессивного поведения. М.: Наука, 1989. 135 с.

Лагун А. Е. Невербальное поведение: к методике использования в социологическом исследовании // Социс. 2004. № 2. С. 115–123.

- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
- Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка [Электронный ресурс] // *Russian Linguistics*. 1986. № 10. С. 61–72. URL: [http // www.philology.ru/linguistics2/levin-98.htm](http://www.philology.ru/linguistics2/levin-98.htm) (дата обращения: 12.09.2009).
- Леонтьев А. А. Языкознание и психология. М.: Наука, 1966. 80 с.
- Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
- Лесникова Г. Н. Фразеология удмуртского языка: автореферат дис. ... канд. фил. наук: 10.02.07 / Удмуртский гос. ун-т, Ижевск, 1994. 22 с.
- Липпман У. Общественное мнение / Пер. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2001. 142 с.
- Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам VI. Сб. науч. статей в честь М. М. Бахтина. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1973. 307 с.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII–XIX вв. СПб.: Искусство-СПб, 1994. 412 с.
- Лотман Ю. М. Тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. 312 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек–текст–семиосфера–история. М.: Языки русской культуры, 1999. 447 с.
- Лотман Ю. М., Успенский, Б. А. Миф–имя–культура // Труды по знаковым системам VI. Сб. науч. статей в честь М. М. Бахтина. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1973. 307 с.
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: Тетра Системс, 2004. 255 с.
- Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: АспектПресс, 1996. 208 с.
- Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: Агенство «ФАИР», 1998. 352 с.
- Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций. М.: Академия, 2004. 432 с.
- Мид Д. Г. Избранное: сборник переводов / Отв. ред. Д. Ф. Ефремов. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 174–175
- Мид Д. Г. Сознание, самость и общество [Электронный ресурс] // Современная американская социология. URL: [http//www.soc.lib.ru/](http://www.soc.lib.ru/) (дата обращения 12.01.2010).

Мизис И. Ю. Денотативный и коннотативный компоненты в семантике инвективных слов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 223–227.

Митин А. Н. Тот, кто первым обругал соперника, заложил основы современной цивилизации // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 3 (20). С. 29–34.

Михайлин В. Ю. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: НЛЮ, 2005. 540 с.

Михеева Е. В. Теоретические аспекты невербальных коммуникаций // Перспективы развития науки и образования. Сб. науч. трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Люберцы. 2018. С. 115–118.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с.

Мыльников А. С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 7–37.

Назмутдинова И. К. Удмуртские лексемы приветствия в Пермском крае и Удмуртской Республике // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 67–70.

Назмутдинова И. К. Семейный этикет в системе традиционной культуры удмуртов: Монография. Ижевск: Издательство «Шелест», 2017. 224 с.

Назмутдинова И. К., Поздеев И. Л. Этикет как механизм регулирования общественных отношений в удмуртском социуме: традиции и современность // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 291–295.

Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. 152 с.

Налчаджян А. А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004. 117 с.

Никитина Г. А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861–1900 гг.): Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 160 с.

Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.

Никитина Г. А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков: ресурсы и опыт адаптации: монография. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. 320 с.

Николаева Т. М., Успенский Б. А. Языкознание и паралингвистика. Лингвистическое исследование по общей славянской типологии. М.: Наука, 1966. С. 63–74.

Об этнической психологии удмуртов: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Г. К. Шкляев. Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 143 с.

Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 440 с.

Панина Т. И. Слово и ритуал в народной медицине удмуртов: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 240 с.

Парк Р. Э. Размышления о коммуникации и культуре // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX в.: Сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 201–218.

Первый всероссийский съезд фольклористов: сборник докладов. Т. 3. М.: Государственный республиканский центр фольклора, 2005. 438 с.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 408 с.

Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск: Удмуртия, 2002. 144 с.

Пивонова Н. Е. Кросскультурные коммуникации. СПб.: ИВЭСЭП Знание, 2008. 66 с.

Пиз А. Язык телодвижений. М.: Эксмо, 2006. 414 с.

Пименов В. В. Удмурты: опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 263 с.

Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 412 с.

Пишлэггер К. Удмуртский язык в интернете: между активизмом и нормализацией [Электронный ресурс] // Интернет по ту сторону цифр. С. 92–98. URL: <https://eu.spb.ru/images/arcticstudies/internet-po-tu-storonu.pdf> (дата обращения: 30.10.2019).

Плутцер-Сарно А. Определение понятия «мат» [Электронный ресурс]. URL: http://plutser.ru/mat_definition (дата обращения: 04.12. 2010).

Поваляева М. А., Рутер О. А. Невербальные средства общения. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 352 с.

Поздеев И. Л. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации: удмуртские стратегии // Вестник РУДН: Социология. 2017. № 3. С. 327–337.

Поздеева И. П., Трофимова Е. Я., Троянов В. И. Национально-культурная специфика постулатов речевого общения удмуртов // Традиционное поведение и общение удмуртов: сб. ст. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1992. С. 171–181.

Попова Е. В. Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: опыт соседства // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 66–80.

Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М.: Гнозис, 2005. 472 с.

Проблемы языкового образования в русле глобальных реформ: Сб. науч. ст. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2006. 294 с.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: КомКнига, 2006. 224 с.

Пукроков Ф. П. К вопросу о национальном характере удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 80–84.

Рис Н. Гендерные стереотипы в Российском обществе: взгляд американского этнографа // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 44–52.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1989. 322 с.

Русские писатели об Удмуртии: XVIII в. – начало XX в. Ижевск: Удмуртия, 1987. 160 с.

Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Основы этнологии: Учебник для студ. высш. учеб. зав. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2003. 304 с.

Садохин А. П., Грушевицкая, Т. Г. Культурология. Теория культуры. М.: ЮНИТИ, 2004. 364 с.

Саляев В. А. Карнавальная разгерметизация арго как предпосылка формирования сленга // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 2(1). С. 286–291.

Семёнова Л. В. Социокультурная обусловленность знакового поведения личности в стереотипных ситуациях // Проблемы языкового образования в русле глобальных реформ. Сб. науч. ст. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2006. С. 271–282.

Семёнова Л. И. Культура и быт современной удмуртской семьи. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 124 с.

Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи / Пер. А. М. Сухотин. Л.: Соцэкгиз, 1934. 243 с.

Сепир Э. Язык. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

Сепир Э. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. М.: ООО «Издательство АСТ», СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 139–156.

Сергеева А. В. Русские: стереотипы, традиции, ментальность. М.: Флинт-Наука, 2005. 328 с.

Серебрякова М. Н О знаковой функции народного костюма (на примере костюма невесты чепни Турции) // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 154–175.

Ситарам К., Когделл Г. Основы межкультурной коммуникации // Человек. 1992. № 5. С. 105–108.

Соболева И. Н. Различные аспекты коммуникации: вербальные и невербальные // Вестник Кузбасского государственного технического университета. № 62 (58). 2006. С. 180–186.

Современный городской фольклор. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 2003. 736 с.

Солдатов Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 111–125.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1998. 296 с.

Социальная психология: Практикум / Под ред. Т. В. Фоломеевой. М.: Аспект Пресс, 2006. 480 с.

Социальный мир человека: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: социальное поведение личности в изменяющемся мире», 15–16 января 2007 г. / Под ред. М. М. Кашапова, Д. Е. Львова. Ижевск: ERGO, 2007. 300 с.

Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: ВГУ, 2000. 27 с.

Стернин И. А. Невербальные средства и успешность межкультурного диалога // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: в 2 частях. Ч. 2 / Под общ. ред. Л. И. Гришаевой. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 118–147.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2006. 386 с.

Султанов Ф. Ф. Некоторые особенности коммуникативного поведения татар и башкир // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 101–110.

Тагирова Ф. И., Вахитова Д. К. Функционирование инвективной лексики с компонентом-зоонимов в татарском и удмуртском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 4. С. 31–39.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2008. 352 с.

Топорков А. Л. Происхождение элементов застольного этикета у славян // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 223–242.

Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 89–101.

Трессидер Дж. Словарь символов / Пер. С. Палько. М.: Фаир-пресс, 1999. 444 с.

Трофимова Е. Я. Гостевой этикет (к постановке проблемы) // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1989. С. 18–27.

Трофимова Е. Я. Как сложилась кухня удмуртов. Блюда удмуртской кухни. Ижевск: Удмуртия, 1991. 171 с.

Трофимова Е. Я. Коммуникативные аспекты питания удмуртов // Традиционная и материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья: Сб. ст. / Отв. ред. К. М. Климов. Ижевск: Издательство Удм. ун-та, 1995. С. 44–53.

Удмуртия: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы функционирования родных языков», посвященной 85-летию государственности Удмуртии, 25–28 октября / Ред. Н. К. Коробейникова, М. Ю. Малышев. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2005. 340 с.

Удмурты: историко-этнографические очерки / Науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.

Уорф Б. Наука и языкознание [Электронный ресурс] // Новое в лингвистике. Выпуск 1. URL: http://www.clasess.ru/grammar/148.new-in-linguistics-1/source/worddocuments/_15.htm (дата обращения: 12.10.2011).

Уорф Б. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на наше мышление // Языки как образ мира. М.: «Издательство АСТ», СПб.: Terra fantastica, 2003. С. 157–219.

Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 474 с.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1994. 780 с.

Утехина А. Н. Межкультурное образование молодежи в полиэтничном регионе (на примере Удмуртской Республики): Монография. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. 150 с.

Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. 172 с.

Фрейд З. Я и Оно. М.: ЭКСМО, 2005. 864 с.

Функционализм Б. Малиновского [Электронный ресурс] // Фонд знаний «Ломоносов». URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128384> (дата обращения: 03.04.2015).

Хисамова Г. Г., Латыпова Л. М. Речевой этикет: национально-культурная специфика и методический аспект исследования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19261> (дата обращения: 09.01.2019)

Холл Э. Язык тела: Как понять иностранца без слов. М.: Вече, 1995. 432 с.

Хотинец В. Ю. Этническая самоидентификация в структуре этнического самосознания // Вестник Удмуртского Университета. 1999. № 4. С. 7–15.

Хотинец В. Ю. Психологические и культурные факторы этнотипического поведения // Российская академия наук, психологический журнал. Том 26. № 2. 2005. С. 33–44.

Хотинец В. Ю. Этнические стереотипы: гендерный аспект (на примере доминантных народов УР) // Вестник Удмуртского Университета: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. 2008. С. 3–16.

Хотинец В. Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социс. 2011. № 2. С. 99–108.

Хотинец Ю. В., Молчанова Е. А. Когнитивная сложность в преобразовании картины мира // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 310–313.

Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.

Христолюбова Л. С. Стереотипы общения и социализация личности // Традиционное поведение и общение удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. С. 31–42.

Христолюбова Л. С. Калык сямъёсты чакласа: дышетскисьёслы краеведения юртгэт. Ижевск: Удмуртия, 1995. 212 с.

Цыпанов Е. А. Суффиксоид *-ноз* в составе пейоративной лексики коми языка // Финно-угоский мир. 2008. Т. 10. № 1. С. 52–56.

Цыпанов Е. А. Опыт изучения пейоративной лексики коми языка (на материале стихов И. А. Куратова) // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое настоящее и будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 60-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета ПГГПУ. Сер. «Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа». Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2015. С. 87–96.

Чернышев А. В. Современная советская мифология. Тверь: Пять вечеров, 1992. 250 с.

Чеснов Я. В. Шаг Майтрейи: некоторые аспекты изучения кинесики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 122–138.

Чакуда Л. П. О некоторых особенностях этикета абхазов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 79–87.

Чураков В. С. О внутриэтнических подразделениях удмуртов // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2005. С. 557–560.

Шаханова Н. Ж. Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 176–188.

Шкляев Г. К. Межэтнические отношения в Удмуртии: Опыт историко-психологического анализа. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 213 с.

Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 300 с.

Шулакова Н. Н. Стратегии аккультурации удмуртской сельской молодёжи в городе // Вестник удмуртского университета. 2014. Вып. 3. С. 175–180.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка, литературы УрО РАН, 2001. 304 с.

Шутова Н. И. Удмуртские знающие / гадатели туно в конце XVIII–XX веках: способности, функции, социальный статус // Традиционная культура. 2017. № 2(66). С. 67–78.

Щеглова И. В. Татарско-русское двуязычие: коммуникативное поведение его носителей: монография. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. 79 с.

Эредженов В. Этнопсихологические особенности форм общения носителей монгольских языков // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 123–124.

Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. 320 с.

Этнические стереотипы поведения / Под ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. 325 с.

Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. 297 с.

Этнопсихоллингвистика / Авт.-сост. Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковин. М.: Наука, 1988. 190 с.

Этнос–Культура–Человек: Сб. материалов международной научной конференции, посвященной 60-летию В. Е. Владыкина. Ижевск: АНК, 2003. 504 с.

Юнг К.-Г. Человек и его символы. М.: Медков С.Б., «Серебряные нити», 2016. 352 с.

Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака. М.: URSS, 2007. 633 с.

Язык жестов: Происхождение языка жестов. Специфика русских жестов / Сост. А. А. Мельник. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 448 с.

Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. 600 с.

Язык и мы. Мы и язык: Сб. ст. памяти Б. С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р. И. Розина. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 546 с.

Приложение 1

Вопросник «Коммуникативное поведение и опыт межкультурного общения»

Общие сведения об информанте

1. Ф. И. О., пол, год, рождения, образование, место рождения, профессия.
2. Считаете ли Вы себя удмуртом?
3. По каким признакам Вы относите себя к удмуртам (родители-удмурты, место рождения, знание языка, знание традиций и т. д.)?

Общение с малознакомыми, неизвестными и иностранцами

1. Каким образом происходит знакомство?
2. Кому принадлежит инициатива в знакомстве: мужчине или женщине?
3. Кто чаще вступает в разговор с неизвестными: мужчины или женщины; русские, татары или удмурты; молодёжь или люди старшего поколения?
4. Как Вас учили ваши родители, и каким образом Вы поступаете сейчас?
5. С кем Вам легче знакомиться с человеком одной национальности или проще найти общий язык с представителем другой национальности?
6. Свободно ли Вы вступаете в разговор с неизвестными Вам людьми? Что может послужить поводом для начала разговора с неизвестным?
7. Какие темы разговора считаются обычными между неизвестными людьми (в очереди, при ожидании приёма у врача)?
8. Разговаривают ли с неизвестными людьми дети?
9. Насколько откровенным можете быть в общении с неизвестным человеком? О чём можно говорить?
10. Допустим ли юмор в разговоре? В каких случаях и в отношении каких категорий лиц его можно использовать, а в каких стоит воздержаться?
11. Допустимо ли пользоваться прозвищами во время разговора? К кому можно обратиться, используя прозвища (к неизвестному, другу, начальнику, коллеге, женщине, мужчине)?
12. Стараетесь ли Вы побыстрее сблизиться с собеседником, преодолеть рамки официального общения?
13. Можете ли вы свободно вступить в разговор с иностранцем?

Общение между мужчиной и женщиной

1. Есть ли ограничения на тематику общения между мужчинами и женщинами?
2. Какие темы являются чисто мужскими, а какие чисто женскими?
3. Принято ли, чтобы мужчина помогал женщине: а) при выходе из транспорта, б) нести тяжелые вещи?
4. Какими способами мужчина может показать в общении с женщиной своё уважение к ней?
5. Какие слова, анекдоты, шутки нельзя произносить в присутствии мужчин/женщин?
6. Принято ли уступать место женщинам в общественном транспорте?
7. Кто чаще всего первый начинает разговор: мужчина или женщина?
8. Есть ли специфические мужские или женские позы? Какие из них наиболее допустимы в смешанном разговоре?

Общение с соседями

1. Принято ли общаться с соседями?
2. Какие темы обычно обсуждаются?
3. Где больше общаются с соседями: а) в городе б) в деревне?
4. Можно ли заходить к соседям в гости без приглашения?
5. С какими просьбами можно обращаться к соседям?
6. Принято ли вмешиваться в поведение соседей в сфере их семейной жизни?

Общение в гостях

1. Как Вы относитесь к обычаю гостеприимства?
2. Как нужно приглашать в гости?
3. Когда нужно отказываться от приглашения, а в каких ситуациях его нужно принимать?
4. Можно ли женщине приглашать в гости мужчину и наоборот?
5. Когда ходят в гости? Что обычно берут с собой?
6. Какие правила поведения существуют для гостя, хозяина?

Характер коммуникации

1. Каким образом принято поддерживать контакт (использовать дополнительные вопросы, поддерживающие реплики и т. д.)?
2. Можно ли перебивать собеседника в процессе разговора?
3. Каким образом можно остановить контакт?
4. Как дать понять собеседнику, что вы не хотите продолжать разговор (смена темы, контакт взглядом, молчание, пауза)?

Язык жестов, мимики

1. Существуют ли способы выражения при помощи мимики согласия, несогласия, сомнения и т. д.? Какие?
2. Есть ли жесты, сопровождающие речь, но не имеющие самостоятельного значения?
3. Какие жесты можно использовать в диалоге самостоятельно? (например, пожатие плеч обозначает «не знаю»)
4. Часто ли Вы прибегаете к жестикуляции? В каких случаях? Какие примеры Вы можете привести?
5. Как Вы относитесь к тем людям, которые часто прибегают к жестикуляции?
6. Какие жесты и мимику Вы используете, когда:
 - а) подзываете, приглашаете;
 - б) запрещаете что-либо делать;
 - в) угрожаете;
 - г) утверждаете или наоборот сомневаетесь (отрицаете);
 - д) спрашиваете;
 - е) что-либо просите?
8. Существуют ли какие-либо требования, касающиеся взгляда?
9. Приняты ли формы телесного контакта (похлопывание по плечу, спине и т. д.)? По отношению к кому их можно использовать?

Приложение 2

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН проводит исследование «Виды коммуникаций в поведенческих стереотипах современных удмуртов». Мы надеемся на Ваше участие и рассчитываем получить обстоятельные и продуманные ответы, от которых будут зависеть итоговые выводы данного научного проекта. Оцените, пожалуйста, по семибальной шкале (-3, -2, -1, 0, 1, 2, 3) насколько, по Вашему мнению, приведённые слева характеристики соответствуют выделенным выше категориям:

-3 – не соответствует, такого никогда не бывает

-2 – бывает крайне редко

-1 – практически не бывает

0 – не знаю

1 – бывает иногда

2 – чаще всего да

3 – абсолютное соответствие

При несовпадении впишите в левый столбик слова, которыми принято обозначать выделенные характеристики в вашей местности.

Ваш пол (*нужное подчеркнуть*) 1. мужской 2. женский

Ваш возраст _____

Место проживания (*укажите район или город, в котором вы живёте*)

	удмурт	татарин	русский	Мой идеал	Мой друг	Мой враг	Я
Парсь (нечистоплотный)							
Ульча чача (болтливый)							

Быжтэм зичы (лживый)							
Комак (корыстный)							
Бурсйсь пороз (ворчун)							
Миськем сяртчы (чистюля)							
Востэм (стеснительный)							
Туливить (неугомонный)							
Пыч (шустрый)							
Йыртэм чорыг (рассеянный)							
Каньыл адями (простой человек)							
Кузьыли (деловой)							
Небыт сюлэм (добрый)							
Чупырес адями (активист)							
Наж-наж адями (рассудительный)							
Зарни ки (работяга)							
Кустэм кион (лентяй)							

Большое спасибо!

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Алнашский район

1. Андереев Александр Максимович, 1993 г.р., удмурт, д. Кузебаево
2. Кириллов Константин Иванович, 1988 г.р., удмурт, с. Алнаши
3. Козленко Татьяна Филипповна, 1955 г.р., удмуртка, д. Шайтаново
4. Крутикова Татьяна Васильевна, 1961 г.р., удмуртка, д. Азаматово
5. Максимова Раиса Ильинична, 1936 г.р., удмуртка, д. Азаматово
6. Максимов Николай Кузьмич, 1933 г.р., удмурт, д. Азаматово
7. Павлов Роман Леонидович, 1981 г.р., удмурт, д. Азаматово
8. Павлова Василиса Павловна, 1921 г.р., удмуртка, д. Шайтаново
9. Павлова Екатерина Романовна, 1959 г.р., удмуртка, д. Азаматово
10. Павлова Елена Михайловна, 1983 г.р., удмуртка, д. Азаматово
11. Смирнов Алексей Михайлович, 1982 г.р., удмурт, д. Старая Шудья

Балезинский район

1. Булдакова Ольга Викторовна, 1972 г.р., удмуртка, с. Пыбья
2. Владыкина Нина Геннадьевна, 1970 г.р., удмуртка, с. Пыбья
3. Волкова Калиста Ивановна, 1936 г.р., удмуртка, с. Пыбья
4. Волкова Роза Сергеевна, 1940 г.р., удмуртка, с. Пыбья
5. Волкова Татьяна Николаевна, 1986 г.р., удмуртка, д. Нурызово
6. Волкова Фаина Леонтьевна, 1938 г.р., удмуртка, с. Пыбья
7. Иванова Татьяна Вениаминовна, 1977 г.р., удмуртка, с. Пыбья
8. Князев Вадим Владимирович, 1986 г.р., удмурт, д. Нурызово
9. Князев Георгий Юрьевич, 1982 г.р., удмурт, д. Нурызово
10. Князева Мальвина Ивановна, 1939 г.р., удмуртка, п. Балезино
11. Князева Надежда Николаевна, 1985 г.р., удмуртка, д. Нурызово
12. Князев Николай Васильевич, 1956 г.р., удмурт, д. Нурызово
13. Князев Юрий Васильевич, 1938 г.р., удмурт, д. Нурызово
14. Павлова Клавдия Васильевна, 1927 г.р., удмуртка, с. Пыбья
15. Поздеева Галина Гавриловна, 1933 г.р., удмуртка, с. Пыбья
16. Русских Нина Петровна, 1956 г.р., удмуртка, с. Пыбья
17. Русских Николай Ананьевич, 1961 г.р., удмурт, с. Пыбья

18. Русских Татьяна Сергеевна, 1983 г.р., удмуртка, п. Балезино
19. Савина Августа Спиридоновна, 1917 г.р., удмуртка, с. Пыбья
20. Савина Тамара Пименовна, 1945 г.р., удмуртка, с. Пыбья
20. Сычугов Константин Александрович, 2001 г.р., удмурт, п. Балезино
21. Тронина Ольга Ананьевна, 1957 г.р., удмуртка, с. Пыбья
22. Тронин Владимир Ардадьонович, 1952 г.р., удмурт, с. Пыбья
23. Чирков Алексей Викторович, 1986 г.р., удмурт, п. Балезино

Вавожский район

1. Ефремова Елизавета Спиридоновна, 1932 г.р., удмуртка, д. Новая Бия
2. Ефремов Леонид Васильевич, 1930 г.р., удмурт, д. Новая Бия
3. Ефремова Нина Максимовна, 1957 г.р., удмуртка, д. Новая Бия
4. Зайцева Галина Семеновна, 1933 г.р., удмуртка д. Новая Бия
5. Зорин Александр Васильевич, 1997 г.р., удмурт, д. Новая Бия
5. Кадесников Алексей Иванович, 1998 г.р., удмурт, д. Новая Бия
5. Корепанова Анна Поликарповна, 1936 г.р., удмуртка, с. Вавож
6. Никитин Николай Евгеньевич, 1998 г.р., удмурт, с. Водзимонье
7. Шубин Геннадий Васильевич, 1950 г.р., удмурт, с. Вавож

Глазовский район

1. Асыллова Елена Павловна, 1929 г.р., удмуртка, д. Верхняя Слудка
2. Афонина Нина Дмитриевна 1925 г.р., удмуртка, д. Выльгурт
3. Дмитриева Анна Аполлоновна, 1931 г.р., удмуртка, д. Дондыкар
4. Кельдышева Нина Кузьминична, 1931 г.р., удмуртка, д. Верхняя Слудка
5. Максимова Эмилия Сергеевна, 1933 г.р., удмуртка, д. Адам
6. Семенова Любовь Леонидовна, 1965 г.р., удмуртка, д. Адам
7. Уракова Юлия Петровна, 1938 г.р., удмуртка, д. Качкашур

Дебёсский район

1. Бывальцева Надежда Юрьевна, 1989 г.р., удмуртка, с. Дебёсы
2. Докучаев Василий Петрович, 1954 г.р., удмурт, с. Дебёсы
3. Докучаева Елихонида Ильинична, 1927 г.р., удмуртка, д. Чепык
4. Докучаева Мария Ильинична, 1930 г.р., удмуртка, д. Чепык
5. Корепанова Эмилия Ипполитовна, 1957 г.р., удмуртка, с. Дебёсы
6. Корепанова Эльза Семеновна, 1944 г.р., удмуртка, с. Дебёсы
7. Наговицын Пётр Романович, 1922 г.р., удмурт, д. Чепык
8. Растегаев Владимир Васильевич, 1960 г.р., удмурт, д. Сюрногурт
9. Степанов Владимир Павлович, 1958 г.р., удмурт, с. Дебёсы
10. Степанова Галина Аркадьевна, 1960 г.р., удмуртка, с. Дебёсы

11. Степанова Елена Петровна, 1960 г.р., удмуртка, с. Дебёсы
12. Степанов Николай Евгеньевич, 1947 г.р., удмурт, с. Дебёсы
13. Степанова Ольга Владимировна, 1986 г.р., удмуртка, с. Дебёсы
14. Тронина Марина Петровна, 1985 г.р., удмуртка, д. Верх-Четкер

Завьяловский район

1. Рогожникова Юлия Геннадьевна, 1997 г.р., удмуртка, д. Троицкое

Игринский район

1. Боталова Евгения Александровна, 1999 г.р., удмуртка, п. Игра
2. Корепанова Анна Михайловна, 1930 г.р., удмуртка, д. Лудошур
3. Лекомцева Ирина Михайловна, 1990 г.р., удмуртка, д. Лудошур
4. Лекомцева Любовь Аркадьевна, 1990 г.р., удмуртка, д. Пежвай
5. Перминова Лариса Васильевна, 1974 г.р., удмуртка, с. Факел
6. Романова Клавдия Егоровна, 1927 г.р., удмуртка, д. Сеп
7. Селиверстова Татьяна Петровна, 1973 г.р., удмуртка, д. Сеп
8. Тронина Ольга Алексеевна, 1989 г.р., удмуртка, д. Сеп
9. Хохрякова Алевтина Григорьевна, 1954 г.р., удмуртка, д. Сеп
10. Хохряков Василий Федорович, 1950 г.р., удмурт, д. Лудошур
11. Чирков Александр Алексеевич, 1982 г.р., удмурт, п. Игра
12. Чирков Дмитрий Алексеевич, 1986 г.р., п. Игра
13. Чиркова Эльза Ананьевна, 1959 г.р., п. Игра
14. Шкляева Ия Ивановна, 1941 г.р., удмуртка, д. Лудошур
15. Шкляева Лидия Федоровна, 1937 г.р., удмуртка, д. Лудошур
16. Шкляева Валентина Васильевна, 1954 г.р., удмуртка, с. Менил

Кезский район

1. Главатских Василий Семёнович, 1961 г.р., удмурт, п. Кез
2. Главатских Галина Ананьевна, 1969 г.р., удмуртка, п. Кез
3. Главатских Марина Васильевна, 198 г.р., удмуртка, п. Кез
4. Корепанов Василий Павлович, 1954 г.р., удмурт, д. Ванялуд
5. Русских Августа Григорьевна, 1932 г.р., удмуртка, д. Ю-Тольён
6. Русских Елена Серафимовна, 1964 г.р., удмуртка, д. Ю-Тольён
7. Русских Сергей Ананьевич, 1965 г.р., удмурт, д. Ю-Тольён
8. Русских Николай Сергеевич, 1992 г.р., удмурт, п. Кез
9. Фёдорова Светлана Сергеевна, 1988 г.р., удмуртка, п. Кез

Кизнерский район

1. Александрова Елена Сергеевна, 1986 г.р., удмуртка, д. Безменшур

2. Кошеева Лариса Владимировна, 1985 г.р., удмуртка, д. Безменшур
3. Семёнов Константин Николаевич, 1999 г.р., удмурт, п. Кизнер

Малопургинский район

1. Коровин Денис Михайлович, 1998 г.р., удмурт, с. Бураново
2. Эрекеев Фёдор Александрович, 2000 г.р., удмурт, д. Баграш-Бигра
3. Эркина Татьяна Владиславовна, 1999 г.р., удмуртка с. Кечево
4. Утеева Татьяна Анатольевна, 1996 г.р., удмуртка, д. Итешево

Можгинский район

1. Витвинова Елена Леонидовна, 1988 г.р., удмуртка, д. Большая Уча
2. Григорьева Лидия Геннадьевна, 1996 г.р., удмуртка, д. Старые Юберы
3. Ермачёва Елена Викторовна, 1941 г.р., удмуртка, д. Юдрук
4. Николаева Ольга Николаевна, 1974 г.р., удмуртка, д. Юдрук
5. Осипова Светлана Геннадьевна, 1985 г.р., удмуртка, с. Малая Воложикья

Сюмсинский район

1. Питилёва Екатерина Владимировна, 1987 г.р., удмуртка, с. Сюмси
2. Сунцов Роман Владимирович, 1999 г.р., удмурт, с. Сюмси

Увинский район

1. Баранова Глафира Евгеньевна, 1955 г.р., удмуртка, д. Булай
2. Григорьева Людмила Илларионовна, 1930 г.р., удмуртка, д. Булай
3. Головова Раиса Степановна, 1947 г.р., удмуртка, д. Узей-Тукля
4. Махнев Аркадий Яковлевич, 1947 г.р., удмурт, д. Узей-Тукля
5. Огородникова Евдокия Михайловна, 1939 г.р., удмуртка, д. Узей-Тукля
6. Степанова Меланья Ивановна, 1921 г.р., удмуртка, д. Узей-Тукля
7. Чиркова Валентина Ефимовна, 1948 г.р., удмуртка, д. Узей-Тукля

Шарканский район

1. Титова Галина Алексеевна, 1984 г.р., удмуртка, с. Шаркан

Якшур-Бодьинский район

1. Байкузина Дарья Андреевна, 1991 г.р., удмуртка, д. Сюровай
2. Вахрушева Вероника Владимировна, 1994 г.р., удмуртка, д. Сюровай
3. Вахрушев Иван Алексеевич, 1991 г.р., удмурт, д. Сюровай
4. Зелянина Ольга Сергеевна, 1988 г.р., удмуртка, д. Зеглуд
5. Исакова Валерия Сергеевна, 1993 г.р., удмуртка, д. Сюровай

6. Козьмина Елена Петровна, 1963 г.р., удмуртка, п. Лынга
7. Козьмина Наталья Сергеевна, 2001 г.р., удмуртка, п. Лынга
8. Широбокова Инна Васильевна, 1992 г.р., удмуртка, д. Сюровой

Ижевск

1. Буркова Елена Михайловна, 1979 г.р., удмуртка, г. Ижевск, горожанка II поколения
2. Данилова Марина Владимировна, 1984 г.р., удмуртка, г. Ижевск, уроженка с. Якшур-Бодья, Якшур-Бодьинского района, горожанка I поколения
3. Дзюин Никита Александрович, 1998 г.р., удмурт, уроженец с. Киясово, Киясовский район, горожанин I поколения
4. Ельцов Владимир Сергеевич, 1993 г.р., удмурт, уроженец с. Красногорье, Красногорский район, горожанин I поколения
5. Исаев Алексей Михайлович, 1971 г.р., удмурт
6. Исаева Ольга Михайловна, 1976 г.р., удмуртка
7. Кузнецова Алёна Сергеевна, 1998 г.р., удмуртка
8. Лихачёва Елена Алексеевна, 1976 г.р., удмуртка, уроженка п. Кизнер, Кизнерский район, горожанка I поколения.
9. Пахомов Владимир Анатольевич, 1971 г.р., удмурт
10. Русских Дарья Юрьевна, 2009 г.р., удмуртка
11. Русских Екатерина Владимировна, уроженка г. Глазов, горожанка II поколения
12. Русских Юрий Николаевич, 1983 г.р., удмурт, г. Ижевск, уроженец с. Пыбья, Базезинский район, горожанин I поколения
13. Трофимова Наталья Викторовна, 1976 г.р., удмуртка, горожанка II поколения
14. Умников Игорь Александрович, 1997 г.р., удмурт

Глазов

1. Докучаев Виктор Петрович, 1961 г.р., удмурт
2. Сергейко Нина Юрьевна, 1961 г.р., удмуртка
3. Ураков Владимир Владимирович, 1956 г.р., удмурт
4. Уракова Тагзима Хайдаровна, 1961 г.р., татарка

Ульяновск

1. Шабаев Алексей Михайлович, 1987 г.р., русский, уроженец п. Восход, Ульяновская область РФ, горожанин I поколения

Научное издание

Татьяна Николаевна Русских

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ УДМУРТОВ

Монография

Печатается по решению Учёного совета

Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

На обложке использована работа художника В. В. Наговицына

«Когда луна целует твои плечи»

Литературный редактор Т. А. Пояркова

Оригинал-макет и дизайн обложки И. В. Широковой

Подписано в печать 05.12.2019. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 14,18.

Тираж 300 экз. Заказ № 66.

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Удмуртский институт истории, языка и литературы

426004. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 <http://udnii.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «АлкиД»

426011. Ижевск, ул. Пушкинская, 270.

+7 (3412) 64-42-77

lit@alkid-book.ru <http://alkid-book.ru>

ISBN: 978-5-6043914-4-0



9 785604 391440

Современный мир невозможно представить без межэтнических взаимодействий, которые происходят в различных сферах жизни человека... Социальные, экономические и политические изменения в мировом масштабе привели к повышению мобильности людей, что способствовало увеличению миграции народов, их переселению, смешению и расширению контактов. Изучение особенностей коммуникативного поведения различных народов приобретает актуальный характер и становится важным для России как полиэтничной и поликонфессиональной страны.